ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ XI.

МОСКВА, 1805.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Университетскаго Цензора.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ 1803.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Снитгеръ. — Гамбургскій анекдотъ.

Beatus ille qui forum vitat (*). Горацій.

Въ концѣ седьмаго-надесять вѣка Гамбургская Конституція, послѣ долговременнаго мятежа и неустройства, образовалась такъ, какъ она нынѣ существуетъ. Свирѣпый раздоръ царствовалъ въ городѣ; подозрѣніе и ненависть вооружали знаменитыхъ чиновниковъ другъ противъ друга. Магистратъ вошелъ въ тайную связь съ Нѣмецкими Принцами, въ надеждѣ присвоить себѣ власть верховную. Сенаторы не стыдились явно преступать законы и расхищать казну. Герцогъ Целльской, союзникъ Магистрата, гото-

(*) Т. е. „Блаженъ убѣгающій дѣлъ народныхъ!“

вился занять своимъ войскомъ Гамбургское владѣнїе; а Вѣнскїй Дворъ, пользуясь всякимъ случаемъ принѣнять Имперскїе города, бралъ виновныхъ подъ свою защиту, объявлялъ требованїя несогласныя съ Конституцїею и безпрестанно грозилъ Гамбургу отнятїемъ у него правъ города свободнаго.

Граждане, со всѣхъ сторонъ окруженные бѣдствїями, уже не дерзали говорить, и въ глубокомъ, безмолвномъ унынїи ожидали цѣпей рабства; права и политическое бытїе ихъ ежеминутно могли исчезнуть. . . . Но Георгъ Снитгеръ вступился за отечество, и спасъ его.

Хотя онъ былъ весьма богатъ, весьма уважаемъ за честность свою и разумъ, но не искалъ чиновъ и не хотѣлъ играть роли въ мятежахъ города; когда же гибель казалась неминуемою, тогда, единственно тогда сей гражданинъ вышелъ изъ произвольной своей неизвѣстности, собралъ народъ и предложилъ ему всѣ ясныя доказательства насильственныхъ поступковъ Двора Вѣнскаго. „Хотите ли, сказалъ онъ, терпѣть несправедливость, для того, что не имѣете „войска? Люди свободные непобѣдимы „своимъ мужествомъ. Не рѣдко лучшїй „способъ избѣгнуть нещастїя состоитъ

„въ томъ, чтобы его не страшиться. „Будьте великодушны и тверды, о со„граждане! Сильные угрожаютъ вамъ; „другіе сильные могутъ быть вашею за„щитою."

Смѣлость Георга Снитгера оживила собраніе. Оно торжественно объявило Магистрату, что не хочетъ никакой зависимости, не потерпитъ никакихъ нарушеній Конституціи и требуетъ наказанія виновныхъ.

Народъ какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Магистратъ, изумленный сею твердостію, отказался на время отъ плановъ властолюбія и примирился съ гражданами. Виновныхъ Сенаторовъ смѣнили и заставили возвратить похищенное ими. Бургомистра Мюрера съ безчестіемъ выгнали изъ Магистрата за то, что онъ продалъ себя иностранцамъ, и подпискою обязали его не выѣзжать изъ города. Но Мюреръ тотчасъ нарушилъ обязательство и бѣжалъ изъ Гамбурга въ Целле, гдѣ Императоръ пожаловалъ его въ Совѣтники государственные. — Великій Курфирстъ Бранденбургскій требовалъ отъ Целльскаго Герцога, чтобы онъ оставилъ Гамбургъ въ покоѣ. Сей Принцъ и Вѣнскій Дворъ увидѣли, что ихъ властолюбивыя намѣренія обращены въ ничто

мужествомъ и разумомъ одного гражданина; а Гамбургъ сдѣлался независимѣе прежняго.

Между тѣмъ они все еще надѣялись рано или поздно достигнуть до своей цѣли. Прежде всего надлежало избавиться отъ человѣка, котораго Гамбургъ справедливо называлъ Ангеломъ-хранителемъ свободы. Императоръ требовалъ отъ Снитгера, чтобы онъ объявилъ, кто доставилъ ему письменные документы, предложенные имъ народу; но Георгъ отвѣчалъ, что онъ далъ слово хранить тайну, и слѣдственно не можетъ нарушить его. Граждане въ торжественномъ собраніи объявили, что исторія сихъ документовъ есть тайна Республики, и что они готовы умереть за Снитгера. Вѣнскій Кабинетъ хотѣлъ, чтобы Магистратъ взялъ подъ стражу сего гражданина какъ мятежника; но весь народъ снова поклялся быть его защитникомъ, и съ того времени повиновался ему какъ неограниченному властелину. Георгъ пользовался сею довѣренностію единственно для общаго блага, стараясь искоренять прежніе раздоры и несогласія.

Иностранные Дворы, не смѣя явно напасть на Имперскій городъ, вздумали

прибѣгнуть къ коварству, по совѣту, какъ надобно думать, измѣнника Мюрера.

15 Апрѣля 1685, когда Георгъ возвращался съ женою въ городъ изъ сельскаго дому своего, отрядъ конницы окружилъ его карету. Снитгера вытащили, связали, бросили въ телѣгу, супругу его посадили вмѣстѣ съ нимъ и черезъ нѣсколько минутъ выѣхали изъ Гамбургскаго владѣнія.

Одна старая женщина шла мимо, видѣла похищеніе и сказала о томъ у городскихъ воротъ. Въ минуту весь Гамбургъ узналъ о семъ злодѣйствѣ. Граждане затрепетали отъ ужаса и гнѣва; выбѣжали изъ домовъ своихъ; многіе не имѣли времени одѣться, но успѣли схватить оружіе; прямо бросились въ Ратушу, гдѣ чиновники были уже въ собраніи, и всѣ въ одинъ голосъ требовали спасителя отечества. Женщины съ воплемъ произносятъ имя Снитгера, и самыя дѣти, бѣгая по улицамъ, плачутъ и твердятъ сіе милое народу имя.

Сенатъ сдѣлалъ все, что могъ; въ ту же минуту велѣлъ Драгунамъ скакать за похитителями, обѣщалъ 100 талеровъ избавителю Георга и взялъ подъ стражу родственниковъ Мюрера, чтобы они могли служить аманатами. Отворили

городскія ворота, и безчисленное множество граждань разсѣялось по всѣмъ дорогамъ, въ надеждѣ догнать похитителей.

Они уже были во владѣніи Целльскомъ, считали себя въ безопасности, — ѣхали тише, и въ Аттембургѣ остановились для переѣзда черезъ Эльбу. Плотъ былъ на другой сторонѣ. Снитгера сняли съ телѣги и бросили на траву; жена, обливаясь слезами, сѣла съ нимъ рядомъ; а начальникъ отряда разбиралъ бумаги, найденныя въ карманѣ у мужа ея. Плотъ уже приставалъ къ берегу. . . . Вдругъ Маіоръ Эберраухъ съ отрядомъ Гамбургскихъ Драгунъ показывается на пригоркѣ и во весь духъ скачетъ на разбойниковъ, которые оцѣпенѣли отъ ужаса и не смѣютъ обороняться; ихъ берутъ въ полонъ, заключаютъ въ цѣпи — освобождаютъ Снитгера. Онъ садится въ телѣгу, въ которой за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ везли его связаннаго, съ угрозами, съ ругательствомъ, и которая обращается для него въ торжественную колесницу.

Уже Гамбургъ ожидаетъ своего вѣрнаго гражданина, и радостныя восклицанія заступили мѣсто общаго унынія. Тѣ, которые гнались за разбойниками по другой дорогѣ, и не нашедши ихъ, съ горестію возвращались въ городъ, слы-

шатъ щастливую вѣсть и бѣгутъ на встрѣчу къ нему. Женщины и дѣвицы спѣшатъ нарядиться въ лучшее платье, идутъ вмѣстѣ съ супругами, отцами своими и несутъ въ рукахъ цвѣты съ плодами. Старцы, больные, дѣти собираются у городскихъ воротъ или на улицахъ, черезъ которыя надлежало ѣхать Снитгеру.

20 Апрѣля онъ встрѣтился съ ними въ деревнѣ Бергдорфѣ, и вдругъ услышалъ тысячу громкихъ привѣтствій. Народъ остановилъ телѣгу. Всякой тѣснился въ толпѣ, чтобы только къ нему приближиться и пожать его руку; всякой хотѣлъ быть имъ замѣченъ. Пріятно утомленный знаками общей любви и ласкою согражданъ, онъ продолжалъ свой путь къ Гамбургу. Толпы народа шли за нимъ — и только его видѣли — и только объ немъ говорили. Дорогою онѣ безпрестанно увеличивались. Скоро раздаются пѣсни. Молодыя женщины и дѣвицы поютъ ихъ, со всѣхъ сторонъ бросаютъ миртовыя вѣтви на телѣгу Снитгерову и землю усыпаютъ цвѣтами.

У городскихъ воротъ встрѣчаютъ его привѣтствія дѣтей и старцевъ, и всѣ граждане идутъ за нимъ въ Ратушу. Духъ партій, раздоръ, ненависть

и всѣ обряды забыты: Сенаторы съ радостными слезами бросаются въ объятія къ Снипгеру. Обнимаютъ, цѣлуютъ, разспрашиваютъ его — и часы пролетаютъ въ сихъ сладкихъ движеніяхъ сердца.

Наступаетъ ночь: всѣ домы вдругъ освѣтились. Народъ, среди потѣшныхъ огней, собрался на площади; музыка загремѣла, и веселыя пляски продолжались до утра.

Съ сего времени Снипгеръ былъ Геніемъ Республики. Во всякомъ затрудненіи граждане обращали на него взоры, думая, что онъ поможетъ имъ своею мудростію. Въ народныхъ собраніяхъ ему надлежало только сказать одно слово, чтобы рѣшить всякое дѣло. Магистратъ также во всѣхъ важныхъ случаяхъ хотѣлъ знать его мысли. Не было гражданина, который съ радостію не пожертвовалъ бы жизнію для спасенія Георговой. Онъ съ своей стороны платилъ имъ за любовь безпредѣльною ревностію, и жилъ единственно для ихъ благоденствія, не занимаясь ничѣмъ другимъ; однакожь скоро увидѣлъ съ горестію, сколь тяжело бремя, возложенное на него общею довѣренностію! Обстоятельства были опасны и бѣдственны. Сей вѣрный гражданинъ еще

великодушно сражался съ ними; но Провидѣніе назначило ему погибнуть.

Со времени его освобожденія, и по сей самой причинѣ, новая буря грозила Гамбургу. Похитители Георговы въ доносѣ своемъ показали, что они были орудіями Императорскаго Резидента и Министра Целльскаго. Магистратъ, не смотря на то, велѣлъ отрубить имъ голову. Вѣнскій Дворъ пылалъ мщеніемъ, требовалъ великихъ денежныхъ суммъ съ Гамбурга и выслалъ его Депутатовъ изъ Вѣны. Герцогъ Целльскій также хотѣлъ удовлетворенія за то, что Гамбургскіе солдаты осмѣлились взять людей подъ стражу въ его владѣніи, и сей нещастный городъ, разрушивъ однажды планъ своихъ непріятелей, видѣлъ передъ собою новыя бѣды: обыкновенная участь всѣхъ малыхъ и безсильныхъ областей!

Въ началѣ 1686 году войска Целльскія вдругъ заняли большую часть Гамбургскаго владѣнія. Магистратъ прибѣгнулъ къ великодушію Великаго Курфирста. Сей Государь вступался съ жаромъ за Гамбургъ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Целлѣ; однакожь не хотѣлъ начать войны, а дружественныя представленія его не имѣли успѣха. Гамбургъ казался преданнымъ нещастному своему року.

Весь городъ былъ тогда въ мучительной неизвѣстности, которая еще хуже явнаго бѣдствія. Торговля совершенно пресѣклась; ибо иностранцы ожидали слѣдствій, и самые жители тайно готовились къ бѣгству въ случаѣ осады. Сенаторы, граждане собирались въ уныніи и расходились по домамъ, не положивъ ничего рѣшительнаго. Еще съ нѣкоторою надеждою обращались глаза на Снитгера; но лицо его также изображало глубокую скорбь и сію печальную твердость, съ которою Герой видитъ наступленіе послѣдняго часа жизни славной. Чело великихъ людей открываетъ народу тайну будущаго, какъ вершина горъ высокихъ предвѣщаетъ ему ясную или бурную погоду. Снитгеръ казался унылымъ: граждане думали, что нѣтъ спасенія.

Вдругъ онъ явился на биржѣ и въ собраніи народномъ съ лицемъ веселымъ; спокойно занимался своими торговыми дѣлами, предлагалъ нѣкоторыя мѣры для общаго блага и старался во всемъ ободрять гражданъ. Никто не угадывалъ, отъ чего произошла въ немъ такая внезапная перемѣна; но его увѣренность обсдрила всѣ сердца — и всякой, видя спокойствіе, даже веселость Гамбургскихъ

жителей, могъ бы заключить, что опасность совершенно миновалась для отечества.

Получили извѣстїе, что Корпусъ Датскихъ войскъ собирается въ Гликсштатѣ, въ 6 миляхъ отъ Гамбурга. Народъ встревожился; но Снитгеръ и друзья его нашли способъ успокоить гражданъ, и представили имъ сей случай въ такомъ благопрїятномъ видѣ, что они стали шутить надъ безпокойствомъ Магистрата. Сколь же великъ былъ общїй ужасъ, когда, 19 Августа 1686, Датчане окружили городъ, потребовали сдачи и немедленно напали на его внѣшнїя укрѣпленїя, хотя и не могли взять ихъ!

Въ случаѣ явной и крайней опасности не рѣдко самая робость обращается въ мужество. Всѣ жители Гамбургскїе вооружились и спѣшили на стѣну; чужестранные матрозы и ремесленники добровольно соединились съ ними. Самый Целльскїй Герцогъ, забывъ вражду свою, присылалъ на помощь къ нимъ 4000 солдатъ. Министры разныхъ Державъ, бывшїе въ Гамбургѣ, явились въ Датскомъ лагерѣ и съ жаромъ представляли Генералу несправедливость такого нападенїя. Бранденбургскїй Курфирстъ грозилъ, а Герцоги Мекленбургскїе собирали войско. Король

Датскій, видя неудачу, велѣлъ Генералу своему отступить немедленно отъ Гамбурга.

Но еще прежде отступленія Датчанъ жители свѣдали причину ихъ нападенія, которая ужаснула всѣ сердца. Паулли, Датскій Резидентъ, выѣхалъ изъ Гамбурга во время осады. Служанка его объявила въ Сенатѣ, что онъ передъ отъѣздомъ, ночью, зарылъ въ саду своемъ ларчикъ. Сенаторы, вырывъ его, нашли въ немъ бумаги и доказательства, что Снитгеръ имѣлъ тайныя сношенія съ Дворомъ Копенгагенскимъ. Никто усерднѣе и храбрѣе Снитгера не защищалъ города: Офицеръ, посланный взять Георга подъ стражу, нашелъ его вооруженнаго на стѣнѣ противъ непріятеля; онъ почти не сходилъ съ нее во все время осады. Но собственноручныя письма явно доказывали его измѣну.

Бывъ причиною, хотя и невинною, непріятельскихъ дѣйствій Герцога Целльскаго и злобы Вѣнскаго Двора — терзаемый бѣдствіемъ отечества — тронутый до глубины сердца любовію и довѣренностію согражданъ — Снитгеръ долго мыслилъ о средствѣ спасти Гамбургъ и, казалось, нашелъ его. Онъ съ самаго дѣтства былъ друженъ съ Конрадомъ Ястра-

номъ, также Гамбургскимъ знатнымъ гражданиномъ, весьма не ровнымъ ему въ разсужденіи ума и характера, но привязаннымъ къ нему всею душею. Георгъ сообщилъ другу свою идею: онъ одобрилъ, хвалилъ ее, и вмѣстѣ съ нимъ искалъ только лучшаго способа приступить къ исполненію.

Данія въ 1679 году отказалась торжественно отъ своихъ правъ на Гамбургъ, взявъ съ него 550,000 талеровъ. Хотя Магистратъ и не весьма вѣрилъ ея Правительству; но Снитгеръ, обманутый самою своею честностію, думалъ, что отечество его можетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ требовать помощи отъ Короля Датскаго. Конституція одному Магистрату давала право входить въ такіе переговоры; но граждане не имѣли къ нему довѣренности, и многіе утверждали, что онъ самъ заставилъ Герцога Целльскаго ввести войско въ Гамбургское владѣніе. Снитгеръ могъ отнестися къ гражданству; но въ семъ случаѣ не льзя было сохранить тайны, и сверьхъ того нарушалась Конституція: что безъ сомнѣнія умножило бы нещастные раздоры властей. Въ надеждѣ на любовь согражданъ и чистоту своихъ намѣреній, онъ рѣшился самъ вступить въ переговоры, и сдѣ-

лался преступникомъ отъ ревностнаго патріотизма.

Георгъ и Конрадъ вошли въ переписку съ Копенгагенскимъ Дворомъ черезъ Датскаго Резидента въ Гамбургѣ, и скоро заключили трактатъ. Король обязался выгнать Целльское войско изъ Гамбургскаго владѣнія, а Снитгеръ далъ слово, что городъ торжественною Депутаціею изъявитъ ему благодарность и заплатитъ издержки сей экспедиціи. Онъ конечно исполнилъ бы свое обязательство. Граждане по любви къ нему согласились бы на всякую жертву, и не отвергнули бы предложеній столь умѣренныхъ въ случаѣ благодѣянія столь важнаго. Естьли бы Георгъ имѣлъ дѣло съ честію и добродѣтелію, то онъ заслужилъ бы новый вѣнецъ гражданскій; повѣривъ же Министрамъ коварнымъ, сдѣлался жертвою своего легковѣрія. Данія собрала войско, но единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы овладѣть Гамбургомъ.

Въ допросахъ своихъ Снитгеръ и Ястрамъ съ величайшею откровенностію изъясняли свои мысли и намѣренія; но зависть и вражда Магистрата, которыя долгое время казались усыпленными, ожидали единственно случая обнаружиться. Ихъ стали пытать съ ужасною же-

стокостїю, и не могли свѣдать ничего болѣе истины, добровольно сказанной: то есть, что Снитгеръ хотѣлъ единственно спасти отечество, излишно надѣясь на любовь согражданъ и на честность Датской Политики. — Друзья оставили нещастнаго, а непрїятели могли на свободѣ представлять дѣло его въ самомъ ужасномъ видѣ измѣны; имъ легко было доказать, что оно достойно смертной казни.

Однакожь не вдругъ рѣшились на сїю крайность, и приговоръ суда обнародовали уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда граждане отвыкли видѣть Снитгера въ ихъ собранїяхъ, и когда въ городъ ввели войско Бранденбургское. Судьи объявили, что Георгъ и Конрадъ Ястрамъ будутъ казнены, и головы ихъ выставлены на воротахъ Гамбургскихъ. Сей приговоръ былъ дѣломъ и торжествомъ партїи: чему доказательствомъ служитъ то, что Сенаторы немедленно призвали въ Гамбургъ измѣнника Мюрера и снова сдѣлали Бургомистромъ.

4 Октября 1686 надлежало совершиться казни. Добрые граждане съ ужасомъ видѣли приближенїе сего дня; самые враги Снитгеровы боялись: только онъ одинъ казался спокойнымъ.

Еще на самомъ разсвѣтѣ вороты, площади и мѣсто казни были заняты иностраннымъ войскомъ. Какъ скоро раздался бѣдственный звукъ колокола, всѣ граждане со слезами заперлись въ домахъ своихъ. Многочисленный отрядъ вывелъ сперва Ястрама изъ темницы. Будучи отъ природы сложенія нѣжнаго и характера робкаго, онъ не могъ снести ужасовъ пытки, заключенія и близкой, неизбѣжной смерти: едва передвигая ноги, шелъ на мѣсто казни; увидѣлъ полицейскихъ служителей, прибивающихъ къ городскимъ воротамъ острое желѣзо, на которое должно было взоткнуть голову его друга, и въ обморокѣ упалъ на землю. Его взнесли на эшафотъ и казнили почти мертваго.

Послѣднее дѣйствіе непорочной жизни Снитгера было еще гораздо трогательнѣе. Читатели не забыли супруги его, которая раздѣляла съ нимъ славу торжества пріятнѣйшаго для гражданина: она, съ мужествомъ Спартанки, добровольно заключилась съ нимъ въ темницу; хотѣла даже быть свидѣтельницею и пытки его. Тираны изъ человѣколюбія не пустили ее; но что же надлежало чувствовать ея сердцу въ сіи страшныя минуты и въ ту, когда она увидѣла супруга

изнученнаго варварствомъ и неподвижнаго отъ слѣдствій пытки!

Снитгеръ, провожаемый солдатами, вышелъ изъ темницы бодръ и спокоенъ; за нимъ съ трудомъ двигался блѣдный оставъ: его супруга. Печальный звонъ колоколовъ — дѣйствіе свѣжаго воздуха, отъ котораго она отвыкла — видъ женщинъ и дѣтей, которыя плакали въ отдаленіи, и свирѣпая нечувствительность воиновъ, довершили изнеможеніе сей злополучной, уже растерзанной горестію: она упала безъ чувствъ. Темничный приставъ взялъ ее за руку: Снитгеръ оттолкнулъ сего человѣка, самъ поднялъ обожаемую супругу и посадилъ на крыльцѣ тюрьмы. Изъ уваженія къ Георгову достоинству гражданина, надѣли на него черную мантію: онъ сорвалъ ее съ плечь своихъ, закрылъ ею нещастную, въ послѣдній разъ съ нѣжностію поцѣловалъ ее и спѣшилъ удалиться. Когда она пришла въ себя, уже окровавленная голова супруга ея была выставлена на тѣхъ самыхъ воротахъ, въ которыя онъ за 18 мѣсяцевъ перелъ тѣмъ въѣзжалъ торжественно при радостныхъ восклицаніяхъ цѣлаго города.

Имѣніе Снитгера описали, чтобы заплатить Королю Датскому за издержки осады. Вдова, доведенная до нищеты, нѣ-

сколько лѣтъ питалась милостынею, и горесть пресѣкла наконецъ дни ея. Дѣти Георговы были отданы въ сиротской домъ, и тамъ умерли отъ небреженія начальниковъ.

(*Изъ Декады.*)

II.

Забавы въ Гаванѣ, первомъ городѣ Гишпанскаго острова Кубы.

(Изъ новаго описанія Гишпанскихъ Колоній въ Америкѣ.)

Скажемъ нѣсколько словъ о тамошнихъ забавахъ, хотя ихъ никакъ не льзя сравнивать съ Европейскими. Жители Колоній и въ самыхъ наслажденіяхъ своихъ еще далеки отъ нашего вкуса; въ 1775 году построили въ Гаванѣ театръ, и, какъ сказываютъ, употребили на то 75,000 піастровъ. Прежде были только частные театры, на которыхъ играли одни Мулаты. Лѣтъ десять публика любила его; мало по малу лучшіе и богатѣйшіе граждане перестали ходить въ спектакль. Сверхъ того домъ началъ гнить; въ 1787 году его заперли, а въ

1792 разломали: послѣ чего главные актеры уѣхали въ Мексику. Хотя оставшіеся въ 1794 году заьели новый театръ, но порядочные люди не ходятъ въ него, и зрители состоятъ только изъ Негровъ или Мулатовъ.

И Гаванскіе Колонисты, подобно всѣмъ Гишпанцамъ, любятъ сраженіе съ быками (Corridas de foros): для сего назначено мѣсто за городомъ, на такъ называемомъ Марсовомъ полѣ. Впрочемъ этотъ бой не страшенъ для людей: Гаванскихъ быковъ приводятъ издалека, худыхъ, измученныхъ, и совсѣмъ не яростныхъ, къ великому щастію тамошнихъ ратоборцевъ, весьма неискусныхъ. Въ серединѣ площади, или *Колизея*, вырыта глубокая яма, въ которую прыгаютъ бойцы, естьли сверхъ чаянія быкъ испугаетъ ихъ, и естьли они далеко отъ загородки.

Но еще болѣе Гаванскіе жители любятъ *сраженія пѣтуховъ* (rinas de gallo). Для сего обгороженъ досками небольшой лугъ; зрители сидятъ въ амфитеатрѣ, и платятъ за это удовольствіе копѣекъ 50. Пѣтухи дерутся или носомъ или когтями. Въ первомъ случаѣ бой всегда долгъ и часто нерѣшителенъ; но во второмъ случаѣ обыкновенно привязываютъ къ ногѣ пѣтуха маленькой ножи-

чекъ, и побѣда въ минуту рѣшится. Страсть жителей къ сей забавѣ доходитъ иногда до безумія; и на всѣхъ дворахъ видите вы множество пѣтуховъ, которыхъ нарочно для того воспитываютъ.

Другое главное удовольствіе въ Гаванѣ есть купанье. Какъ скоро пройдетъ Святая Недѣля, строятъ на рѣкѣ множество павильйоновъ, въ которые ѣздятъ изъ города мущины и женщины, не столько для купанья, сколько для танцовъ, карточной и — любовной игры: страсти, которыя царствуютъ въ Гаванѣ! Говоря только о первыхъ двухъ (ибо о третьей не льзя всего сказать), замѣчу, что тамъ всякой день бываютъ, кромѣ публичнаго бала въ Казино, еще множество частныхъ баловъ, на которые можетъ притти всякой, кто умѣетъ танцовать. Сверхъ того на площади и передъ домами молодые люди отъ утра до вечера пляшутъ *Фанданго*. Сею сладострастною пляскою болѣе всего славятся Мулатки. — Азардныя игры также въ великой модѣ; и Правительство терпитъ ихъ.

Въ Гаванѣ одно гульбище, называемое *Аламеда*, за городомъ; а въ городѣ можно гулять только по берегу, гдѣ отъ моря бываетъ всегда прохладно; *Аламеда* же есть прекрасное мѣсто, обсаженное вы-

сокими тѣнистыми деревами; съ одной стороны видно море, луга и сады; а съ другой городъ и предмѣстїе съ башнями и крѣпостїю. Жители гуляютъ тамъ ввечеру и даже ночью.

Вотъ главныя забавы въ Гаванѣ! Къ нимъ можно прибавить еще разныя праздненства и торжественные обряды Католической Религїи. Иногда же прїѣзжаютъ туда изъ Европы фигляры, балансёры и тому подобные люди, которые, собравъ деньги съ Гаванскихъ жителей, уѣзжаютъ въ Мексику и въ Лиму.

III.

Письмо изъ Парижа.

Естьли вы думаете, что Писатели не могутъ здѣсь бояться никакихъ привязокъ, то весьма ошибаетесь. Хотя къ чести Консула должно сказать, что онъ во всякомъ случаѣ, гдѣ не замѣшена собственная его личность, объявляетъ себя покровителемъ Авторовъ и не терпитъ деспотизма; но есть *Вице-Консулы*, желающїе также властвовать и повелѣвать: отъ чего Писатели иногда терпятъ — какъ-то видно изъ слѣдующаго примѣра, достовѣрнаго во всѣхъ подробностяхъ.

Г. Гольдсмитъ, извѣстный Авторъ книги: *Политическія злодѣйства*, и бывшій издателемъ Англійскихъ вѣдомостей, непріятныхъ Министрамъ, выѣхалъ изъ Лондона и жилъ въ Парижѣ. Ему предложили здѣсь издавать Англійскія газеты. Онъ долго отговаривался, боясь препятствій; но Министръ Талеранъ увѣрилъ его, что Правительство будетъ ему самымъ вѣрнымъ щитомъ. Гольдсмитъ согласился и началъ писать Журналъ, подъ именемъ *Аргуса*. Ему стали сообщать разныя статьи, весьма колкія, противъ Англіи и отчасти несогласныя съ образомъ его мыслей. Гольдсмитъ не принялъ ихъ. Раза два ему спустили такое упрямство, и печатали сіи піесы въ другихъ Журналахъ; но мѣсяцевъ черезъ пять, не говоря ни слова, запечатали его типографію. Онъ жаловался въ судѣ; дѣло волочили, въ надеждѣ утомить его. Но Гольдсмитъ хотѣлъ поставить на своемъ и съ величайшимъ жаромъ требовалъ правосудія. Видя, что такимъ образомъ не льзя отъ него отдѣлаться, вздумали прибѣгнуть къ другому способу, совсѣмъ не республиканскому. Префектъ велѣлъ ему явиться къ себѣ, и съ Французскою вѣжливостію объявилъ, что Правительству угодно выслать его изъ

Францїи, а между тѣмъ посадить въ тюрьму; что отъ города до города будутъ провожать его солдаты, и что онъ со всею удобностїю можетъ дойти пѣшкомъ до границы. Англичанинъ напрасно хотѣлъ знать свое преступленїе; ему отвѣчали: „такъ угодно Главному Судьѣ (grand juge)!" Однакожь Префектъ умилостивился, и сказалъ, что естьли онъ хочетъ взять на себя издержки, то, вмѣсто солдатъ, можно отправить его съ полицейскимъ служителемъ, который долженъ получить отъ него деньги на обратный путь. Гольдсмитъ согласился на то, и спросилъ, куда вышлютъ его за границу? „Вамъ дозволяется выбирать любое изъ трехъ мѣстъ," отвѣчали ему: „Кале, Гавръ и Дьепъ; оттуда васъ отправятъ въ Англїю." Гольдсмитъ ужаснулся, и старался доказать, что послать его въ сїю землю значитъ предать его въ руки непрїятелей: ибо онъ, по убѣжденїю Французскаго Правительства, писалъ противъ Англичанъ. Префектъ твердилъ одно: „такъ угодно Главному Судьѣ!" Гольдсмитъ выбралъ наконецъ Дьепъ, и въ ожиданїи отъѣзда былъ посаженъ — для соблюденїя равенства — въ одну тюрьму съ убїйцами и разбойни-

ками. На другой день его отправили въ Дьепъ.

Между тѣмъ Бонапарте узналъ о семъ происшествіи; мнѣ не дозволено наименовать здѣсь человѣка, который извѣстилъ его о томъ. Консулъ вспыхнулъ отъ справедливаго гнѣва и спросилъ Префекта, который оправдалъ себя повелѣніемъ Главнаго Судьи, а Главный Судья повелѣніемъ Министра Талерана; но Министръ, также немедленно призванный, не могъ уже ни на кого сослаться. Бонапарте чрезмѣрно досадовалъ, и въ присутствіи Фуше, двухъ Секретарей и другихъ людей сказалъ: „Вы дѣлаете „стыдъ Французскому имени; вы хотите зачернить, унизить меня! Vous voulez me trainer dans la boue! . . .“ Все вокругъ его трепетало. Онъ въ ту же минуту велѣлъ послать курьера за Гольдсмитомъ и сказалъ: „отправьте ихъ сто, естьли надобно!“ . . . Министръ не зналъ вѣрно, гдѣ искать Гольдсмита, и послалъ трехъ курьеровъ въ Кале, Гавръ и Дьепъ, гдѣ нашли его уже на кораблѣ. Удивленный перемѣною судьбы своей, онъ возвратился въ Парижъ. Консулъ обѣщалъ за все наградить его; однакожъ нѣсколько мѣсяцевъ прошло безъ всякаго удовлетворенія: только передъ отъѣздомъ сво-

имъ въ Бельгію Бонапарте вспомнилъ о Гольдсмитѣ, и велѣлъ спросить у него, чего онъ хочетъ.

Между тѣмъ Аргусъ издается уже другимъ, не столь упрямымъ человѣкомъ. — Сей случай безъ сомнѣнія дѣлаетъ великую честь Консулу, и для того Англійскіе Журналы не сказали объ немъ ни слова; но онъ доказываетъ и ту печальную истину, что добрая воля перваго человѣка въ Монархіи или въ Республикѣ не всегда можетъ удерживать злую волю второкласныхъ чиновниковъ.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

IV.

Лекарство отъ любви.

За пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ вышла на Англійскомъ языкѣ книга *о любви*, сочиненная Медикомъ, и давно уже забытая. Поэты славятъ любовь, а Моралисты бранятъ ее; одни душатъ насъ стихами, а другіе проповѣдуютъ безъ успѣха. Британскій Докторъ идетъ путемъ новымъ, и считаетъ любовь болѣзнію. Это можетъ испугать красавицъ; но въ ихъ волѣ лечиться и не лечиться.

Сила и жестокость любви, говоритъ онъ, происходитъ не отъ разныхъ темпераментовъ, а единственно отъ мозговыхъ фибръ, болѣе или менѣе удобныхъ къ ея впечатлѣнїю, и передающихъ его черезъ нервы сердцу. И такъ Баконъ ошибается, думая, что любовь есть низкая страсть, не сродная мужамъ великимъ. Альцибїадъ, Димитрїй *завоеватель*, Генрихъ IV и многїе другїе опровергаютъ сїе мнѣнїе. О Генрихѣ разсказываетъ нашъ Докторъ, что онъ не постыдился однажды надѣть крестьянское платье, взять на плеча связку соломы и такимъ образомъ отправиться къ любезной Габрїели; а послѣ сраженїя при Кутрасѣ, вмѣсто того, чтобы гнаться за бѣгущимъ непрїятелемъ, сей доброй Король немедленно полетѣлъ въ Гасконїю, въ объятїя Графини Гишъ, и промѣнялъ вѣнокъ лавровый на миртовый. — Авторъ не соглашается и съ Барклеемъ, чтобы любовь означала всегда великую душу.

Онъ признается, что сїя ужасная страсть сильнѣе всѣхъ богатырей на свѣтѣ. На примѣръ: Полицїанъ, котораго Эразмусъ именуетъ *духомъ Серафимскимъ и чудомъ Натуры*, умеръ отъ любви къ распутной женщинѣ: въ жару восторга схватилъ онъ лютню, запѣлъ гимнъ своей

любезной и на второй строфѣ умеръ. — Кровопусканія и чистительныя лекарства не помогаютъ. Отсутствіе благотворно только въ началѣ страсти; и не всякому, кто влюбляется, можно уѣхать. Хорошо обращать свое вниманіе на другіе предметы; но то бѣда, что мысли иногда не слушаются разсудка и противъ воли стремятся къ милому предмету. Карлъ IV, Герцогъ Лотарингскій, влюбился въ дочь Брессельскаго Бургомистра; но мать прилѣжно смотрѣла за нею. Онъ встрѣтился съ красавицею однажды на балѣ; и не думая скрывать любви своей, всему городу извѣстной, въ присутствіи гостей просилъ мать о дозволеніи сказать тихонько нѣсколько словъ дочери, и въ той же самой комнатѣ; но какъ она не соглашалась, то Герцогъ сдѣлалъ предложеніе, что „онъ будетъ говорить съ ея дочерью „столько времени, сколько можетъ про„держать горящій уголь на голой ладони.“ Мать согласилась на сіе чудное условіе, можетъ быть изъ любопытства. Герцогъ отвелъ красавицу въ сторону и взялъ уголь въ руку. Не смотря на то, разговоръ такъ долго продолжился, что мать скорѣе любовника вышла изъ терпѣнія и развела ихъ. Уголь уже погасъ: Герцогъ

истеръ его въ рукѣ своей, и конечно не безъ жестокой боли.

Какое же новое лекарство предлагаетъ Докторъ?... Вотъ оно. Естьли не *присутствіе*, а *воспоминаніе* о миломъ предметѣ питаетъ любовь, то надобно искать также лекарства въ воображеніи, и съ мыслію о любовницѣ соединить мысль совершенно противную любви. Когда ужасный громъ грянетъ надъ любовникомъ, или непріятель съ обнаженною шпагою на него бросится, то онъ въ сіе мгновеніе конечно забудетъ красавицу; громъ и шпага сообщатъ его фибрамъ такое движеніе, которое хотя *на секунду* перерветъ чувство любви. Надобно только пріучить: воображеніе къ ужаснымъ идеямъ, и всякой разъ, когда представится мыслямъ любовница, вообразить, на примѣръ, Эндорскую волшебницу. Въ двѣ или три недѣли можно пріобрѣсти сей навыкъ, и мозговыя фибры механически будутъ вмѣстѣ съ опасною красавицею представлять вамъ Эндорскую волшебницу. Когда же болѣзнь упряма и закоренѣла, въ такомъ случаѣ должно мѣнять страшныя представленія: ибо *одно* средство теряетъ свою дѣйствительность отъ долговременнаго употребленія.

Теперь читатели могутъ при случаѣ испытать сіе лекарство Англійскаго

Доктора; и естьли оно найдется благотворнымъ, то просимъ насъ увѣдомить, чтобы мы въ Журналѣ своемъ прославили его силу.

(*Изъ Нѣм. Жур.*)

V.

Письмо Индѣйскаго царя Окоама изъ Англіи, къ первому его Министру Еану, о Лондонской церкви Св. Павла.

Спѣшу описать тебѣ одну вещь, которая весьма занимаетъ меня, чтобы ты съ своими товарищами, добрыми слугами царя вашего, на досугѣ придумалъ, какимъ образомъ всѣ чудеса, видѣнныя мною въ Европѣ, можемъ обратить въ пользу моего народа и къ украшенію областей моихъ.

На высокомъ мѣстѣ города Лондона стоитъ большой домъ, гдѣ легко помѣстился бы весь многочисленный народъ, который имѣетъ щастіе жить подъ моими законами. Одинъ изъ нашихъ царедворцевъ думаетъ, что сей домъ не могъ быть построенъ человѣческими руками; другому сія удивительная клѣтка кажется столь же мудреною загадкою, какъ

твореніе міра; онъ увѣренъ, что солнце, мѣсяцъ, земля, вода и звѣзды созданы въ одинъ день съ симъ чудомъ. Но я, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, догадываюсь, что оно есть произведеніе искусства и разныхъ орудій, которыми здѣсь умѣютъ дѣйствовать. Прежде сей домъ былъ конечно огромнымъ дикимъ камнемъ: трудолюбивые Англичане выдолбили его внутри, обсѣкли снаружи и выгладили какъ оселокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они сдѣлали столбы, которые, подобно нашимъ пальмовымъ деревамъ, возвышаются къ небу; имъ надобно быть очень крѣпкимъ, ибо вся верхняя часть камня на нихъ держится.

Сіе зданіе называется храмомъ и посвящено богослуженію. Разныя причины заставляютъ меня думать, что Англичане покланяются невидимому Богу. Седьмой день кажется имъ святѣе другихъ. Я былъ въ ихъ храмѣ, и къ удивленію своему не замѣтилъ никакого особеннаго почтенія къ его святынѣ. Человѣкъ въ темномъ кафтанѣ и съ волосами, обсыпанными мѣлкою мукою, стоялъ въ маленькомъ домикѣ надъ головами многихъ сидящихъ людей, которые говорили между собою въ полголоса, смѣялись или спали, ни мало имъ не занимаясь: за что онъ, ка-

жется, сердился на нихъ, сперва немножко, а послѣ такъ разгорячился, что началъ махать руками, кричать во все горло и кривляться; — видя же, что они изъ упрямства не хотятъ отвѣчать ему, лишился терпѣнія и съ досады ушелъ; а за нимъ и всѣ разошлись въ разныя стороны.

Выбери немедленно большой камень въ землѣ нашей, и вели его выдолбить; когда пріѣду домой, то укажу самъ, какъ надобно отдѣлать его.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на забаву здѣшняго народа. Я думалъ, что увижу великихъ людей Англіи, которые передъ глазами согражданъ будутъ или бороться или сражаться съ дикими звѣрями. Но, вмѣсто того, насъ привели въ большую горницу, гдѣ зрители даютъ деньги нѣкоторымъ людямъ за то, чтобы они выходили и уходили, сказавъ нѣсколько словъ. Не странно ли, что народъ искусный въ войнѣ, въ мореплаваніи и въ ремеслахъ, тратитъ время свое въ такихъ безсмысленныхъ забавахъ?

Прости, вѣрный слуга мой.

(Изъ Англ. Журн.)

VI.

Письмо одного Американскаго Натуралиста о рыбѣ неразлучной съ насѣкомымъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1797 году я жилъ въ Виргиніи, на берегу Йорка; въ сельскомъ домѣ одного моего пріятеля. Слабое здоровье не дозволяло мнѣ ходить далеко: тѣмъ чаще сиживалъ я на берегу, и слѣдственно имѣлъ время заниматься наблюденіемъ странности, о которой теперь говорить намѣренъ.

Между рыбами, въ сіе время идущими вверхъ рѣки Йорка, бываетъ множество особливаго роду сельдей, называемыхъ пестрыми: ибо на нихъ есть красныя пятна. Ихъ ловятъ отъ Февраля до Мая, и пріятный вкусъ сей рыбы не уступаетъ вкусу самыхъ лучшихъ обыкновенныхъ сельдей. Въ роту у каждой пестрой сельди находится насѣкомое, длиною въ два дюйма, которое четырмя ногами вцѣпляется въ небо ея. Рыбаки называютъ его *клещомъ*. Оно такъ крѣпко держится, что не льзя отдѣлить его отъ рыбы безъ вреда для ея челюстей. Рыбаки считаютъ сіе насѣкомое необходимымъ для жизни сельдей: ибо всякой

разъ, когда вырвешь его и бросишь рыбу опять въ воду, она уже не плаваетъ и скоро умираетъ. Мнѣ никакъ не удалось сохранить живыми насѣкомое и рыбу въ особенности; раздѣляя ихъ, я всегда умерщвлялъ или первое или послѣднюю; а когда насѣкомое остается живо, то оно, будучи оторвано отъ рыбы, немедленно опять вползаетъ къ ней въ ротъ. Сей клещъ весьма толстъ и гадокъ какъ для глазъ, такъ и для осязанія. Не знаю, съ общаго ли согласія или насильно онъ поселяется въ рыбѣ — всегда ли живетъ въ ней или временно; не знаю также, можетъ ли приносить какую нибудь пользу своему хозяину — но знаю то, что ему тамъ сытно и хорошо.

Думаю, что никто изъ Натуралистовъ еще не описывалъ сего любопытнаго явленія. Скажу въ прибавокъ, что насѣкомое, питаясь чужимъ кормомъ, и само питаетъ другихъ животныхъ: на многихъ изъ сихъ клещей я находилъ піявицъ, которыхъ также весьма трудно отдѣлить отъ ихъ тѣла.

(*Изъ Америк. Жур.*)

VII.

СМѢСЬ.

Въ одномъ Англійскомъ Журналѣ пишутъ слѣдующее: „Давнишній споръ объ истинѣ Оссіановыхъ поэмъ долженъ скоро рѣшиться: нынѣ печатаютъ древній Цельтскій подлинникъ съ Латинскимъ переводомъ, столь вѣрнымъ и словеснымъ, что онъ во многихъ мѣстахъ дѣлается отъ того невразумительнымъ. Главныя происшествія, сцены, характеры и картины взяты дѣйствительно изъ Цельтскаго Поэта; но Макферсонъ добавлялъ, украшалъ и портилъ. Онъ долгое время былъ школьнымъ мастеромъ, зналъ твердо Библію и напитался піитическимъ духомъ Пророковъ; зналъ, кажется, и многихъ Стихотворцевъ, Греческихъ и Британскихъ: потому въ Оссіанѣ его находимъ мысли и выраженія, взятыя изъ сихъ Поэтовъ. Макферсоновы Герои не имѣютъ, такъ сказать, особеннаго мундира, и являются намъ въ какой-то пестрой одеждѣ, сшитой изъ разныхъ лоскутовъ. Смѣсь Еврейскаго съ Греческимъ, Латинскимъ и Англійскимъ, не весьма щастлива, хотя Поэзія въ иныхъ мѣстахъ величественна и весьма трогательна. Вообще критики жалѣютъ, что

періоды Макферсоновы излишно коротки, и что нить повѣсти теряется въ безпрестанныхъ отрывкахъ слога и въ быстромъ теченіи мыслей. Въ Цельтскомъ оригиналѣ нѣтъ сего порока; въ немъ также менѣе надутости, менѣе грому, но болѣе сильныхъ изображеній; вообще онъ представляетъ намъ Оссіана, каковъ онъ былъ и есть дѣйствительно, безъ чуждыхъ украшеній и прибавокъ."

Говорятъ, что въ Америкѣ, на берегахъ Мускингуна, нашли древній большой, укрѣпленной лагерь, о которомъ молчитъ преданіе. Строители новаго города Маріетты завладѣли самыми лучшими его остатками, и между прочимъ большою пирамидою. Мускингунъ есть прекрасная широкая рѣка, впадающая въ Огіо. Дикіе народы, издавна обитающіе на берегахъ ея, не могли имѣть такого лагеря; есть также и другіе слѣды гораздо древнѣйшаго населенія сихъ мѣстъ. На югъ отъ рѣки Огіо, въ милѣ отъ Брассеттауна, извѣстна гора подъ именемъ *волшебной*: ибо на камняхъ ея изображены слѣды медвѣдей, Индѣйскихъ куръ, конскіе и человѣческіе, такъ живо и ясно, какъ на снѣгу или на пескѣ. Не можно ли думать, что сіи камни состояли нѣкогда изъ мягкаго вещества? — Непроницае-

мая завѣса скрываетъ отъ насъ древность. Слова, сказанныя нѣкогда Египетскимъ жрецомъ Солону, и теперь остаются истиною: *вы не имѣете понятія о временахъ, давно прошедшихъ.*

Славный Кантъ есть сынъ Шведскаго Капрала: такимъ образомъ и Сократъ родился отъ бѣднаго рѣзчика и повивальной бабки.

Кто славу пріобрѣлъ, тому не нужны предки! Жизнь Писателя и Философа не можетъ быть богата приключеніями: ибо они живутъ болѣе въ самихъ себѣ, нежели въ свѣтѣ. Однакожь намъ извѣстенъ одинъ любопытный анекдотъ о Кантѣ. Сей Философъ предложилъ мнѣніе, которое показалось Начальству опаснымъ. Коммендантту города Кенигсберга велѣно было сказать ему, чтобы онъ или публично отрекся отъ сихъ мыслей или готовился выѣхать изъ Прускихъ владѣній. „Его Величество, отвѣчалъ Философъ, „имѣетъ власть надъ моею судьбою, а „не надъ совѣстію, и я не могу назвать „ложью того, что мнѣ кажется истиною.“ Покойный Король, увѣдомленный о семъ отвѣтѣ, приказалъ увѣрить Канта въ Его къ нему благоволеніи и сказать ему, что *Правительство имѣетъ довѣренность къ совѣсти такого Философа:*

Естьли сей анекдотъ не выдумка, то онъ служитъ къ чести и славѣ Фридриха Вильгельма еще болѣе, нежели къ чести Канта.

Вотъ письмо славнаго Джефферсона, Президента Американскихъ Соединенныхъ Областей, къ ученому Французу Ласепеду, изъ Вашингтона отъ 24 Февраля 1803: „Я получилъ черезъ Г. Пена экземпляръ рѣчи, говоренной вами при началѣ девятаго республиканскаго лѣта. Пробѣжавъ ее глазами въ нѣсколько минутъ, предчувствую удовольствіе, съ которымъ буду читать сіе твореніе на досугѣ и съ надлежащимъ вниманіемъ. — Между тѣмъ пророческій духъ вашъ удивилъ меня. Вы говорите: „Скоро смѣлые путе„шественники дойдутъ до источника „рѣкъ Миссиссипи и Миссури, которыхъ „еще не видали глаза Европейцевъ.“ Знайте, что мы уже отправили путешественниковъ къ послѣдней рѣкѣ, и велѣли имъ искать другой, которая течетъ ближе всѣхъ къ Миссури и впадаетъ наконецъ въ Океанъ западный. Сіе путешествіе черезъ всю Америку дастъ намъ общую идею объ ея формѣ, числѣ жителей, естественной Исторіи, произведеніяхъ, землѣ и климатѣ. Вѣроятно также, что оно доставитъ намъ вѣрнѣй-

шія свѣдѣнія о звѣрѣ *мамонтѣ* и *мегатеріумѣ*, о которомъ упоминаете въ рѣчи своей. Вы, можетъ быть, замѣтили въ нашихъ *философическихъ запискахъ*, что мы еще прежде Господина Кюбье нашли здѣсь остатки огромнаго *неизвѣстнаго* звѣря, и назвали его *мегалониксомъ*, отъ ужасной длины когтей его. Думаю, что *мегатеріумъ* и *мегалониксъ* есть одно животное; которое, по нѣкоторымъ знакамъ, должно еще и нынѣ существовать въ Америкѣ. Путешествіе, нами предпріятое, года черезъ два можетъ объяснить сей предметъ любопытный. — Мнѣ уже давно наскучила фраза: *человѣкъ въ состояніи Натуры*; то есть, человѣкъ дикой, глупой и еще безъ развитія его способностей. Ежели это Природа, то зародышь младенца есть высочайшая степень ея совершенства: ибо въ немъ всего менѣе развитія. Изощреніе способности чувствовать и мыслить такъ же естественно для человѣка, какъ тѣлесное возрастаніе. Слѣдственно я долженъ былъ обрадоваться, видя, что вы опровергаете сію ложную мысль и говорите: „Между всѣми тварями живыми и „чувствительными *искусство рода есть* „*его натура* (l'art de l'espèce est sa nature).

„Искусство, свойственное сему роду „и не занятое имъ отъ другихъ, должно назваться совершенїемъ (complément) его *природныхъ* свойствъ или дарованїй. Мы имѣли бы весьма слабое понятїе о животномъ, когда бы не знали, „до чего можетъ простираться развитїе „его способностей.“ Изслѣдованїе разныхъ племенъ человѣческаго рода, предлагаемое вами въ семъ видѣ, откроетъ истины, о которыхъ донынѣ мало думали Натуралисты. — Вы уже знаете, что Г. Пиль собралъ здѣсь довольно полный скелетъ *мамонта*: онъ намѣренъ везти его въ Парижъ. И такъ можете видѣть сїе огромное животное и сравнять его съ слономъ. — Возвращаясь къ главному предмету моего письма, благодарю васъ за дружеское сообщенїе вашего творенїя и за случай, данный мнѣ сойти на минуту съ безплодныхъ стезей Политики, и заглянуть въ роскошныя, плодоносныя страны Натуры. Примите увѣренїе въ моемъ великомъ къ вамъ почтенїи. — *Томасъ Джефферсонъ.*“

Въ Москвѣ жива еще и теперь жена одного Шведскаго Офицера, взятаго въ плѣнъ Рускими въ Полтавскомъ сраженїи. Она имѣла тогда уже троихъ дѣтей, и добровольно захотѣла раздѣлить съ му-

жемъ участь его. Сей Офицеръ умеръ плѣнникомъ. Вдова, не имѣя никакого пропитанія, рѣшилась принять Греческую Вѣру; однакожь не избавилась отъ бѣдности, которая и нынѣ угнетаетъ сію женщину. Ей 112 лѣтъ отъ роду. Она слѣпа, но еще въ силахъ, и приходитъ иногда въ Нѣмецкую Лютеранскую церковь просить милостыни.

VIII.

Письмо сельскаго жителя.

Вы желаете, любезный другъ, знать всѣ подробности моего уединенія; но мы, деревенскіе люди, живемъ такъ обыкновенно, такъ просто, что не умѣемъ сказать о себѣ ничего любопытнаго и достойнаго примѣчанія. Только вы, горожане, имѣете способъ разнообразить свою дѣятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями въ планахъ, надеждахъ, удовольствіяхъ. Естьли не всегда можете хвалиться щастіемъ, то по крайней мѣрѣ богатѣете опытами, наблюденіями, и ваши сутки стоятъ нашего мѣсяца. Мы въ деревнѣ наблюдаемъ только погоду, и наши записки

служатъ исторїею не сердца человѣческаго, а термометра. . . .

Вы назовете это сельскою шуткою — и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, щастлива, ибо я доволенъ ею. Лѣта конечно исцѣляютъ насъ отъ сей душевной лихорадки, отъ сего внутренняго неизъяснимаго безпокойства, которое тревожитъ молодость; но и самый чистый воздухъ полей и лѣсовъ, самый видъ сельской Природы не имѣетъ ли также благотворнаго влїянїя на сердце, и не располагаетъ ли его *физически* къ сладкому чувству покоя? Спросите о томъ у вашихъ Медиковъ-Философовъ; а я между тѣмъ нахожу сїе дѣйствїе вѣроятнымъ, чувствуя себя какъ будто бы другимъ человѣкомъ со времени моего прїѣзда въ деревню.

Вамъ извѣстно, любезный другъ, что я не бывалъ мизантропомъ, даже и въ такихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы извинить маленькую досаду на ближнихъ; знаете, что я нѣкогда пылалъ ревностїю имѣть обширный кругъ дѣйствїя, въ нескромной надеждѣ на свою любовь къ добру и человѣчеству. Но долговременное ученье въ школѣ опыта и *феруля* сего жестокаго мастера смирили мою гордость — такъ смирили, что я,

оставивъ всѣ дальнѣйшія требованія на блестящую долю *славныхъ людей*, взялся — за плугъ и соху! Подивитесь же теперь чудной игрѣ нашего самолюбія: съ сего времени мнѣ кажется, что добрый земледѣлецъ есть первый благодѣтель рода человѣческаго и полезнѣйшій гражданинъ въ обществѣ. „Гдѣ много Героевъ, тамъ много кровопролитія; гдѣ много судей, тамъ много ябеды и неправосудія; гдѣ много купцовъ, тамъ много роскоши; но гдѣ много пахарей, тамъ много хлѣба — а хлѣбъ есть корень изобилія.“ Что вы скажете о семъ разсужденіи? Оно вѣрно полюбилось бы Китайцамъ.

Это вступленіе готовитъ васъ къ длинному письму: пеняйте сами на себя! Старики и деревенскіе жители любятъ поговорить, когда есть случай; а вы заставили меня взяться за перо, которому уже давно не было дѣла. Мнѣ хочется, на примѣръ, дать вамъ идею о главныхъ моихъ *сельскихъ подвигахъ*.

Я выросъ тамъ, гдѣ живу нынѣ. Путешествіе и служба совершенно раззнакомили меня съ деревнею; однакожъ, сдѣлавшись рано господиномъ изряднаго имѣнія, и будучи, смѣю сказать, напитанъ духомъ филантропическихъ Ав-

торовъ, то есть, ненавистію ко злоупотребленіямъ власти, я желалъ быть заочно благодѣтелемъ поселянъ моихъ: отдалъ имъ всю землю, довольствовался самымъ умѣреннымъ оброкомъ, не хотѣлъ имѣть въ деревнѣ ни управителя, ни прикащика, которые не рѣдко бываютъ хуже самыхъ худыхъ господъ, и съ удовольствіемъ искренняго человѣколюбія написалъ къ крестьянамъ: „Добрые земледѣльцы! сами изберите себѣ начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своимъ вѣрнымъ заступникомъ во всякомъ притѣсненіи.“ Возвращаясь наконецъ къ Пенатамъ родины, чтобы умереть тамъ, гдѣ началъ жить, я сердечно утѣшался пріятною мыслію, что найду деревню свою въ цвѣтущемъ состояніи; какъ Поэтъ воображалъ богатыя нивы, пажити, полныя житницы, избытокъ, благоденствіе, и сочинялъ уже въ головѣ своей письмо къ какому нибудь Рускому Журналисту о щастливыхъ плодахъ свободы, данной мною крестьянамъ. . . Пріѣзжаю и нахожу бѣдность, поля весьма дурно обработанныя, житницы пустыя, хижины гніющія! . . . Съ горестнымъ удивленіемъ призываю къ себѣ стариковъ, которыхъ имена были мнѣ еще съ ребячества

памятны, — разсматриваю ихъ, и наконецъ узнаю истину! Покойный отецъ мой, живучи самъ въ деревнѣ, смотрѣлъ не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотѣлъ, чтобы и тѣ и другія были хорошо обработаны — и въ нашей деревнѣ хлѣбъ родился лучше, нежели во многихъ другихъ; господинъ богатѣлъ, и земледѣльцы не бѣднѣли. Воля, мною имъ данная, обратилась для нихъ въ величайшее зло: то есть, въ волю лѣниться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему съ нѣкотораго времени до ужасной крайности какъ въ нашей, такъ и въ другихъ Губерніяхъ. Эта язва въ здѣшнихъ, удаленныхъ отъ столицы мѣстахъ, есть новое явленіе: живо помня лѣта своего дѣтства, помню и то, что прежде въ одни большіе годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая другъ друга домашнимъ пивомъ или виномъ, купленнымъ въ городѣ. Нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ, и люди услужливые, подъ вывѣскою орла, вездѣ предлагаютъ имъ средство избавляться отъ денегъ, ума и здоровья: ибо въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ питейнаго дома. Къ чести нѣкоторыхъ дворянъ, сосѣдей моихъ, скажу, что они отвергаютъ выгоды, предлагаемыя имъ

откупщиками, и не дозволяютъ заводить у себя храмовъ Рускаго неопрятнаго Бахуса; но другіе не такъ думаютъ, — особливо тѣ, которые сами въ откупахъ участвуютъ. Не мое дѣло осуждать сей легкой и модной способъ умножать свои доходы; не смѣю вообразить, чтобы онъ былъ несогласенъ съ достоинствомъ благороднаго и великодушнаго Патріота: ибо вижу многихъ почтенныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нему безъ зазрѣнія совѣсти и хвалятся искусствомъ въ семъ важномъ промыслѣ. Мнѣнія и вкусы различны. Однакожь тѣ ошибаются, которые думаютъ, что Рускіе искони любили излишнее употребленіе вина, и что никакая законодательная мудрость не отвратитъ ихъ отъ сего порока: онъ заразилъ народъ только со временъ Годунова; сей Царь, желая обогатить казну государственную, умножилъ число питейныхъ домовъ (*); а случай и удобность, какъ извѣстно, соблазняютъ людей. На примѣръ, при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ

(*) Слова лѣтописца: „Устави же Царь „Борисъ въ Россіи и пошлину имати со „всякихъ товаровъ, и мыты и перевозы „и вино продавати изъ казны.“

народъ Московскій безъ сомнѣнія не любилъ пьянства, ибо онъ укорялъ симъ порокомъ иностранныхъ солдатъ: Нѣмцовъ, Поляковъ и Литовцевъ, взятыхъ тогда въ Руску ю службу (*). Но при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно уже усилилось въ Москвѣ, такъ, что благодѣтельное Правительство искало мѣръ остановить его, уничтожило питейные домы и положило во всякомъ городѣ быть одному *кружешному двору*, чтобы продавать вино только ведрами и крушками. . . . Извините, любезный другъ: такая матерія совсѣмъ непріятна. Но мнѣ надлежало здѣсь имѣть дѣло съ откупщиками и блеснуть передъ ними *ученостію въ исторіи* ихъ промысла. Я постращалъ сихъ, господъ, что скоро выдамъ книгу о вредѣ его для государства и нравовъ, естьли они не избавятъ нашей деревни отъ своей вывѣски. Жестокая угроза и 1000 рублей убѣдили ихъ исполнить это желаніе. Вотъ первый мой *подвигъ* для блага земледѣльцевъ!

(*) См. Герберштенна, Гваньино, Олеарія. — Мѣсто, гдѣ они жили (за Москвою рѣкою), прозвалось *Налейками*, отъ слова *наливай*, которое часто употреблялось ими.

Землю мою отдавали они въ наймы, и брали пять рублей за десятину, которая можетъ принести отъ 30 до 40 — но съ трудомъ, а имъ не хотѣлось и для своей выгоды работать. Я возобновилъ господскую пашню, сдѣлался самымъ усерднымъ экономомъ, началъ входить во всѣ подробности, надѣлилъ бѣдныхъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства, объявилъ войну лѣнивымъ, но войну не кровопролитную; вмѣстѣ съ ними, на поляхъ, встрѣчалъ и провожалъ солнце; хотѣлъ, чтобы они и для себя такъ же старательно трудились, во-время пахали и сѣяли; требовалъ отъ нихъ строгаго отчета и въ не-рабочихъ дняхъ; перестроилъ всю деревню самымъ удобнѣйшимъ образомъ; ввелъ по возможности опрятность, чистоту въ ихъ избахъ, не столько пріятную для глазъ, сколько нужную для сохраненія жизни и здоровья. Наконецъ — безъ всякихъ Англійскихъ мудростей, безъ всякихъ хитрыхъ машинъ, не усыпая земли ни золою, ни известкою, ни толчеными костями — смѣю похвалиться, что и друзья земледѣлія и друзья человѣчества могутъ съ удовольствіемъ взглянуть на мои поля, село и жителей его. Всего же болѣе похвалюсь тѣмъ, что крестьяне благодарятъ меня за нынѣшнюю свою трезвость и

работливость, видя щастливые плоды ихъ: изъ бѣдныхъ они сдѣлались зажиточными; имѣютъ хлѣбъ, лошадей, скотоводство и надежду быть со временемъ сельскими богачами. Одинъ опытъ могъ увѣрить ихъ въ щастіи трудолюбія. Принудьте злаго дѣлать добро: отвѣчаю, что онъ скоро полюбитъ его. Заставьте лѣниваго работать: онъ скоро удивится своей прежней ненависти къ трудамъ. Сократъ называлъ добродѣтель *знаніемъ*: всякой порокъ можно назвать *невѣжествомъ* — ибо онъ есть слѣпота ума; ибо въ немъ гораздо болѣе страданія, нежели пріятности. Иностранные путешественники, видя въ Россіи безпечную лѣность крестьянина, обыкновенно приписываютъ ее такъ называемому рабству. „Какъ ему „охотно трудиться (говорятъ сіи господа), „когда помѣщикъ можетъ всегда отнять „у него имущество?“ Но сиѣю увѣрить ихъ, что такая Философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ: они лѣнивы отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Какой господинъ въ самомъ дѣлѣ отнимаетъ у крестьянъ хлѣбъ, лошадей и другую собственность? и развѣ нѣтъ между ими богатыхъ и промышленыхъ? Достойно замѣчанія, что нерадивые всегда припи-

сываютъ избытокъ работящихъ не трудамъ ихъ, а щастїю! Иностранные глубокомысленные Политики, говоря о Россїи, знаютъ все, кромѣ Россїи. Я разсуждалъ такъ же въ городскомъ кабинетѣ своемъ, но въ деревнѣ перемѣнилъ мысли. У насъ много вольныхъ крестьянъ; но лучше ли господскихъ они обработываютъ землю? по большой части напротивъ. Съ нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣхъ Губерніяхъ приходитъ въ лучшее состоянїе: отъ чего же? отъ старанїя помѣщиковъ: плоды ихъ экономїи, ихъ смотрѣнїя, надѣляютъ изобилїемъ рынки столицъ. Естьли бы они, принявъ совѣтъ иностранныхъ Филантроповъ, всѣ сдѣлали то же, что я прежде дѣлалъ: наложили на крестьянъ оброкъ, отдали имъ всю землю, и сами навсегда уѣхали въ городъ, то я увѣренъ, что на другой годъ пришло бы гораздо менѣе хлѣбныхъ барокъ какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ. Не знаю, что вышло бы черезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ: время конечно имѣетъ благотворное дѣйствїе; но первые годы безъ сомнѣнїя поколебали бы систему мудрыхъ Англїйскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ головъ. Она хороша, естьли бы мы, принявъ ее, могли заснуть съ Эпименидомъ по крайней мѣрѣ на цѣлый

вѣкъ; но всякой изъ насъ хочетъ жить хорошо, спокойно и щастливо нынѣ, завтра и такъ далѣе. Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! Мудрый идетъ шагъ за шагомъ, и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ Руской; имѣю ли предразсудки, обожаю ли гнусный идолъ корысти — но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно много, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія, которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ. Къ щастію, мы живемъ въ такое время, когда мудрое, отеческое Правительство угадываетъ всѣ истинныя потребности государственнаго и народнаго блага: съ какою радостію читалъ я указъ о заведеніи школъ деревенскихъ! Вотъ исполинскій шагъ къ вѣрнѣйшему благоденствію поселянъ! Они Руские: слѣдственно имѣютъ много природнаго ума; но умъ безъ знанія есть сидень.

Сей указъ обрадовалъ меня тѣмъ болѣе, что я въ нынѣшнюю зиму по собственному движенію завелъ у себя школу для крестьянскихъ дѣтей, съ намѣреніемъ учить ихъ не только грамотѣ, но

и правиламъ сельской Морали, и на досугѣ сочинилъ катихизисъ, самой простой и незатѣйливой, въ которомъ объясняются *должности поселянина, необходимыя для его щастїя.* Умной новой Священникъ деревни нашей былъ въ этомъ дѣлѣ моимъ критикомъ, совѣтникомъ и помощникомъ. За то и я бываю его критикомъ и совѣтникомъ, когда онъ пишетъ сельскїя проповѣди. Доставлю вамъ нѣкоторыя изъ нихъ, и вы увидите, что у насъ есть свои Иорики. Когда отецъ Савва начинаетъ говорить въ церкви, земледѣльцы мои подвигаются къ нему ближе и ближе: это хорошїй знакъ. Мы живемъ съ нимъ дружно, часто обѣдаемъ вмѣстѣ, и сидя на диванѣ, въ разговорахъ своихъ перебираемъ всю Натуру отъ кедра до исопа. Отецъ Савва есть не только Теологъ и Моралистъ, но и Физикъ, Ботанистъ, даже Медикъ самоучкою: я взялъ на себя должность Аптекаря, и мы ребарбаромъ, сосновыми шишками и Шифгаузенскимъ пластыремъ дѣлаемъ здѣсь чудеса. Крестьяне въ охотѣ лечиться едва ли уступаютъ городскимъ жителямъ. Слабому человѣку сродно искать облегченїя въ его страданїяхъ, и Медицина въ нѣкоторомъ смыслѣ есть дочь Натуры. Чѣмъ она простѣе,

тѣмъ лучше, и торжество ея всего явнѣе въ деревняхъ, гдѣ Природа, укрѣпленная суровою жизнїю, при малѣйшемъ пособїи искусства какъ Геркулесъ отражаетъ болѣзнь. Дѣйствительность нашей маленькой Аптеки отводитъ поселянъ отъ употребленїя вредныхъ средствъ, предписываемыхъ имъ въ болѣзняхъ ворожеями, колдунами и другими сельскими Адептами: польза, не малая! Мнѣ сказывали, что въ Московской Заиконоспасской Академїи съ нѣкотораго времени учатъ: Студентовъ Анатомїи и Ботаникѣ, то есть, готовятъ быть и Священниками и лекарями: эта мысль прекрасна и достойна нынѣшняго Правительства. Такъ издревле ведется на Востокѣ, гдѣ одни люди врачуютъ душу и тѣло. Благодѣянїя Медика возвышаютъ достоинство моральнаго наставника. Вижу опытъ того въ своей деревнѣ: крестьяне мои уважаютъ и любятъ Священника какъ отца, и сдѣлались при немъ гораздо набожнѣе. Я съ своей стороны помогаю сему щастливому ихъ расположенїю усерднымъ примѣромъ своимъ, и всякое Воскресенье являюсь въ церкви. Человѣкъ съ умомъ образованнымъ имѣетъ тысячу побужденїй быть добрымъ: набожность замѣняетъ ихъ для грубаго

земледѣльца, и смягчаетъ его душу. Ему, кажется, такъ естественно молиться Небу, предмету надежды и страха для полей его! Питаясь непосредственно изъ рукъ Натуры, можетъ ли онъ забывать ея Творца великаго? Но, къ нещастїю, суевѣрїе гораздо обыкновеннѣе набожности между людьми непросвѣщенными.

Зная, любезный другъ, охоту вашу къ садамъ, желалъ бы я сообщить вамъ прелестное описанїе какого нибудь *Эдема*, мною заведеннаго; но, къ великому благополучїю, не имѣю уже работниковъ для такого дѣла. . . Изъясню вамъ загадку. Сначала мы не рѣдко ссорились съ крестьянами за нерадивость и худое исполненїе моихъ приказанїй: какъ же наказывать виноватыхъ? Я выдумывалъ для нихъ работы въ саду, довольно трудныя, и хотѣлъ удивить моихъ сосѣдей лабиринтами, Парнассами, водяными зеркалами, и проч. Но мало по малу число преступниковъ уменьшалось, и наконецъ работы наши совсѣмъ остановились. *Тѣмъ лучше!* сказалъ я садовнику, и не думаю болѣе о лабиринтахъ. Поля и рощи служатъ для меня самымъ прїятнѣйшимъ Англїйскимъ садомъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ

дворянъ жалѣютъ о моемъ дурномъ вкусѣ: что дѣлать? я люблю добрыхъ, исправныхъ земледѣльцевъ гораздо болѣе садовъ, и не могу безъ вины наказывать ихъ трудами, вымышляемыми прихотью. Одно нужное и полезное кажется мнѣ хорошимъ. Такъ, на примѣръ, я съ великимъ удовольствіемъ отрылъ собственными руками источникъ свѣжей воды подлѣ самой большой дороги, обложилъ его бѣлымъ камнемъ, сдѣлалъ вокругъ дерновое канапе, часто сижу на немъ и веселюсь, смотря на проѣзжихъ, утоляющихъ жажду *моею* водою. . . Разумѣется, что вашъ пріятель сравниваетъ себя тогда съ славными благодѣтелями Востока, которые, слѣдуя предписанію Алкорана, дѣлаютъ колодези для странниковъ въ степяхъ Аравійскихъ. Видите мой *романизмъ*: это болѣзнь неизлечимая.

Однакожъ, любезный другъ, не смотря на то, я не хотѣлъ завести у себя романическихъ *праздниковъ розы*. Пусть во Франціи семнадцатилѣтняя невинность какъ фениксъ украшается вѣнками славы: у насъ всѣ дѣвушки смиренны и невинны. Не хочу бросить *яблока раздора* между ими. Довольно, что мы три раза въ годъ цѣлою деревнею весе-

лимся, празднуя весну, окончанїе полевыхъ работъ и день рожденїя моей дочери. Широкой господской дворъ обращается тогда въ залу пиршества и храмъ изобилїя; даемъ обѣдъ, какїе описываются въ старинныхъ Рускихъ сказкахъ и въ Гомеровыхъ Поэмахъ; сажаемъ земледѣльцевъ съ ихъ семьями за *столы дубовые*, и не жалѣемъ плодовъ земныхъ для угощенїя. Послѣ обѣда является Руской *Трубадуръ*, слѣпой Украинской скоморохъ съ волынкою, и начинаются пляски. Между тѣмъ изъ *роговъ миѳологической козы Амальтеи* льется пиво и медъ для шумнаго собранїя; и естьли пословица всѣхъ народовъ говоритъ правду, что хмѣль обнаруживаетъ сердце, то крестьяне любятъ меня душевно: ибо они, въ Бахусовыхъ восторгахъ, хотятъ безпрестанно цѣловать руки мои и называютъ меня самыми ласковыми именами. . . : Да и въ самомъ дѣлѣ за что имъ не любить господина, которой старается быть добрымъ, и главное свое удовольствїе находитъ въ ихъ пользѣ? Они люди, и слѣдственно имѣютъ чувство справедливости. Злая неблагодарность не такъ обыкновенна, какъ думаютъ; но мы часто твердимъ объ ней для того, что она красиво выражается въ реторическихъ фразахъ; для того,

что гораздо легче говорить о неблагодарности, нежели дѣлать добро великодушно и безкорыстно. . . . Крестьяне мои знаютъ, что я, подобно другимъ, могъ бы завести винный заводъ, приставить ихъ къ огромнымъ кубамъ, палить огнемъ неугасаемымъ, взять винную поставку и нажиться скорѣе, нежели отъ земледѣлїя. Я требую отъ нихъ работы, но единственно той, для которой человѣкъ созданъ, и которая нужна для самаго ихъ щастїя. Они лѣнились, пили и терпѣли недостатокъ: нынѣ работаютъ весело, пьютъ только въ гостяхъ у своего помѣщика и не знаютъ нужды. Сверхъ того обхожденїе мое съ ними показываетъ имъ, что я считаю ихъ людьми и братьями по человѣчеству и Христїянству. . . Нѣтъ, не могу сомнѣваться въ любви ихъ!

Это увѣренїе, любезный другъ, прїятно душѣ моей; но еще гораздо прїятнѣе, гораздо сладостнѣе то увѣренїе, что живу съ истинною пользою для пяти сотъ человѣкъ, ввѣренныхъ мнѣ судьбою. Прискорбно жить съ людьми, которые не хотятъ любить насъ: всего же несноснѣе жить въ свѣтѣ безполезно. Главное право Рускаго дворянина быть по-

мѣщикомъ; главная должность его быть добрымъ помѣщикомъ; кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ Монарху какъ вѣрный подданный: ибо АЛЕКСАНДРЪ желаетъ щастія земледѣльцевъ.

Лука Еремеевъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Рѣчь Швейцарскаго Ландмана д'Аффри при открытіи Сейма.

(Депутаты собрались въ церкви, и заняли мѣста свои въ амфитеатрѣ; за ними сидѣли ихъ Секретари, а въ третьей линіи такъ называемые придверники Депутаціи, въ мантіяхъ, которыя изображали цвѣты разныхъ Кантоновъ. Передъ Ландманомъ лежалъ экземпляръ Конституціи, врученный ему самимъ Бонапарте, съ печатію въ золотой коробкѣ. Онъ открылъ засѣданіе сего рѣчью.)

Государи мои!

Посредство Великаго Консула вручило мнѣ на время власть чрезвычайную. Смѣю думать, что прозорливость его въ семъ случаѣ не обманулась, и что я оправдалъ его выборъ и довѣренность, приготовляя, сообразно съ намѣреніемъ Консула, благоденствіе Швейцаріи и возстановляя въ сей землѣ, утомленной Революціею, то спокойствіе, котораго она ею лишилась. Власть опасна; но она въ рукахъ моихъ сохранилась чистою. Му-

дрость предвидѣла ея необходимость и пользу. Нынѣ слагаю съ себя чрезвычайную должность въ присутствіи союзныхъ Кантоновъ, и щастіе мое велико, естьли Диктаторство, мнѣ ввѣренное, заслужитъ ихъ одобреніе; оно можетъ быть для меня тѣмъ драгоцѣннѣе, что будетъ согласно съ одобреніемъ нашего великаго Посредника, который благоволилъ мнѣ изъявить его.

Политическая система Европы перемѣнилась: страны, насъ окружающія, управляются иными властями. Политика Швейцаріи должна быть новая; но Правительство добродѣтельное имѣетъ только одну: она существуетъ въ характерѣ народа нашего, который хочетъ, чтобы мы были справедливы и великодушны: таковымъ издревле признавалось Швейцарское Правительство; его слово считалось клятвою.

Союзъ девятнадцати Кантоновъ есть эпоха новая для нашего отечества: она оставляетъ за собою воспоминанія славы, благоденствія и нещастій. Забудемъ претерпѣнныя бѣдствія, особенно же тѣ, которыхъ мы избѣжать могли; вспомнимъ единственно славу и добродѣтели свои, за которыя Европа уважала Швейцаровъ.

Время, кажется, все вокругъ насъ истребило; кажется, что мы окружены только развалинами. Выдемъ изъ сего заблужденія; прибѣгнемъ къ уставамъ новымъ; возвратимся къ обычаямъ древнимъ; будемъ управлять, какъ управляли. Исправимъ недостатки, произведенные временемъ въ нашихъ разныхъ установленіяхъ, и вѣрно исполняя законы союза, найдемъ въ самомъ различіи Правленій лучшее средство обратить ихъ ко благу общему.

Посредникъ разсудилъ, что Кантоны древніе должны остаться на древнемъ своемъ основаніи, но что новые могутъ имѣть Правленіе сообразнѣйшее съ разумомъ вѣка: онъ угадалъ желаніе каждаго, и своимъ посредствомъ утвердилъ оное. Дѣло его совершилось: наше теперь начинается. Призываю въ помощь Бога отцевъ нашихъ: одинъ Богъ для всей Швейцаріи. Мы всѣ дѣти Его. Только образъ служенія нашего различенъ. Будемъ чтить Провидѣніе, исполнять законы нравственные, и всѣ удостоимся Его благоволенія. . . .

Уже совершенное спокойствіе царствуетъ во всѣхъ частяхъ Швейцаріи. Кантоны чувствуютъ нужду въ добромъ сосѣдствѣ и выгоды услугъ взаимныхъ,

которыхъ они могутъ ожидать другъ отъ друга. Власть закона дѣйствуетъ вездѣ, гдѣ законъ нуженъ; самовластіе, сей опасный врагъ обществъ гражданскихъ, исчезаетъ. Чиновники сильны довѣренностію народа: народъ силенъ повиновеніемъ чиновникамъ. Всѣ классы гражданъ уже менѣе занимаются тѣмъ, что не входитъ въ ихъ особенную сферу. Наконецъ, государи мои, вы сами увидите, что желанія Кантоновъ почти во всемъ согласны, и что для Сейма нѣтъ никакихъ дѣлъ затруднительныхъ или непріятныхъ.

Отношенія Швейцаріи къ иностраннымъ Державамъ представляютъ намъ новые виды надежды. . .

(*Здѣсь Ландманъ увѣдомляетъ Сеймъ, что Боналарте готовъ вывести Французское войско изъ Швейцаріи, и хочетъ искренно ея независимости; что Дворъ Вѣнскій, Король Гишпанскій, Прусскій, Республики Италіянская и Голландская, дружественно признали новое политическое учрежденіе Кантоновъ.*)

Теперь дозвольте мнѣ, государи мои, обратиться собственно къ отечеству нашему и предложить мысли, занимающія душу мою въ сію минуту, когда

Сеймъ беретъ въ руки свои жребій Швейцаріи.

Миръ есть главная потребность новаго Правительства. Исторія нашихъ отцевъ, исторія нашихъ дней да не будетъ для насъ безполезна! Согласіе было силою перваго Союза. Въ концѣ 18 вѣка узы братства ослабѣли: нещастная революція легко прервала ихъ. Гельветическое Правительство исчезло единственно отъ того, что оно не хотѣло согласія. Одно согласіе можетъ утвердить нашу Конституцію и заслужить почтеніе, дружбу государствъ иностранныхъ. Удалимъ, государи мои, удалимъ всякую мысль раздора. Каждое слово, въ сей священной оградѣ произносимое, да будетъ сказано съ намѣреніемъ утвердить миръ въ отечествѣ, и да примется въ семъ духѣ! Въ каждомъ изъ васъ, государи мои, вижу не только Депутата Кантоннаго, но и сына Швейцаріи. Посредство Консула да будетъ для насъ священно вмѣстѣ съ хартіею новаго устава; безъ него нѣтъ твердости и законнаго основанія. Не забудемъ, что мы ему обязаны миромъ, порядкомъ, который снова раждается въ нашемъ отечествѣ, и сѣменами народной довѣренности, которыхъ видимъ теперь первые плоды

зрѣлые. Не забудемъ, что оно воскресило народъ Швейцарскій, и что опровергать его нынѣ есть бросить оружіе въ первую минуту сраженія.

Народъ, котораго благо намъ ввѣрено, простъ своими нравами: будемъ таковы же въ нашемъ дѣлѣ! Постараемся избѣгнуть заблужденія, столь обыкновеннаго во всѣхъ новыхъ Республикахъ; заблужденія, что издавать много законовъ есть править. Нѣкоторыя идеи зрѣлой мудрости часто содержатъ въ себѣ болѣе законодательства, нежели цѣлый Кодексъ. Но должно утвердить ихъ надежно, исполнять вѣрно — и во всякихъ обстоятельствахъ онѣ спасутъ отечество. Будемъ тверды, умѣренны и справедливы: сіи добродѣтели нераздѣльны въ хорошемъ Правленіи. Слабость есть обыкновенное слѣдствіе несправедливости; дѣла самовластія всегда показываютъ боязнь и робость; одна умѣренность возвышаетъ достоинство власти безъ ужаса и всякую мысль, ей противиться, удаляетъ отъ народа. Но естьли откроется сопротивленіе, тогда всѣми силами должно отразить его. Чиновникъ, унижаясь передъ народомъ, дѣлается врагомъ отечества.

Но напрасно, государи мои, напрасно Правительства Швейцаріи старались бы

достигнуть совершенства человѣческой мудрости, когда бы они не хотѣли основать его на Религіи. Религія, сей источникъ сердечнаго блаженства, есть и главная причина гражданскаго щастія. Хвала и слава Провидѣнію сіи идеи спасительныя еще драгоцѣнны жителямъ страны нашей. Общая нравственность зависитъ отъ частныхъ нравовъ. Уважайте Религію народа своимъ примѣромъ, и вы заградите обыкновенный источникъ народныхъ бѣдствій!

Знайте, государи мои, политическія мнѣнія вашего согражданина... Я искренно сказалъ древнимъ Кантонамъ: „Въ нынѣшней Швейцаріи не ищите уже той, о которой вы справедливо жалѣли во время революціи.“ Столь же искренно сказалъ я Правительствамъ новыхъ Кантоновъ: „Не думайте искать въ ней сходства съ Швейцаріею революціонною; его нѣтъ.“ Безразсудно будетъ на берегахъ Лемана предпочтительно избирать людей, ненавистныхъ на берегахъ Лимматы и Ары. Посредство Консула не есть торжество партіи и не хочетъ никакихъ жертвъ. Въ семъ отношеніи Политика наша должна быть справедливою, безпристрастною; должна удаляться отъ двухъ крайностей; уважать честность, досто-

инство, таланты; заслуги человѣка, а не только его мнѣнія; ибо всякой, кто честенъ, взявъ на себя должность въ какомъ бы то ни было Правленіи, обязывается дѣйствовать согласно съ его духомъ; а естьли онъ не знаетъ чести, то будетъ ему вреденъ.

Что касается до внѣшней Политики, то Швейцарія, находясь въ центрѣ Европы, и спокойная среди бурь, возбуждаемыхъ совмѣстничествомъ Державъ сильныхъ, сохранитъ сію выгоду уваженіемъ ко всѣмъ Правительствамъ, совершеннымъ *безпристрастіемъ* въ раздорахъ, намъ чуждыхъ, и стараніемъ избѣгать всего, что могло бы потревожить нашихъ сосѣдовъ. Народъ честный, мирный, простый и щастливый долженъ быть предметомъ удивленія, а иногда и зависти.

Я читаю изумленіе въ глазахъ вашихъ, государи мои: вы удивляетесь слову *безпристрастія.* Навыкъ многихъ вѣковъ и воспоминаніе величайшаго благодѣянія заставляютъ васъ преимущественно любить то государство, которое издревле было нашимъ союзникомъ. Франція, столь поспѣшно загладивъ зло, сдѣланное Швейцарамъ ея недостойными властителями, видитъ насъ, подобно ей самой, нетерпѣливо желающихъ

забыть его. Сохрани Богъ, чтобы я вздумалъ удерживать благородное стремленіе вашихъ сердецъ! Я говорилъ о безпристрастіи, а не холодности, и съ удовольствіемъ объявляю, что нынѣшнее Французское Правительство, будучи первымъ благодѣтелемъ Швейцаріи, есть главный предметъ моего вниманія и надежды. Консулъ долженъ быть защитникомъ Конституціи, введенной по его совѣту. Удивляюсь его величію столь же, сколь люблю землю, имъ управляемую; и радуюсь душевно въ пріятномъ увѣреніи, что мое особенное чувство не противно мудрой политикѣ нашихъ предковъ.

Сіи мысли, государи мои, надлежало мнѣ сообщить вамъ. Теперь должность моя исполнена. Обтекаю взоромъ страны отечества: вездѣ вижу спокойствіе и возрожденіе благоденствія. Смотрю вокругъ себя, и вижу собраніе чиновниковъ достойныхъ народной довѣренности. — Призываю Сеймъ къ дѣламъ, порученнымъ ему Конституціею, и въ присутствіи Бога вездѣсущаго открываю здѣсь его первое собраніе .....

II.

О войнѣ между Англіею и Франціею.

(Изъ Фран. Журн.)

Герцогъ Кларенской сказалъ въ Парламентѣ, что послѣдняя война своею долговременностію утомила народъ Британскій, и заставила его почти единогласно требовать мира: слова достойныя вниманія! Естьли мы изъяснимъ съ *одной стороны*, для чего Британцы хотѣли мира, а съ *другой*, что заставило ихъ одобрить его нарушеніе, то будемъ имѣть ясную идею о народномъ духѣ въ Англіи, объ истинныхъ причинахъ войны, ея слѣдствіяхъ и вѣроятномъ продолженіи. Сіи предметы желаю изслѣдовать. Можетъ быть, скажутъ, что говорить о томъ не есть дѣло частныхъ людей; но я предложу доказательства.

Для чего Британцы требовали мира? — Вредъ, который Англія могла сдѣлать намъ своими флотами, былъ уже сдѣланъ; война не приносила уже никакихъ выгодъ! а въ землѣ, гдѣ славолюбіе уступаетъ разчетамъ торговли, всякая война безъ прибыли должна быть несносною. Сіе замѣчаніе открывало Франціи, что ей надлежало только имѣть терпѣніе для усмиренія Англіи.

Чрезвычайное зрѣлище одного народа, противъ котораго вся Европа возстала, и который непобѣдимымъ мужествомъ предписалъ условїл мира всѣмъ непрїятелямъ, — сїе зрѣлище произвело въ Британцахъ живѣйшее впечатлѣнїе, не страха — надобно отдать имъ сїю справедливость — но удивленїя. Вспомнимъ, что Питтъ вышелъ изъ Министерства на канунѣ дня, въ который Австрїя заключила миръ со Францїею: вотъ доказательство, что общее мнѣнїе въ Англїи весьма благопрїятствовало тогда Французамъ! Отъ славы нашей умолкла самая ненависть народная, и я смѣло могу сказать, что имя Бонапарте славилось въ Лондонѣ не менѣе Питтова. Мы видѣли, съ какимъ нетерпѣнїемъ спѣшили Англичане во Францїю, не скрывая, что они болѣе всего хотятъ видѣть тамъ миротворца Европы.

Общее желанїе мира происходило частїю отъ самыхъ видовъ торговли. Экспедицїи противъ Белиля, Фероля и Кадикса не имѣли успѣха; цѣль ихъ была только воинская, мало занимала народъ и не могла нравиться купечеству. Въ магазинахъ не оставалось мѣста для товаровъ, мануфактуры держались единственно займомъ, а миръ обѣщалъ новыя

продажи. И такъ все склоняло народъ, обремененный сверхъ того податями, желать конца войны. Питтъ не смѣлъ ему противиться, и рѣшился, по видимому, оставить Министерство. Мы изслѣдуемъ, какія тайныя причины имѣлъ онъ не входить въ мирные переговоры и поручить сіе дѣло другимъ.

Что заставило нынѣ Англичанъ одобрить нарушеніе мира? — Народъ Британскій хотѣлъ мира, а Министры не хотѣли его. Принужденные уступить народу, они мысленно искали способовъ возобновить войну, и рѣшили, что самый вѣрнѣйшій есть пробудить въ Англичанахъ старинную ненависть ко Франціи, усыпленную только обстоятельствами чрезвычайными. Заставили Журналистовъ вести войну съ Французскимъ Правительствомъ: одни укоряли его властолюбіемъ, другіе грубымъ образомъ поносили; а нѣкоторые предсказывали убійства и новыя революціи. Въ Парламентѣ говорили тоже, и нѣсколько времени безъ успѣха. Большая часть націи съ прискорбіемъ видѣла такую систему раздора и гнусные вызовы на убійство; но Питтъ и друзья его слѣдовали своему плану и предвидѣли, что народъ

скоро будетъ эхомъ злословія, которое тогда ему не нравилось.

Заключится или не заключится трактатъ коммерческій? — Сему вопросу надлежало рѣшить общее мнѣніе Британцевъ въ разсужденіи мира или войны съ Франціею. Питтъ угадалъ, что не льзя быть торговымъ связямъ между двумя народами, изъ которыхъ одинъ имѣетъ полные магазины и цвѣтущія мануфактуры, а другой вышелъ только изъ бѣдственнаго хаоса долговременной революціи, не можетъ ничего предложить на обмѣнъ, и долженъ, для возстановленія своихъ мануфактуръ, удалять ихъ отъ совмѣстничества иностранныхъ. Питтъ зналъ Французское Правительство, которому надлежало разумѣть, что всякой трактатъ коммерческій, въ настоящихъ обстоятельствахъ сихъ двухъ Государствъ, непремѣнно обратится въ пользу Англіи и вредъ Франціи. Намъ можно было требовать одной справедливой взаимности: вѣроятно, что Англичане и на то бы не согласились; но и въ случаѣ сей равной взаимности мануфактуры наши исчезли бы совершенно, ибо мы получили бы безъ обмѣна множество товаровъ, которые унизили бы цѣну Французскихъ. Система торговыхъ запрещеній въ Англіи гораздо

строже нашей; но купцы Британскіе, главная часть народа, судивъ о будущемъ по бывшему, и желавъ мира по корыстолюбію, сочли непріятельскимъ дѣйствіемъ стараніе наше о благоденствіи отечества. Сія причина войны показалась народу Британскому сильнѣе всѣхъ другихъ, и Король Англійскій вмѣстилъ ее въ свой манифестъ единственно для того, что она есть народная: сама же по себѣ такая причина смѣшна — что безъ сомнѣнія знали Король и Министры его.

Какъ скоро Англійская торговля обманулась въ своихъ надеждахъ, то уже легко было обратить умы къ войнѣ, и Питтисты дерзнули явно обнаружить свои намѣренія. Нѣсколько мѣсяцевъ тишины и мира еще болѣе способствовали ихъ успѣху.

Здѣсь должно открыть всю Политику Сент-Джемскаго Кабинета. Не нужно было употреблять чрезвычайныхъ средствъ для предвидѣнія того, что случилось; надлежало только слушать и разсуждать. Нѣсколько словъ докажутъ сію истину.

Питтъ, вышедши изъ Министерства, не скрывалъ, что онъ все еще управляетъ дѣлами. Сей хитрой и скромной человѣкъ не думалъ тѣмъ хвалиться,

но ему хотѣлось сохранить влїянїе свое на общее мнѣнїе: а Министры, удаленные отъ дѣлъ, не могутъ быть уважаемы публикою. И такъ всѣ знали его силу и могли угадывать намѣренїе — всѣ, кромѣ, можетъ быть, Министра Аддингтона, хотя онъ былъ главнымъ Питтовымъ орудїемъ. Самое прямодушїе сего Министра, управляемаго другими, казалось для нихъ лучшимъ способомъ обмануть Францїю.

Питтъ въ самомъ началѣ мира вѣрно исчислилъ, сколько Францїя должна потерять людей и денегъ для возстановленїя Колонїй своихъ въ теченїе года. Черезъ двѣ недѣли по заключенїи Амьенскаго трактата друзья сего Экс-Министра публично говорили, что Англїя помирилась только на годъ, въ надеждѣ видѣть погибель нашихъ лучшихъ войскъ въ С. Доминго. Пусть любопытные заглянутъ въ Лондонскїе Журналы того времени, когда Европа свѣдала о первомъ успѣхѣ Генерала Леклера: отчаянїе и злоба Англїйскихъ Политиковъ изображены въ нихъ весьма живо. Не знаю, какїя мѣры взялъ тогда Кабинетъ Сент-Джемской; но Герцогъ Кларенсскїй сказалъ въ Парламентѣ, что *усилїя Англїи лишили Францїю Сен-Доминга*.

Такое признанїе ужасно; оно показываетъ, что Англїя злодѣйскимъ образомъ старалась вредить намъ тотчасъ по заключенїи мирнаго трактата, и когда еще не было никакихъ видовъ къ раздору. Сїе Правительство, говоря безпрестанно о своемъ *великодушїи* и *безопасности* Европы, унизилось до того, что заключило союзъ съ варварами, съ рабами (*) бунтующими, въ надеждѣ ослабить тѣмъ народъ, съ которымъ оно торжественно примирилось. Вѣроломство неслыханное — и мы не повѣрили бы нескромному признанїю Кларенсскаго Герцога, естьли бы время не доказало уже отчасти его истины; еще нѣсколько дней, и все будетъ извѣстно.

Такимъ образомъ самый миръ обращенъ былъ Англїйскимъ Министерствомъ въ опаснѣйшее непрїятельское дѣйствїе противъ Францїи. Оно безъ сомнѣнїя хотѣло имъ воспользоваться и для возобновленїя дружественныхъ связей съ Кабинетами Европы; но сїе желанїе не исполнилось. — Въ другомъ нумерѣ мы скажемъ свое мнѣнїе о слѣдствїяхъ войны и вѣроятномъ ея продолженїи.

Фьеве.

(*) Но вы, Граждане Французы, торжественно объявили ихъ свободными!!

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Пушечный громъ Лондонской крѣпости извѣстилъ Англичанъ о первой побѣдѣ. Жители хотѣли знать, что такое сдѣлалось. Нѣкоторые думали, что Французы разбиты уже на берегахъ Англіи, и Лондонская чернь спрашивала, не взятъ ли въ плѣнъ Бонапарте?... Вышло, что Англичане снова завоевали островъ Св. Люціи, не давно отданный ими Республикѣ. 300 Французовъ сдались плѣнниками, и Британскій Адмиралъ обѣщаетъ скоро извѣстить Правительство о новыхъ завоеваніяхъ. Всякой могъ предвидѣть ихъ. Англичанамъ такъ же легко брать острова, какъ Французамъ легко было взять Ганноверъ.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ воинскихъ происшествій Англичане и Французы страшно воюютъ перьями. Кто желаетъ хорошо думать о нашемъ вѣкѣ во всѣхъ отношеніяхъ, тому прискорбно читать сію грубую, иногда низкую брань, которою наполняются Министерскіе листы какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ. Пусть великодушный непріятель остается рѣдкимъ явленіемъ въ свѣтѣ; но самое обыкновенное благоразуміе требовало бы

скромности. Ни Англичане, ни Французы не слѣдуютъ прекрасной Руской пословицѣ: *оставляй слово на миръ* — хотя они со временемъ должны будутъ помириться. Злоба всегда безразсудна и вредитъ самой себѣ. Тѣ и другіе хотятъ чернить своего непріятеля въ глазахъ Европы; но выходитъ слѣдствіе, совершенно противное ихъ ожиданію. Слушая Англичанъ, мы склоняемся на сторону Бонапарте; читая *Монитёра*, стыдимся за Французовъ. Даже и глубокомысленный Питтъ въ собраніи Парламента дозволилъ себѣ оскорбительныя личности противъ Бонапарте, несогласныя съ хладнокровною справедливостію. Но *Монитёръ* спѣшилъ загладить сію нескромность и торжественно объявилъ Европѣ, что Великій Консулъ, завоевавъ Англію, великодушно проститъ народъ Британскій и *накажетъ* только *сто фамилій*, которыя причиною какъ нынѣшней войны, такъ и прежнихъ кровопролитій въ свѣтѣ. Вотъ совершенно *романическая* безразсудность! не умѣемъ назвать ее другимъ именемъ. Вообще Парижскіе и Лондонскіе Журналисты пишутъ съ равнымъ остервененіемъ другъ противъ друга; замѣчаемъ единственно ту розницу, что Французы, изображая Британскихъ Министровъ и слабоумными

и жестокосердыми, увѣряютъ насъ, что и народъ Англійскій достоинъ презрѣнія всѣхъ другихъ націй; а Журналисты Лондонскіе обращаютъ свои батареи только противъ Консула, мало занимаясь народомъ Французскимъ. Но Англійскіе листы кажутся еще совершенно невинными въ сравненіи съ Французскими, печатаемыми въ Лондонѣ и наполненными самою мерзостною, самою злодѣйскою клеветою на Бонапарте. Къ стыду Англіи служитъ то, что они находятъ въ ней многихъ читателей; къ стыду Франціи Авторы ихъ называются Французами. Сія шайка гнусныхъ пасквилянтовъ, издающихъ Courier de Londres и Ambigu, поноситъ имя нещастнаго Лудовика XVIII своими похвалами, и будучи органомъ Роялистовъ, представляетъ сихъ людей въ самомъ ненавистномъ видѣ для всѣхъ честныхъ гражданъ Европы. Напрасно Бонапарте оскорблялся злословіемъ новыхъ Гебертовъ и Маратовъ: безстыдные лжецы не имѣютъ силы вредить великому человѣку; не они унижаютъ его, но онъ унижался досадою на нихъ. Консулъ есть Герой: такимъ признаютъ его современники; такимъ признаетъ и самое отдаленное потомство, жалѣя можетъ быть, что онъ не испол-

нилъ *всѣхъ* требованій чистой добродѣтели... Но Франція — послѣ всего, что въ ней было — можетъ гордиться тѣмъ, что великій человѣкъ управляетъ ею; отъ Генриха IV до нашихъ временъ она не имѣла сей выгоды и славы. Когда великіе Монархи Европы окружаютъ Консула своими Министрами, то Роялисты должны безмолвствовать. Они не умѣли спасти своего добраго Короля; не хотѣли погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, а хотятъ только возмущать умы слабыхъ людей гнусными клеветами... Франціи не стыдно повиноваться Наполеону Бонапарте, когда она повиновалась Госпожѣ Помпадуръ и Дю-Барри.... Мы не знаемъ предковъ Консула, но знаемъ его — и довольно.

Скорое возвращеніе Консула въ Сен-Клу одни приписывали нѣкоторымъ тайнымъ политическимъ обстоятельствамъ, а другіе слабости его здоровья; но изъ Шарлевиля пишутъ, что онъ, осматривая укрѣпленія въ Мезьерѣ, два раза перешелъ въ бродъ черезъ Мёзу, къ удивленію жителей, которые не знали, куда онъ дѣвался, и вдругъ увидѣли его выходящаго изъ рѣки: сей случай заставляетъ думать, что Бонапарте здоровъ.

Въ Брабантскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ слѣдующее: „Консулъ, будучи въ Антверпенѣ и гуляя по берегу Шельды, вошелъ со многими Генералами въ лодку и предложилъ имъ выпрыгнуть на берегъ: что и сдѣлали Французы съ величайшею легкостію. Бонапарте сказалъ имъ: *такъ мы выдемъ на берегъ Англіи!*“

Вся изобрѣтательность Французскаго ума нынѣ обращена на способъ сдѣлать въ Англіи высадку. Тилорье, какъ извѣстно, предлагалъ Консулу летѣть туда на шарахъ: нѣкто Дешъ предлагаетъ теперь плыть верхомъ на бочкахъ!! „Сія „*водяная кавалерія*, говоритъ онъ, можетъ „истребить Англійскіе флоты. Мы осѣдлаемъ бочки, сядемъ на нихъ какъ драгуны на лошадей, и вмѣсто шпоръ привяжемъ къ сапогамъ веслы; а чтобы „глупые люди не смѣялись надъ нами, „то назовемъ бочки дельфинами, или „морскими телятами; можно даже сдѣлать ихъ на подобіе лошадей. Жители „востока строили на слонахъ башни: это „безъ сомнѣнія еще страннѣе *боевой „конницы.*“ . . . Сею щастливою мыслію Гражданина Деша воспользуются одни Англійскіе изобрѣтатели карикатуръ.

Въ *Монитёрѣ* напечатано слѣдующее письмо изъ Лондона: „Видъ единодушной

„Францїи, пылающей воинскою ревностїю „и мщенїемъ; охотныя жертвы всѣхъ „Департаментовъ и частныхъ людей, по„разили ужасомъ тѣхъ, которые столь „неблагоразумно начали дѣйствїя непрї„ятельскїя. Они извиняются, говоря, „что Посолъ обманулъ ихъ; что онъ увѣ„рялъ Правительство въ своихъ донесе„нїяхъ, будто Кабинетъ Тюлерїйскїй „страшится войны и не надѣется на „благопрїятное расположенїе Французска„го народа. Министры Британскїе тому „повѣрили, возгордились и отвѣчали гру„бостями на умѣренныя предложенїя „Францїи. Заблужденїе ихъ было такъ „велико, что они думали однимъ „Королевскимъ сообщенїемъ Парламен„ту о вооруженїяхъ кончить дѣло „Мальты, и Господинъ Аддингтонъ уже „славился тонкимъ своимъ искусствомъ. „Желанїе Перваго Консула сохранить „миръ казалось имъ боязнїю, и для того „они дали свое достопамятное повелѣнїе „Витворту выѣхать изъ Парижа въ 56 „часовъ. Тогда сїя надменность удивила „благоразумныхъ людей, а теперь обра„тилась она въ смѣшное хвастовство для „всѣхъ, видящихъ безпокойное, много„трудное ничтожество Министровъ и

„*холодный лотъ* Англійскаго Парла-
„мента."

О возмущеніи Ирландскомъ въ Мони-
тёрѣ сказано: „Англійское Правитель-
„ство усмирило прежде Ирландію тор-
„жественнымъ обѣщаніемъ, что оно до-
„зволитъ Католикамъ свободное богослу-
„женіе и навсегда уничтожитъ законъ,
„по которому ни одинъ Ирландецъ не
„могъ быть гражданскимъ чиновникомъ
„безъ клятвы, что онъ не исповѣдуетъ
„Католической Религіи: законъ варвар-
„скій, достойный четвертаго вѣка!
„Когда мятежъ усмирился и власть
„Короля Англійскаго снова утвердилась
„въ сей землѣ, Его Величество исполнилъ
„слово свое такъ же, какъ трактатъ
„Амьенскій; то есть, онъ отказался
„отъ собственноручной подписи. Съ дру-
„гой стороны Министры наполнили Ир-
„ландію войсками, вездѣ поставили эша-
„фоты и съ неслыханнымъ варварствомъ
„употребляли всѣ тиранскія мѣры, что-
„бы снова поработить нещастную Ирлан-
„дію. Назвавъ ее *соединеннымъ Королев-*
„*ствомъ* (хотя соединеніе было только
„на бумагѣ), они отняли у жителей
„послѣднія права ихъ. — Европа не знаетъ,
„какъ Ирландія угнетена Англіею; не

„знаетъ числа жертвъ и бѣдствій, пре-„терпѣнныхъ тѣми Ирландцами, кото-„рые спаслись отъ лютой казни. Смѣло „увѣряемъ, что въ 10 лѣтъ погибло ихъ „болѣе 50,000 на эшафотахъ или отъ „такъ-называемыхъ *военныхъ наказаній.* — „Опытъ вѣковъ доказываетъ, что не „жестокостію можно усмирить народъ „столь многочисленный и сильный, жи-„вущій на обширномъ островѣ. Сіе вар-„варство скорѣе всего освободитъ Ирлан-„дію отъ ига, и наконецъ доставитъ ей „ту независимость, которая принадле-„житъ всѣмъ народамъ.“

Славная высадка, какъ увѣряютъ, должна быть сдѣлана въ Октябрѣ или Ноябрѣ мѣсяцѣ. — Многіе все еще ожидаютъ мира отъ благодѣтельнаго посредства Россіи.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ 1805.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О свободѣ Азіатскихъ женщинъ. Сочиненіе Индѣйца Мирзы-Талеба-Хана.

(Мирза-Талебъ-Ханъ родился въ Индостанѣ, воспитанъ въ Магометанской Религіи и рано прославился своимъ умомъ и талантами. Онъ вступилъ въ службу Удскаго Набаба, былъ Министромъ Экономіи, и съ такимъ прямодушіемъ, человѣколюбіемъ и разумомъ исполнялъ сію должность, что Удскіе земледѣльцы сдѣлались въ его правленіе богатѣйшими и лучшими во всей Индіи. Мирза гнушался корыстолюбіемъ, и всѣ доходы мѣста своего употреблялъ на благодѣянія людямъ бѣднымъ, неспособнымъ къ работѣ.

Такой человѣкъ не могъ нравиться царедворцамъ Набаба. Они укоряли его излишнею привязанностію къ Англичанамъ. Оскорбленный несправедливымъ подозрѣніемъ своего

Государя, Мирза-Талебъ сложилъ съ себя санъ Министра.

Онъ пріѣхалъ въ Калькутту. Англійское Правительство желало воспользоваться его талантами. Талебъ долго отговаривался; наконецъ, по убѣжденію Лорда Корнваллиса, принялъ должность Британскаго Агента въ Гидерабадѣ; нѣсколько времени исполнялъ ее съ усердіемъ, и захотѣлъ опять быть свободнымъ.

Въ 1799 году онъ вздумалъ ѣхать въ Англію, будучи увѣренъ, что его примутъ тамъ дружески; два мѣсяца прожилъ на Мысѣ Доброй Надежды, и наконецъ увидѣлъ землю, которой имя такъ славно въ Индіи. Мирза-Талебъ былъ введенъ въ знатнѣйшіе Лондонскіе домы и представленъ Двору. Всѣ полюбили его, ибо характеръ кроткій соединялся въ немъ съ умомъ основательнымъ. Онъ еще въ Индіи зналъ Англійскій языкъ, и могъ съ пріятностію объяснять на немъ свои мысли. Въ 1801 году Мирза поѣхалъ изъ Лондона въ Парижъ, а оттуда черезъ Вѣну и Константинополь въ Египетъ, чтобы возвратиться въ Индію сухимъ путемъ. Будучи въ Лондонѣ, онъ сочинилъ описаніе Англіи и множество Персидскихъ стиховъ, переведенныхъ на Французской языкъ и напечатанныхъ въ *Парижскомъ Журналѣ*. Слѣдующая статья писана имъ на Персидскомъ языкѣ,

и даетъ намъ ясное понятіе о домашней жизни Индѣйцевъ, любопытной и столь мало извѣстной, не смотря на всѣ описанія Индіи.)

Въ одномъ Англійскомъ обществѣ разговоръ зашелъ о свободѣ, которою Британцы хвалятся болѣе всего на свѣтѣ. Любезная хозяйка сказала мнѣ: „Ваши Азіатскія женщины не знаютъ, что такое свобода; онѣ живутъ какъ невольницы въ домѣ мужей своихъ; не имѣютъ ни власти, ни удовольствій.“ Она изъявила презрѣніе свое къ мущинамъ, которые хотятъ быть тиранами, и къ женщинамъ, которыя соглашаются рабствовать.

Я старался вывести ее изъ заблужденія, увѣряя, что въ Европѣ имѣютъ о томъ ложное понятіе, и что Англичанки пользуются свободою менѣе Азіатскихъ женщинъ. Мнѣ не льзя было переувѣрить ее; однакожь удалось возбудить въ ней нѣкоторое сомнѣніе, такъ, что она желала видѣть сіи идеи на бумагѣ. Исполняя прозьбу ея, собралъ я главныя черты различія въ состояніи женщинъ Азіатскихъ и Европейскихъ.

Прежде всего надобно согласиться, что въ гражданскомъ порядкѣ наблюденіе правилъ учтивости и взаимнаго уваженія

необходимо: безъ чего свобода однихъ уничтожала бы свободу другихъ людей. Естьли бы я могъ дѣлать у себя въ домѣ то, что опасно для моего сосѣда, то свобода моя обратилась бы въ великое зло для общества. Естьли бы человѣкъ, для большей прохлады лѣтомъ, вздумалъ ходить по улицамъ въ рубашкѣ или шлафрокѣ, то онъ нарушилъ бы правила учтивости и благонравія.

Съ нѣкоторыхъ сторонъ Азіатскія женщины не имѣютъ, кажется, свободы Европейскихъ. Онѣ удалены отъ ежедневнаго обхожденія съ мущинами и живутъ почти всегда уединенно. Но Европейцы обманываются, воображая, что наши женщины хотѣли бы вести другую жизнь, бродить по улицамъ, являться на рынкахъ, сидѣть на площадяхъ городскихъ, и что одна неволя причиною такого заключенія. Скажу, что сіе обыкновеніе удаляетъ ихъ только отъ непріятностей, которыя произошли бы отъ свободнаго доступа къ нимъ чужихъ людей. Въ самомъ Лондонѣ видимъ мы нѣчто подобное; а именно то, что двери на улицу бываютъ всегда заперты. Нравы Англійскіе дозволяютъ мущинамъ и женщинамъ быть вмѣстѣ, по тому, что въ сей землѣ вообще болѣе нравственности, учтивости

и добродѣтели, нежели въ странахъ Азїатскихъ. Найдемъ и другїя причины. На примѣръ: жизнь въ Англїи такъ дорога, слугъ такъ мало и домы столь тѣсны, что мужу и женѣ нельзя имѣть разныхъ комнатъ, слугъ, экипажа и стола. Слѣдственно необходимость заставляетъ ихъ вмѣстѣ жить и обѣдать: что не рѣдко бываетъ для женщинъ непрїятностїю. Въ Азїи онѣ имѣютъ особенныя горницы и не обязаны располагать свои удобности и часы по волѣ супруговъ. Ожидая къ себѣ въ гости прїятельницъ, жены посылаютъ къ мужьямъ изготовленное для нихъ кушанье и не велятъ имъ входить къ себѣ, пока не ушла гостья. Мужъ также, будучи занятъ дѣломъ, сидитъ покойно въ своемъ *мурданна* или кабинетѣ, гдѣ никто не тревожитъ его.

Есть и другая причина сего обыкновеннаго смѣшенїя половъ въ Европѣ; а именно, климатъ. Холодъ его дѣлаетъ нужнымъ движенїе и гулянье, котораго не льзя согласить съ женскимъ Азїатскимъ обыкновенїемъ прятаться.

Тѣснота домовъ въ Англїи заставляетъ супруговъ жить въ одной комнатѣ и даже спать на одной постелѣ: что не только можетъ быть вредно для здоровья,

но часто и непріятно; ибо всѣ мы чувствуемъ иногда желаніе быть одни, и свобода въ такомъ случаѣ есть большая выгода жителей Востока.

Здѣсь всѣ люди, такъ сказать, одного роду; то есть, Англія, удаленная отъ средоточія міра, не представляетъ сего обыкновеннаго, великаго стеченія иностранцевъ, которое видимъ въ Азіи, и которое имѣло бы весьма вредныя слѣдствія, естьли бы въ общежитіи не было раздѣленія половъ. Гдѣ разные народы смѣшены, тамъ мудрено сохраниться благонравію: слѣдственно права и щастіе супруговъ находились бы у насъ въ великой опасности, когда бы мы переняли вашъ обычай.

Прежде введенія Магометанской религіи въ Индіи, тамъ не было обыкновенія скрывать женщинъ отъ глазъ народа; даже и нынѣ, въ деревняхъ *Индускихъ*, онѣ вездѣ ходятъ свободно. Но въ большихъ городахъ самые Индусы (*) приняли обычай запирать ихъ, и наблюдаютъ его такъ строго, что рѣдко лицо снохи бываетъ извѣстно свекору, и рѣдко сестра видитъ брата.

(*) Такъ называются Индѣйцы, исповѣдующіе вѣру Брамы.

Европейскія женщины принуждены учиться ремесламъ, знать дѣла и свѣтъ, чтобы въ случаѣ нужды помогать мужьямъ: все это несовмѣстно съ заключеніемъ. Напротивъ того Азіатскія женщины, занимаясь единственно воспитаніемъ дѣтей и храненіемъ денегъ мужа, и тутъ вѣчно жить въ своемъ Гаремѣ.

Замѣтивъ, что онѣ не имѣютъ никакой нужды выходить изъ дому, прибавлю, что заключеніе бываетъ для нихъ и выгодно съ разныхъ сторонъ. Вопервыхъ, климатъ раждаетъ у насъ склонность къ покою, такъ, что всякое движеніе кажется женщинамъ трудомъ и безпокойствомъ; сверхъ того онѣ по нѣжному своему чувству или вкусу не любятъ подвергаться грубости людей незнакомыхъ. Примѣчаю, что и въ самой Англіи знатныя женщины рѣдко ходятъ по улицамъ, и всякой разъ берутъ съ собою лакеевъ.

Азіатскія женщины могутъ, не сказавъ ни слова мужьямъ, посѣщать своихъ пріятельницъ; въ такомъ случаѣ, вмѣсто вашихъ каретъ, употребляются въ Азіи носилки. Онѣ гуляютъ въ садахъ, и находятъ средства разнообразить жизнь свою: часто призываютъ къ себѣ музыкантовъ, танцовщицъ и фигляровъ. Право

восточныхъ жителей имѣть многихъ женъ кажется Европейцамъ тиранствомъ, унизительнымъ для женскаго пола; но я думаю, что сїе обыкновенїе Азїатцевъ можетъ быть оправдано другими ихъ обыкновенїями. Кромѣ того, что беременность и кормленїе младенцевъ разлучаютъ супруговъ, жены имѣютъ у насъ право удалять отъ себя мужей на долгое время. Естьли бы Англичанки такъ же поступали, то мнѣ оставалось бы жалѣть объ ихъ супругахъ.

Ни честь, ни самолюбїе первой жены не терпятъ у насъ отъ многоженства. Вторая и третья жена бываютъ всегда не знатнаго роду, ибо люди именитые и богатые не выдаютъ дочерей своихъ за женатыхъ. Первая жена никогда не принимаетъ ихъ въ свое общество. Тѣ, которыя принадлежатъ къ благороднымъ фамилїямъ и хорошо воспитаны, живутъ въ особливомъ домѣ, подобно любовницамъ въ Англїи; а другїя, роду низкаго, служатъ какъ невольницы первой женѣ, и дѣти ихъ не имѣютъ правъ ея дѣтей. Ей обыкновенно назначается большая часть имѣнїя въ случаѣ смерти мужа, такъ, что другимъ весьма не много достается. Въ Европѣ думаютъ, что Азїатцы имѣютъ по три или четыре жены: это не

правда. По большей части они довольствуются одною, и только 50 изъ 1000 имѣютъ двухъ; а изъ сихъ пятидесяти развѣ двое содержатъ трехъ или четырехъ. Страхъ быть жертвою домашнихъ раздоровъ удаляетъ ихъ отъ многоженства; надобно признаться, что всего труднѣе сохранить покой и тишину съ двумя женами.

Разводъ зависитъ у насъ отъ мужей; но они не употребляютъ во зло сего права. Естьли жена впадаетъ въ преступленіе важное и доказанное, то она должна быть наказана судьею, или мужъ, согласясь съ ея родителями, самъ опредѣляетъ наказаніе. Естьли же вина не очень важна, то супругъ оставляетъ ее въ Гаремѣ одну и нѣсколько времени не видится съ нею. Справедливость требуетъ, чтобы въ разводѣ отдавалось преимущество мужьямъ, которые болѣе трудятся въ жизни и подвергаютъ себя опасностямъ войны, между тѣмъ какъ женщины наслаждаются покоемъ и роскошною праздностію. Однакожь и супруга можетъ требовать развода, естьли докажетъ, что мужъ не имѣетъ объ ней законнаго попеченія и не кормитъ ее.

Женское свидѣтельство, по законамъ Азіи, уважается менѣе нашего. Въ судѣ

довольно представить двухъ мущинъ въ свидѣтели, а женщинъ надобно по крайней мѣрѣ четыре. Законодатель предвидѣлъ, что онѣ не могутъ хорошо знать людей, и сверхъ того легкомысленнѣе, вѣтренѣе мущинъ.

Азїатцы считаютъ за великой стыдъ для женщины, когда она по смерти супруга снова выходитъ за-мужъ, или наряжается и любитъ удовольствїя. Никакой законъ ей не запрещаетъ того; но рѣдко бываетъ, чтобы вдова осмѣлилась не уважить сего общаго предразсудка.

Дѣвицы наши не имѣютъ свободы выбирать супруга, и принимаютъ его всегда отъ руки отца, или матери. Не знаю, могутъ ли Англичанки хвалиться своимъ преимуществомъ. Естьли склонность дочери не угодна родителямъ, то она и въ Англїи должна имъ покориться. Ей остается бѣжать тихонько съ любовникомъ: что дѣлаютъ у насъ только невольницы. Сїе право Европейскихъ дѣвицъ раждаетъ великое зло въ семействахъ. Можетъ ли выбрать благоразумно и щастливо молодая женщина, которая, будучи почти ребенкомъ, желаетъ только выттти за-мужъ и не имѣетъ идеи о бѣдствїяхъ злополучнаго супружества? Воля родителей, просвѣщенная опытомъ,

основанная на любви ихъ къ милой дочери, и свободная отъ влїянїй страсти, не есть ли вообще гораздо вѣрнѣйшїй залогъ супружескаго щастїя?

Я говорилъ о такихъ вещахъ, въ которыхъ обычаи и законы даютъ, кажется, выгоду Европейскимъ женщинамъ: теперь представляю существенныя выгоды Азїатокъ. Обыкновенїе поручаетъ имъ имѣнїе и дѣтей мужа. Азїатцы женятся для того, чтобы избавить себя отъ домашнихъ заботъ; вѣряютъ супругѣ богатство свое, оставляютъ на ея попеченїе воспитанїе дѣтей, и хотятъ безъ всякаго помѣшательства заниматься дѣлами или въ полной свободѣ жить для удовольствїя. Мужъ отдаетъ женѣ всѣ деньги, имъ получаемыя, такъ, что она можетъ, естьли захочетъ, въ одну минуту уничтожить всѣ плоды трудовъ его. Часто бываетъ, что онъ въ старости требуетъ назадъ ввѣренныхъ ей денегъ; но жена отдаетъ ему только часть ихъ, удерживая остальное для своихъ дѣтей. Власть ея надъ сими послѣдними неограниченна. Матери вообще любятъ у насъ дѣтей съ величайшею нѣжностїю, но воспитываютъ ихъ дурно, ибо онѣ не имѣютъ никакихъ нужныхъ познанїй. Въ случаѣ болѣзни лечатъ

ребенка по совѣшу рабовъ или прїятельницъ, и не рѣдко усиливаюшъ болѣзнь лекарствомъ; но мужъ не смѣетъ противиться ихъ волѣ.

Женитьба и замужство дѣтей зависятъ также отъ матери; рѣдко бываетъ, чтобы отецъ не уступалъ ей полной власти. Они во всемъ держатъ обыкновенно сторону матери противъ отца, ибо онъ заставляетъ ихъ учиться, а слѣпая безпечность ея благопрїятствуетъ ихъ природной лѣни. Естьли родители исповѣдуютъ разную вѣру, то дѣти всегда воспитываются въ религїи матери. Когда жена есть *Шїа*, а мужъ *Сунн*, то они при отцѣ хвалятъ вѣру *Шїевъ* и смѣются надъ *Сунїями*. Отецъ, которой всякаго другаго могъ бы за такїя насмѣшки заколоть кинжаломъ, терпитъ ихъ въ семействѣ, и не рѣдко, слыша ежедневно возраженїя противъ своей религїи, колеблется во мнѣнїяхъ и принимаетъ вѣру супруги.

Жена имѣетъ у насъ гораздо болѣе власти надъ слугами, нежели въ Европѣ. Служанки совершенно отъ нее зависятъ; она принимаетъ, держитъ и ссылаетъ ихъ, какъ хочетъ. Нѣкоторыя изъ сихъ женщинъ никогда не показываются мужу; а тѣ, которыя служатъ ему, не

должны говорить при немъ. Онъ не имѣетъ права выгнать изъ дому ни одной служанки; на которую изъ нихъ пожалуется, та обыкновенно входитъ въ милость къ госпожѣ; а которая ему полюбится, ту немедленно сгоняютъ со двора. Что касается до слугъ, то они боятся хозяина всегда менѣе, нежели хозяйки. И такъ вообще можно сказать, что въ Азїи женщины имѣютъ гораздо болѣе свободы и власти у себя дома, нежели въ Европѣ, гдѣ онѣ живутъ не рѣдко какъ посторонния въ домѣ супруга, и должны во всемъ соображаться съ его удобностїю. Естьли жена поссорится здѣсь съ мужемъ, то ей надобно ѣхать къ родителямъ; а въ Азїи мужъ обязанъ выдти изъ своего дому, когда не можетъ ладить съ женою; ему даже и ѣсть нечего, естьли она не пришлетъ кушанья: ибо оно готовится въ *Зенанѣ*, то есть въ ея комнатахъ.

Азїатки не обязаны угощать друзей мужа, не обязаны помогать ему въ торговыхъ или ремесленныхъ дѣлахъ, какъ то въ Европѣ бываетъ. Онѣ гораздо болѣе имѣютъ прихотей, нежели Европейскїя женщины, и великїя искусницы терзать бѣднаго мужа. У нихъ принято за общую истину, что жена кроп-

кая и снисходительная не можетъ владѣть супругомъ, и что благоразумїе велитъ ей быть не много жестокою. Когда жена отправляется въ гости къ отцу на три дни, то никогда въ четвертый не возвращается; мужъ долженъ итти за нею; она даетъ слово быть дома на другой день, и не исполняетъ обѣщанїя. Когда зовутъ ее къ обѣду, она не готова, и бѣдный мужъ ждетъ, пока все кушанье простынетъ. Такъ и въ другихъ случаяхъ смѣются надъ его нетерпѣнїемъ. Возвратиться домой по первому слову мужа, кажется имъ грубою непристойностїю. Онѣ думаютъ также, что знатная или богатая женщина не должна никогда показываться голодною, какъ простая и бѣдная. Мужья терпятъ и молчатъ; а страннѣе всего то, что они за прихоти еще нѣжнѣе любятъ супругъ своихъ. Я зналъ многихъ красавицъ, милыхъ и добродѣтельныхъ, которыхъ мужья разлюбили, отъ того, что онѣ не умѣли мучить ихъ; а другїя женщины, не имѣя никакихъ особенныхъ достоинствъ, бываютъ обожаемы единственно за свои всегдашнїя прихоти.

Азїатцы вѣрятъ болѣе добродѣтели женщинъ, нежели Европейцы: такъ по крайней мѣрѣ должно заключить изъ нѣ-

которыхъ обыкновенїй въ той и другой части свѣта. Англичанка свободно выходитъ изъ дому и говоритъ съ посторонними людьми; только надобно всегда, чтобы она брала съ собою человѣка, къ которому отецъ или мужъ ея имѣетъ довѣренность. В Азїи женщины ходятъ однѣ къ своимъ роднымъ или прїятельницамъ, даже совсѣмъ незнакомымъ мужу; живутъ у нихъ по нѣскольку дней, и не боятся никакихъ подозрѣнїй съ его стороны. Хозяинъ дому не можетъ видѣть гостьи; но молодые люди до 15 и 16 лѣтъ свободно входятъ въ женскїя комнаты.

Въ случаѣ развода сынъ принадлежитъ отцу, а дочь матери. Въ Англїи законъ не таковъ, и разведенная жена, 10 или 20 лѣтъ бывъ попечительною матерью, должна разлучиться съ дѣтьми, оставляя ихъ мужу.

Всего же болѣе независимость Азїатскихъ женщинъ утверждается тѣмъ, что онѣ, въ случаѣ ссоры съ мужемъ, могутъ, взявъ дѣтей и всѣ драгоцѣнныя вещи, уйти съ ними къ отцу и жить у него до примиренїя. Разумѣется, что мужъ бываетъ тогда обязанъ виниться и ждать милостиваго прощенїя.

Я могъ бы еще привести многое въ доказательство того, что Азїатскїя женщины имѣютъ болѣе свободы, нежели Европейскїя; но довольно и сказаннаго для утвержденїя сей истины.

Изъ Британской Библїотеки.

II.

Мегалантропогенезїя.

Многїе читатели не скоро выговорятъ такое варварское слово, хотя оно и Греческое: многїе пожелаютъ узнать и смыслъ его. Удовлетворимъ ихъ любопытству.

Подъ симъ титуломъ вышла на Французскомъ языкѣ книга, весьма ученая и забавная (что рѣдко бываетъ вмѣстѣ). Она предлагаетъ искусство *родить умныхъ дѣтей, способныхъ быть великими людьми*, и словесный переводъ титула есть: *великочеловѣкорожденїе!!*

Авторъ, Г. Роберъ, искусный Медикъ, доказываетъ сперва, что человѣкъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, можетъ достигнуть до большаго совершенства. Прямой ростъ его, тонкость органовъ, нѣжность чувствъ,

а всего болѣе *образованіе рукъ* открываютъ ему безпредѣльный путь успѣховъ. „Но сія „выгода, говоритъ Авторъ, не могла бы „еще удовольствовать человѣка, естьли бы „онъ не имѣлъ способности раждать дѣ- „тей, какихъ ему надобно.“ — Изъяснивъ тайну животнаго образованія, которую мы оставляемъ тайною для нашихъ читателей, Гражданинъ Роберъ утверждаетъ, что дѣти наслѣдуютъ какъ физическія, такъ и моральныя свойства отъ родителей; что Римляне естественно возвысили родъ человѣческой во всей обширной своей Имперіи; что законы Фридриха Великаго произвели то же дѣйствіе; что всѣ народы: Вавилоняне, Египтяне, Индѣйцы, Китайцы, Арабы, Атландцы, Греки и Галлы, вѣрили искусству раждать великихъ людей, слѣдственно вѣрили системѣ нашего Автора и любезной его Мегаланитропогенезіи; что самъ Гомеръ былъ ея ревностнымъ Апостоломъ; что наслѣдственныя права Государей и дворянства также доказываютъ ея истину: „ибо (говоритъ онъ) мудрость народовъ полагала, что великіе отцы будутъ имѣть и дѣтей великихъ.“ Однимъ словомъ, Гражданинъ Роберъ вездѣ видитъ Мегалантропогенезію. „Отъ чего во Франціи издревле славились

фамиліи Биронъ, Сёгюръ, Буфлеръ, Монморанси? отъ чего въ исторіи Наукъ гремятъ Бернульи, Кассини, Лаландъ? отъ чего и нынѣ побѣдоносная Франція гордится фамиліею Бонапарте? Безъ всякаго сомнѣнія отъ Мегалантропогенезіи! Дѣти наслѣдуютъ отъ родителей не только добродѣтели и пороки, но и самыя политическія мнѣнія. На примѣръ, нѣкто Камюсъ, умершій въ 1652 году, писалъ противъ монашества, а въ 1790 году другой Камюсъ предложилъ Французскому Народному Собранію уничтожить монастыри...“ Авторъ не забылъ стиховъ Депушевыхъ:

Великіе умы имѣютъ всѣ таланты,
Но кромѣ одного: умъ дѣтямъ сообщать.

Не забылъ также и словъ д' Аламбертовыхъ, что сынъ человѣка славнаго рѣдко бываетъ славенъ; но онъ на сіи возраженія отвѣчаетъ, что великіе люди, утомленные безпрестаннымъ глубокомысліемъ, не чувствуютъ склонности къ супружеству или мало занимаются выборомъ супругъ. „Сколько бѣдныхъ служанокъ можетъ похвалиться нѣжными объятіями Героевъ, законодателей, Философовъ! Къ тому же въ самую минуту любви и восторговъ наши Геніи не рѣдко

думаютъ о рѣшенїи какой нибудь трудной задачи; это мѣшаетъ Мегалантропогенезїи." — И такъ гражданинъ Роберъ совѣтуетъ выбирать умную жену тому, кто хочетъ имѣть умныхъ дѣтей. Бюффонъ говоритъ, что *униженїе родовъ происходитъ всегда отъ самокъ.* Для чего же для пользы человѣчества не сдѣлать того, что дѣлаютъ для конскихъ заводовъ, для овецъ и проч.? Планъ Автора не требуетъ большихъ издержекъ: онъ предлагаетъ Консуламъ только ободрять брачные союзы между людьми умными и назначить день учрежденїя Республики для празднованїя сихъ *мегалантропогенезическихъ* свадебъ, которыя скоро прославились бы въ свѣтѣ не менѣе Игръ Олимпїйскихъ.

Гражданинъ Роберъ входитъ въ самыя мѣлкїя подробности и назначаетъ даже щастливѣйшую минуту для образованїя великихъ людей. Герой долженъ быть *зачатъ* послѣ сраженїя, стихотворецъ послѣ хорошей трагедїи, музыкантъ послѣ симфонїи, и такъ далѣе. Нравственность зависитъ отъ Физики, и пища родителей имѣетъ влїянїе на полъ и на умъ дѣтей. Они должны ѣсть бѣлой хлѣбъ, испеченный съ анисомъ и солью: ибо ситной хлѣбъ содержитъ въ себѣ много

сыросіти и холода, и весьма вреденъ для разума. Мяса горячительныя и сухія должны быть также употребляемы въ маломъ количествѣ. Всего же болѣе, по мнѣнію Автора, способствуютъ рожденію мальчиковъ, и весьма умныхъ мальчиковъ, медъ и бѣлое вино. Аристофанъ говоритъ, что вино есть молоко Венеры. Древніе имѣли болѣе великихъ людей, нежели мы, единственно отъ того, что они ѣли медъ, а мы ѣдимъ сахаръ. Пища растительная весьма благотворна: что доказывается исторіею Іудеевъ, которые удивительнымъ образомъ размножились въ Египтѣ отъ того, что ѣли лукъ и чеснокъ. Молоко также очень полезно. „Кто дѣйствительно хочетъ имѣть умнаго и добродѣтельнаго сына (пишетъ „Гражданинъ Роберъ), тотъ нѣсколько „дней сряду долженъ пить козье молоко. „Галіанъ совѣтуетъ мѣшать его съ медомъ. Божусь, что это есть самое вѣрнѣйшее средство произвести дѣтей весьма разумныхъ, одаренныхъ воображеніемъ и памятью. Хорошо ѣсть и масло: „дѣти Грековъ имъ питались, и Гомеръ „именно совѣтуетъ употреблять его.“

Гражданинъ Роберъ хвалитъ также и моральныя средства. „Естьли отецъ „хочетъ сдѣлать сына своего Героемъ,

„то онъ долженъ занимать воображенїе „супруги описанїемъ сраженїй. Желаетъ „ли видѣть его Поэтомъ великодушїя, „храбрости, красоты, добродѣтели, щастїя? пусть читаетъ ей Гомера, Тасса, „Вольтера, Фенелона. Надобно ли быть „ему Астрономомъ? въ такомъ случаѣ „да спѣшитъ вооружить милую подругу „свою Гершелевымъ телескопомъ, и да „твердитъ ей безпрестанно о пятидесяти „тысячахъ звѣздахъ, исчисленныхъ Лаланд„домъ! Предписываемъ такое же правило и „для другихъ Наукъ, другихъ Искусствъ. „Надобно размышлять о великихъ ихъ „произведенїяхъ, размышлять день и ночь: „ибо воспитанїе младенца начинается во „чревѣ матери, изъ котораго ему дол„жно выйти какъ Палладѣ во всѣхъ до„спѣхахъ.“

Вотъ извлеченїе изъ сей заманчивой книги, наполненной анекдотами весьма любопытными и мыслями щастливыми! Теперь отъ насъ только зависитъ обратить шаръ земной въ жилище однихъ великихъ людей. Vive la Mégalantropogénésie!

III.

Письмо изъ Парижа.

Вы уже знаете, какъ насъ представляли Консулу въ Тюльери; третьяго дня я имѣлъ честь быть представленъ и Госпожѣ Бонапарте въ Сен-Клу: о чемъ скажу вамъ также нѣсколько словъ.

Въ третьемъ часу я и Посланникъ нашъ отправились въ Сен-Клу. Ничто не можетъ быть пріятнѣе этой дороги, по берегу Сены, мимо Елисейскихъ Полей, Пасси и Булонскаго лѣсу. Мы въѣхали тотчасъ въ ограду замка. Дворъ и сѣни были наполнены Жандармами и придворными лакеями, которые свободно пропустили насъ и даже не спросили о нашемъ имени. Слѣдственно могу сомнѣваться въ справедливости того, что Лондонскіе и Нѣмецкіе Журналисты писали о строгости Сен-Клудскихъ допросовъ. По крайней мѣрѣ въ день аудіенціи нѣтъ никакихъ заставъ и препятствій: все открыто — все велико и прекрасно.

Внутренность замка отдѣлана богато и со вкусомъ. Большая мраморная лѣстница, гдѣ также стояло множество придворныхъ лакеевъ, ведетъ въ круглую прекрасную залу, въ которой виситъ на стѣнѣ Давидова славная каррикатура,

изображающая Консула и Буцефала его на вершинѣ горы Св. Бернара. Въ другой комнатѣ, то есть въ залѣ аудіенціи, висить также одна большая картина, на которой представлена смерть великодушнаго Дезе, убитаго въ Маренгскомъ сраженіи. Никто изъ бывшихъ тамъ Офицеровъ Консульской свиты не зналъ имени живописца, впрочемъ весьма искуснаго; никто изъ нихъ не отвѣчалъ ни слова на мое сожалѣніе о преждевременной смерти такого скромнаго Героя. . . . Но я, какъ добродушной Нѣмецъ, былъ худымъ Политикомъ, хваля во дворцѣ Консульскомъ другова человѣка, а не хозяина, желающаго называться Героемъ единственнымъ.

Въ серединѣ залы стояли въ два ряда кресла, на которыя садились иностранныя дамы, пріѣзжающія обыкновенно съ женами Пословъ своихъ. Всѣ были отмѣнно нарядны, а всѣхъ болѣе Рускія и Польки: въ бархатномъ платьѣ, фіолетоваго, темнозеленаго и лиловаго цвѣта, съ золотымъ широкимъ шитьемъ. Одна Польская дама усадила свою накладку бриллїантами. Ближе къ камину сидѣли четыре придворныя госпожи, одѣтыя со вкусомъ, но довольно просто. Одна изъ нихъ была дежурная, и Префектъ под-

водилъ къ ней всякую пріѣзжающую даму. Сія госпожа — дѣвица Лористонъ, умильная лицомъ, но еще новая въ своей должности — привѣтствовала всякую иностранку одною ласковою улыбкою и пріятнымъ движеніемъ губъ. На дѣвицѣ Лористонъ и на другихъ придворныхъ дамахъ были кисейныя бѣлыя платья и богатыя Турецкія покрывала: это называется здѣсь утреннимъ нарядомъ. Къ пяти часамъ съѣхалось очень много женщинъ. Изъ Рускихъ я замѣтилъ Княгиню Долгорукую, уже не красавицу, но весьма пріятную и благородную видомъ. Всякая женщина, бывъ однажды представлена, можетъ быть послѣ на всѣхъ аудіенціяхъ. Я счелъ ихъ около шестидесяти. Прибавьте къ нимъ по крайней мѣрѣ сто иностранцевъ и Французскихъ чиновниковъ въ мундирахъ; но изъ Министровъ замѣтилъ я только одного Талерана. — Посланникъ представилъ меня Дюроку, начальнику замка или дворца; но онъ не хотѣлъ войти въ разговоръ со мною, хотя я раза два начиналъ ему говорить о Берлинѣ и тамошнемъ его пребываніи. Дюрокъ не великъ ростомъ, широкоплечъ и недуренъ лицомъ; но въ глазахъ его не видно того ума, котораго я искалъ въ товарищѣ и любимцѣ Кон-

сула. Впрочемъ онъ нравится какою-то скромною пріятностію, весьма необыкновенною въ молодомъ Французѣ.

Мы провели въ ожиданіи часа два, и въ сіе время успѣли осмотрѣть картинную галлерею и другія богато убранныя комнаты. Въ одной изъ нихъ я видѣлъ портретъ Госпожи Бонапарте во весь ростъ. Она изображена сидящею на большой софѣ, среди множества подушекъ. Живописецъ такой льстецъ, что сей картины не должно показывать въ день аудіенціи: сравненіе оригинала съ портретомъ весьма не выгодно для перваго.

Въ пятомъ часу всѣ возвратились въ залу аудіенціи. Дамы стали *передъ* креслами, а мущины позади — и Бонапарте вошелъ, одинъ, въ какомъ-то странномъ мундирѣ, зеленомъ съ краснымъ воротникомъ, въ бѣломъ камзолѣ, черномъ нижнемъ платьѣ, бѣлыхъ чулкахъ, съ маленькою треугольною шляпою и драгунскою саблею. Онъ тотчасъ началъ говорить съ первою дамою; сказалъ ей то же, что послѣ и всѣмъ другимъ: нѣсколько словъ о климатѣ ихъ отечества, о путешествіи до Парижа, о тамошнемъ ихъ пребываніи — смотрѣлъ весело, ласково и пріятно улыбался. Я не спускалъ съ него глазъ или, лучше сказать, лор-

нета; мнѣ хотѣлось хорошенько разсмотрѣть, какого цвѣта глаза у Бонапарте: зеленые или голубые; но никакъ не могъ рѣшить сего вопроса. Взоръ его совершенно погасъ и не изъявляетъ ничего. Одинъ умный Физїологъ, говоря со мною о томъ, замѣтилъ, что это бываетъ слѣдствїемъ живыхъ, сильныхъ страстей, глубоко скрываемыхъ въ сердцѣ. Консулъ имѣетъ одну страсть, но сильнѣйшую и самую *разрушительную*: властолюбїе и любочестїе; и никакой властитель лучше его не скрывалъ отъ толпы своего истиннаго характера. Къ прежнему моему описанїю Консуловой наружности прибавлю единственно то, что онъ уже не такъ худъ въ лицѣ, но блѣденъ и желтъ удивительно: не замѣтно ни капли крови; въ плечахъ и въ ногахъ также худъ чрезмѣрно. Лобъ его показался мнѣ на сей разъ какъ-то открытѣе, величественнѣе; впрочемъ ни одна черта не изображаетъ отмѣннаго человѣка.

Передъ нимъ шли два Префекта, ростомъ еще менѣе Консула, то есть, карлы; у всякой дамы, къ которой подходилъ Бонапарте, они спрашивали имя, отечество ея, и сказывали ему, между тѣмъ, какъ онъ обращалъ на нее глаза съ привѣтствїемъ. Скоро за нимъ

явилась Госпожа Бонапарте, также съ двумя *маленькими* Префектами, и также начала обходъ свой съ первой дамы; но какъ она еще менѣе его говорила съ ними, то они скоро въ серединѣ круга сошлись вмѣстѣ. Госпожа Бонапарте гораздо хуже и старѣе, нежели я думалъ; учтива и даже слишкомъ ласкова для занимаемаго ею мѣста. Я вспомнилъ нещастную Королеву Французскую, которую мнѣ удалось видѣть въ семъ же дворцѣ: розница велика! Марія Антуанета плѣняла величественнымъ видомъ своимъ, соединеннымъ съ какою-то милою пріятностію, такъ, что я могу сравнять ее только съ нынѣшнею Прусскою Королевою. Госпожа Бонапарте и теперь похожа на вѣжливую придворную даму: чѣмъ она была нѣкогда при Королевѣ, прежде нежели вышла замужъ за Генерала Богарне. Дочь ея, Госпожа Луи Бонапарте, — которая, не будучи прекрасною, нравится своею любезностію и талантами — имѣетъ гораздо благороднѣйшую наружность, хотя главная черта ея характера есть также добродушіе и ласковость.

Госпожа Бонапарте была въ атласномъ бѣломъ платьѣ съ широкою кружевною накладкою. Черные волосы ея украшались діадимою, или тремя рядами

бриллїянтовъ съ прекрасными антиками въ медальйонахъ. Она также всякой дамѣ сказала нѣсколько словъ; а съ Руским и Польками, весьма учтивыми и весьма нарядными, говорила долѣе, нежели съ другими. Любопытно было видѣть, какъ всякая женщина кокетствовала съ Героемъ: красавицы дѣлались еще прекраснѣе, еще плѣнительнѣе; а чувствительныя, особливо молодыя Польскїя дамы, такъ мило, такъ выразительно и томно устремляли свѣтлые большїе глаза свои то на Консула, то на небо, то опять на Консула! Не смотря на всю ихъ учтивость, онѣ совсѣмъ иначе смотрѣли на Госпожу Бонапарте; и хотя также поднимали глаза вверхъ, но не выше ея блестящей дїадимы.

Обошедши весь кругъ, она сѣла на первыхъ креслахъ противъ камина, и Министры иностранные начали представлять ей земляковъ своихъ. Госпожа Бонапарте не много привставала, не много наклоняла голову, и всякому сквозь зубы говорила: je ſuis bien aiſe, etc. (*я очень рада*, и проч.). Между тѣмъ Консулъ разговаривалъ съ нѣкоторыми иностранцами, ему знакомыми.

Черезъ полчаса Госпожа Бонапарте и Консулъ, весьма учтиво поклонясь со-

бранію, ушли назадъ во внутреннія комнаты, а насъ провели черезъ великолѣпную галлерею въ большую залу, гдѣ начали подавать шоколадъ, кофе, вино, бисквиты, оржадъ и лимонадъ. Передъ аудіенціею это угощеніе показалось бы всѣмъ гораздо пріятнѣе; а тутъ всякой думалъ о возвращеніи въ Парижъ и обѣдѣ. Разъѣздъ былъ труденъ; около двухъ сотъ каретъ подавали одну за другою. Иностранные Министры ѣздятъ въ Сен-Клу четвернею. Мы съ часъ провели, ожидая своей кареты, въ комнатахъ нижняго этажа, также весьма хорошо прибранныхъ. Лакеи старались услужить знатнѣйшимъ иностранцамъ и кричали ихъ кучерамъ, чтобы они скорѣе подавали кареты; это увеличивало безпорядокъ, и не многіе возвратились въ Парижъ прежде семи часовъ: время, въ которое здѣсь обыкновенно обѣдаютъ у Министровъ и въ другихъ хорошихъ домахъ.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

IV.

СМѢСЬ.

Въ наше время Искусство не хочетъ оставить Натурѣ никакихъ изключительныхъ выгодъ. Одинъ Аптекарь въ Германіи объявилъ въ вѣдомостяхъ, что онъ берется составлять всякія цѣлительныя воды, и проситъ Медиковъ присылать къ нему больныхъ своихъ. „Все (говоритъ сей Аптекарь) „все, что Природа разсѣяла по разнымъ отдаленнымъ „странамъ, будетъ собрано въ моемъ „саду, и гораздо дѣйствительнѣе, гораздо „цѣлительнѣе. Въ одномъ искусственномъ „колодезѣ больные найдутъ воды Пирмонтскія, въ другомъ Карлсбадскія, „въ третьемъ Барежскія, и проч. Зная „составъ ихъ, я химически подражаю „Натурѣ и стараюсь еще превзойти ее „въ благодѣтельной смѣси минеральныхъ „частицъ. Впрочемъ Медики могутъ сообщать мнѣ особенные рецепты для составленія воды, полезнѣйшей для ихъ „больныхъ, и мы откроемъ новые источники здоровья, какихъ нѣтъ въ Природѣ. „Не забуду ничего нужнаго для удовольствія и здоровья недужныхъ. Тѣнистыя „алеи для гулянья, шумные водопады „для усыпленія, разныя игры для веселья,

„музыка для пріятнаго оживленія „нервъ: все будетъ употреблено мною „для величайшей услуги роду человѣче- „скому, и садъ мой обратится въ „истинный *Элизіумъ богини Игеи*, въ „мѣсто волшебное и единственное на зем- „номъ шарѣ.“

Въ Бисетрской гошпитали не давно умеръ Италіянецъ Маркъ Катоцце, странный уродъ; онъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ, а только однѣ ручныя кисти съ пальцами на плечахъ, и ступни приростшія къ нижнимъ частямъ тѣла. Сей человѣкъ былъ въ разныхъ земляхъ Европы, говорилъ пятью языками и забавлялъ народъ какъ своею чудною фигурою, такъ и своимъ искусствомъ. Онъ ѣздилъ на лошади, билъ въ барабанъ, стрѣлялъ изъ ружья, писалъ, заводилъ часы, и почиталъ себя великимъ человѣкомъ. Страннѣе всего то, что сей уродъ находилъ способъ нравиться нѣкоторымъ женщинамъ: по крайней мѣрѣ онъ тѣмъ хвалился.

Англичане славятся Философіею; но нѣкоторые изъ ихъ Лордовъ имѣютъ всю смѣшную гордость Нѣмецкихъ Бароновъ. Конгревъ, славнѣйшій изъ Комиковъ Англіи, хвалился стариннымъ дворянствомъ своимъ болѣе, нежели Авторскимъ талан-

томъ, хотя первое едра извѣстно было въ окружности двадцати миль, а дарованія его славились въ цѣлой Европѣ. Вольтеръ, будучи въ Англіи, спѣшилъ изъявить свое уваженіе остроумному Автору, и желая польстить его самолюбію, говорилъ ему объ его сочиненіяхъ; но Конгревъ почти стыдился твореній своихъ, думая, что дворянинъ унижается именемъ Писателя, и признался въ томъ Вольтеру, который сказалъ ему: „Естьли бы вы были только дворяниномъ, то вѣроятно, что я никогда не обезпокоилъ бы васъ моимъ посѣщеніемъ.“

Слѣдующее описаніе разныхъ дѣйствій холода въ сѣверной Сибири, переведенное изъ записокъ Сауера, показалось намъ любопытнымъ: „Въ началѣ Ноября „время сдѣлалось чрезмѣрно холодно. Мо„розъ доходилъ до 32, 37 и 41 градуса „по Реомюрову термометру. Ртуть не „могла намъ показывать степени холода „за 32 градуса съ половиною; но у насъ „былъ термометръ съ виннымъ спир„томъ, который никогда не замерзалъ. — „Когда морозъ доходилъ до 37 градусовъ, „тогда нельзя было рубить дерева, ибо „оно дѣлалось чрезмѣрно сухо и такъ „жестко, какъ желѣзо; топоры безпре„станно ломались; къ тому же и люди

„не могли отъ стужи работать. — Дѣй-
„ствія холода удивительны. Человѣкъ,
„выходя изъ теплой комнаты, долженъ
„закрыть себѣ ротъ платкомъ: иначе
„воздухъ, исходящій изъ его груди, въ
„одну секунду образуетъ облако тумана
„и ледяныхъ частицъ вокругъ его. Ды-
„ханіе производитъ звукъ, подобный раз-
„дираемому листу бумаги, и, какъ я
„сказалъ, въ одно мгновеніе замерзаетъ.
„Сѣверныя сіянія въ сихъ климатахъ
„бываютъ безпрестанно, и блистаютъ
„съ яркостію солнца. Они кажутся
„весьма близкими, и не рѣдко шипятъ
„въ воздухѣ какъ горячее желѣзо, опу-
„скаемое въ воду. Формы ихъ различны.
„Тунгузы считаютъ сіи метеоры Духа-
„ми, которые ссорятся и дерутся въ
„воздушныхъ пространствахъ.“

Вотъ *Якутской анекдотъ*, переведен-
ный изъ того же путешествія: „Тун-
гусъ не-крещеный пришелъ однажды въ
Якутскую соборную церковь, сталъ про-
тивъ образа Николая Чудотворца, низко
поклонился ему и положилъ передъ нимъ
большую связку кожъ, черныхъ и кра-
сныхъ лисицъ, соболей, горностаевъ и
другихъ звѣрей. На вопросы любопытныхъ
Тунгусъ отвѣчалъ слѣдующее: „У меня
„есть братъ Христіянинъ; онъ занемогъ,

„былъ при смерти, отогналъ отъ себя „колдуновъ и призывалъ въ помощь одного „Святаго Николая. Тогда я обѣщался „принести въ даръ вашему Чудотворцу „всю добычу первой ловли своей, естьли „больной не умретъ. Братъ мой выздо- „ровѣлъ. Я сдержалъ слово: вотъ кожи „звѣрей, мною пойманныхъ!“ Онъ въ другой разъ низко поклонился образу, и вышелъ изъ церкви.“

Вотъ нѣсколько анекдотовъ, выписанныхъ нами изъ новаго изданія *Комической Энциклопедіи*: „Англичанинъ Гиль говорилъ объ одномъ Лондонскомъ проповѣдникѣ, который, будучи много долженъ, скрывался отъ заимодавцевъ и только въ Воскресенье показывался на каѳедрѣ: *шесть дней мы его не видимъ, а въ седьмой не понимаемъ.*“ — Одна Венеціянка потеряла сына, и духовникъ, стараясь утѣшить ее, сказалъ: „*вспомните Аврама*: онъ пожертвовалъ сыномъ Богу“.... *Ахъ! Богъ никогда не потребовалъ бы такой жертвы отъ матери!* отвѣчала ему съ живостию Италіянка.“ — Фреронъ, видя большой манускриптъ въ карманѣ Автора, который ему не нравился, сказалъ: *у другова тотчасъ бы украли бумаги изъ кармана; но къ щастью, этотъ Авторъ извѣстенъ.*“ — Вольтеръ сравнивалъ изоб-

рѣтателей системъ съ людьми танцующими минуэтъ; которые безпрестанно дѣлаютъ движенїе, почти не сходя съ мѣста, и возвращаются опять туда, откуда пошли." — Гражданинъ Рекамье, будучи однажды въ Комедїи, увидѣлъ въ ложѣ даму, на которую обратились всѣ лорнеты, и спросилъ у своего прїятеля, подлѣ него сидѣвшаго, не знаетъ ли онъ этой миловидной женщины? ... Очень знаю, отвѣчалъ прїятель: это жена твоя! — *Въ самомъ дѣлѣ?* сказалъ Гражданинъ Рекамье: *точно такъ; странно, что я при людяхъ рѣдко узнаю ее!*"

V.

О Московскомъ мятежѣ въ царствованїе Алексѣя Михайловича.

Кровопролитїе, мятежи и бѣдствїя составляютъ главную и, къ нещастью, любопытнѣйшую часть всемїрныхъ лѣтописей; но Исторїя нашего отечества, подобно другимъ описывая жестокїя войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ Властей законныхъ: что служитъ къ великой чести народа

Рускаго. Онъ, кажется, всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ Царя Ивана Васильевича, всѣ неистовства его Опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, представляетъ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа... Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Рускихъ Писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтельное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянныя извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ,

и предлагаемъ ихъ читателю за достовѣрныя.

Царь Алексѣй Михайловичь, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ трогательною любовїю. Уже Россїя наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощїю Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленїя государствомъ. Къ нещастїю, Борисъ Ивановичь Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Патрїарха Филарета, который былъ истиннымъ Генїемъ-хранителемъ и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистїю, корыстолюбїемъ и пристрастїемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Ѳеодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго человѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора

многихъ знаменитыхъ Патріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы (*), разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ охотѣ, чтобы отвести отъ дѣлъ государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись трудолюбія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшой сестрѣ, надѣясь титломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Ментора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною; ихъ судятъ жестоко, ибо судьею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтели. Морозова уважали, но не терпѣли: Бояре за его самовластіе, а народъ за разныя новыя подати и откупы, тогда введенные. Говорили, что онъ убѣ-

(*) Царь Алексѣй Михайловичь, оплакавъ родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: тронъ дорого стоилъ его доброму сердцу.

дилъ Царя возвысить цѣну на соль и отдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чистову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклейменыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя (*), не могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичь Милославскій хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ

(*) За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клейменыхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся; платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова не любили. и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо менѣе покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ *недосоленія*.

весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись тестемъ Государя, осыпанный вдругъ Его благодѣяніями и возведенный на степень Боярина, онъ старался обращать милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныя. Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ. Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ перемѣною судьбы своей не перемѣнились душею: хотѣли только наживаться и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не зная стыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и страха: ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леонтій Плещеевъ и шуринъ его Трохаціотовъ. Первый начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жерствовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрить

разсказамъ о дѣлахъ сего человѣка (*). Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Трохаиіотовъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Трохаиіотовъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ работниковъ, которые смѣли усильно требовать платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оставалось умереть съ голоду. — Напрасно утѣсненные искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Бояранъ, которые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное

(*) Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

царствованіе Михаила пріучило ихъ къ царству милости и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слыхалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Троханіотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго (*). Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власти. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной перемѣны своего жребія.

Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами, совѣтуясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду

(*) Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый.

чиновниковъ, естьли бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другїе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли Государи хотѣть народнаго притѣсненїя? По крайней мѣрѣ сїи примѣры рѣдки въ Исторїи. Все склоняетъ ихъ къ правосудїю и милости: собственная польза, слава и щастїе. Личное благо людей, самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человѣкъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушенїи добродѣтели — и сей человѣкъ есть Монархъ самодержавный. — Народныя неудовольствїя и совѣщанїя были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Рускимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвратить мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сїю тучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленїе властителей бываетъ всегда предтечею государственныхъ бѣдствїй. Сїи Бояре могли бы укротить народъ отставкою Плещеева и Трохаиїотова; но имъ казалось сильно покориться общему желанїю, и людей своей фамилїи явно признать недостойными чиновниками. Такїя ничто-

жныя побужденія бываютъ для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ не льзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

25 Іюня 1648 году (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился . . . Граждане молили его быть отцемъ своего народа; разсказали все, что они терпятъ отъ судьи неправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго человѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слушалъ съ удавленіемъ и милостиво отвѣтствовалъ, что граждане

(*) То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

могутъ быть покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно изъявилъ благодарность Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народъ не былъ преступникомъ: онъ пожаловался только своему отцу и Монарху на судію недостойнаго; желалъ единственно отставки Плещеева; не требовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людяхъ, ему ненавистныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи?.. Къ нещастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзостію — даже бить ихъ, топтать лошадьми.... Тутъ искры бунта воспылали. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ

палатъ Государевыхъ, и Стрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ требуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева. . . Бояринъ Морозовъ выходитъ на красное крыльцо, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщалъ имъ правосудїе и сдержитъ слово свое. . . . Напрасно; мятежники кричатъ ему: „намъ и тебя надобно; мы хотимъ и твоей головы!“ . . Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они бросились въ Кремлевскїй домъ Морозова; отбили ворота; умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ имъ противиться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина. . . Сїя женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ неистовыхъ; но они не тронули ее и сказали: *благодари Бога, что Царица сестра твоя!* . . Такимъ образомъ и въ самомъ буйствѣ народъ не забывалъ уваженїя къ Царской фамилїи. . . . Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскїе, парчи, бархаты, соболи и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ

оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабители дерзнули даже прикоснуться и къ святынѣ образовъ и сняли съ нихъ богатыя ризы; извѣстно, что въ старину сіи драгоцѣнные оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ собольею опушкою: народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, *обратился въ колодезь*: Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ.

Мятежники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: однѣ пошли къ Думному Дьяку Чистову, ненавистному въ столицѣ за соляный откупъ; другія къ Плещееву, Трохаиотову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никитѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслися бѣгствомъ; но Чистовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ

спрятался (*): невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили нещастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, знавъ лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человѣкомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, сильный въ щастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думалъ уже не совѣтовать Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасаютъ ее люди недостойные власти — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія.... Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъявлялъ нерѣшительность. Онъ повелѣлъ только заперетъ

(*) *Подъ вѣниками*, говоритъ Олеарій.

Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому Городу.

На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремлѣ войску иностранному. Нѣсколько сотъ Нѣмцовъ, подъ начальствомъ Офицеровъ своихъ, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ грубыми насмѣшками; но тутъ онъ свободно далъ имъ дорогу и говорилъ ласково: *добрые Нѣмцы! не троньте насъ; а мы впередъ будемъ жить съ вами дружно.* Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ итти въ Кремль за ними. Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собралися вѣрные Бояре, готовые умереть за Царя и отечество. Знатнѣйшій между ими былъ Никита Ивановичь Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человѣкъ умный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и *новыхъ обычаевъ*, которыми Патріархъ часто укорялъ его въ бесѣдахъ, но дружески и ласково: ибо всѣ знатные и не-

знатные любили сего именитаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному и юностїю лѣтъ расположенный къ средствамъ кроткимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ.... Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу (*), который, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностїю изъявилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщанїемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, самовольно присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленїе; что Государь вторично даетъ имъ слово наказать всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ. . . . Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ

(*) Въ сей пiесѣ нѣтъ *ни одной черты*, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ *отъ слова до слова* повторяетъ здѣсь извѣстiя чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествiя.

милость Царскую, готовъ умереть за него. но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Троханїотовъ, не будутъ ему выданы и наказаны.... Никита Ивановичь Романовъ изъявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердїе къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Троханїотова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ требуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль. . . .

Здѣсь Рускїй Историкъ, съ умиленїемъ прославивъ добродушїе Монарха, замѣтитъ, что оно перешло за границы государственнаго блага, которое въ такихъ нещастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденїемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностїю Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченїи выслать изъ Кремля Стрѣльцовъ и роты иностранныя, съ повелѣнїемъ разсѣять мятежниковъ, естьли они не захотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леон-

тій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и *другіе* также, естьли они будутъ пойманы. . . . Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего нещастнаго: палачь велъ его; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мятежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ лютостію растерзали человѣка, нѣкогда для нихъ страшнаго. . . . Въ то же время Государь отправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Трохаиіотовымъ; его догнали близь монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня. — Сіи двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить; но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мятежники, полагая, что сего Боярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказать его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю благодарность за Его правосудіе, они

разошлися по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дни жертвою мятежа и страха. . . .

Сїе спокойствїе скоро нарушилось бѣдствїемъ инаго роду. Въ 10 часовъ утра возстановилась тишина въ городѣ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ домы, бывшїе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сїю рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ. . . Китай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. Вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностїю бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма. . . . Олеарїй, описывая пожаръ, разсказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченїе пламени. Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усилїемъ тащитъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; живѣмъ другимъ не льзя остано-*

вить пожара. Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, тутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь, который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію (*). Милославскій, спасенный отъ народной злобы достоинствомъ Царскаго тестя, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Трохаиіотова заняли чиновники достойные, извѣстные столицѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище, котораго описаніе останется навѣки трогательнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-Рускихъ,

(*) То есть, Стрѣльцовъ.

привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни — день былъ праздничный — Царь Алексѣй Михайловичь выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ (*)... Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ Нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичь Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что „Ему горестно было свѣдать все, претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Трохениотова, будутъ править и судить по уставу человѣколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привилегіи и моно-

(*) Олеарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

полїи немедленно уничтожатся: что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благоденствіе гражданъ составятъ единственный предметъ Его попеченій, и что Онъ въ тѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя Ему любезное: имя отца народнаго"... Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Рускихъ... Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, „что не находя его совершенно правымъ, не находитъ и во всемъ виновнымъ, и не требовавъ еще въ Свое царствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они исполнятъ первую прозьбу Его и простятъ сего Боярина, который — за что Онъ ручается — заслужитъ впредь любовь и дружбу ихъ; что естьли они не хотятъ видѣть Морозова въ Синклитѣ, то Онъ изключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человѣка, который былъ Ему вторымъ отцомъ и наставникомъ"... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онѣ составили неизъяснимо-трогательное заключеніе Его рѣчи — и самые тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ

не истовые мятежники въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: *Да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои!...* Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъявилъ народу Свою признательность; увѣщавалъ его быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ.... Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль....

Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати-двулѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича — минута, въ которую Онъ столь разительно доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова*; ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для щастія подданныхъ, быть истиннымъ

отцемъ народнымъ — сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны и начерпаны во глубинѣ Его сердца!... мысль плѣнительная!... Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Историкъ строгимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Отирая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы утушить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія*; она прощаетъ, но не проситъ — и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того (*) Государь отправился въ монастырь Троиц-

---

(*) Въ *Лѣтописи о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня;

кій. Борисъ Ивановичь Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда

но число, въ ней означенное, можетъ быть опискою. Олеарій, разсказывая достовѣрно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 число Іюня. — Г. Голиковъ, положась на Ядро Россійской Исторіи, говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичь наказалъ смертію многихъ мятежниковъ: это не сообразно ни съ другими вѣрнѣйшими извѣстіями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ согласиться на казнь Плещеева, Трохаиіотова, — просить гражданъ, чтобы они не требовали головы Морозова, и въ то же время казнить ихъ? Авторы Рускихъ записокъ мнимо-усердною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: такъ поступилъ и Хилковъ или, лучше сказать, Переводчикъ его Миссіи, сочинитель Ядра Россійской Исторіи. Онъ боялся унизить Алексѣя Михайловича излишнимъ милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить вѣроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который

глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя., и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благотворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, естьли дѣло его было право. Подобно Боярину Никитѣ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичь началъ царствовать Самъ Собою, часто присутствовать въ Совѣтѣ и входить во всѣ дѣла: ибо Онъ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагаться на Бояръ, которые для особенныхъ, ничтожныхъ выгодъ своихъ могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щастіемъ Государя.

не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго Его именемъ злодѣю Разину! — Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не отличенъ отъ втораго, бывшаго также въ царствованіе сего Монарха.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ твердыхъ и строгихъ.

О. Ф. Ц.

ПОЛИТИКА.

I.

Отрывокъ тайной исторіи Консульства.

(Изъ Лондонскихъ вѣдомостей.)

Луціанъ и Наполеонъ Бонапарте никогда не были искренними друзьями: одинъ излишно помнилъ услуги, оказанныя имъ брату; а другой совсѣмъ не хотѣлъ ихъ помнить.

Вѣрно то, что Луціанъ имѣлъ великое вліяніе на переговоры, которыхъ слѣдствіемъ было 18 Брюмера. (*) Безъ его совѣтовъ и присутствія духа Наполеонъ не могъ бы достигнуть до цѣли своей. Сей Герой не оказалъ должнаго хладнокровія въ послѣднемъ засѣданіи *Совѣта Старѣйшинъ.* Начальники новой революціи стали уже раскаиваться, что они ввѣрились ученику, который — вмѣсто того, чтобы говорить съ твердостію, коротко и сильно — вошелъ въ излишнія подробности, и замѣшался отъ возраженія нѣкоторыхъ маловажныхъ Членовъ, такъ,

(*) День, въ который Бонапарте свергнулъ Директорію.

что Президентъ Совѣта долженъ былъ скорѣе кончить засѣданіе.

Заговорщики безпокоились, сомнѣвались и обѣщали къ Сіесу, узнать его мнѣніе. „Намъ нуженъ точно такой человѣкъ, сказалъ онъ: тѣмъ лучше, что Бонапарте молодъ и неискусенъ; человѣкъ опытный и рѣшительный могъ бы сдѣлаться опаснымъ на высокой степени, на которую возводимъ Наполеона.“ Луціанъ предсѣдательствовалъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ: сіе обстоятельство должно было ослабить сопротивленіе сего Корпуса.

Всѣ тѣ, которые видѣли Бонапарте въ разныхъ сценахъ осьмаго-надесять Брюмера, соглашаются, что онъ своею нерѣшительностію и замѣшательствомъ не обѣщалъ ничего великаго. Когда Наполеонъ вошелъ въ Пятисотный Совѣтъ, безъ шляпы, и потупивъ глаза въ землю, сдѣлалъ рукою знакъ, что хочетъ говорить, тогда Якобинцы, Члены сего Корпуса, закричали: „Смотрите, смотрите, „какъ онъ робѣетъ вызваться на самовластіе!“ Другіе бросились къ нему съ кинжалами; четыре гранадера вынесли его изъ залы и посадили на лошадь, желая успокоить солдатъ и показать, что онъ живъ.

Луціанъ съ великимъ хладнокровіемъ и мужествомъ не допускалъ Совѣта до мѣръ рѣшительныхъ и смѣлыхъ, которыя могли бы уничтожить заговоръ и поразить заговорщиковъ; весьма искусно продолжилъ безпорядокъ въ собраніи, взялся оправдывать своего брата, и наконецъ всталъ съ Президентскаго стула, чтобы Члены не могли сдѣлать никакого законнаго опредѣленія. Между тѣмъ Наполеонъ имѣлъ время ободриться, и велѣлъ гранадерамъ спасти брата своего, то есть разогнать Членовъ Совѣта.

На другой день онъ присвоилъ себѣ всю честь и славу успѣха, показываясь уже не робкимъ молодымъ человѣкомъ, устрашеннымъ презрительными Якобинцами, но Героемъ и гордымъ побѣдителемъ; взоръ его изъявлялъ величество и требовалъ повиновенія. Наканунѣ онъ посылалъ друга своего, Бурьеня, къ Баррасу, просить аудіенціи, желая доказать ему чистоту своихъ намѣреній, усердіе къ Республикѣ и привязанность къ человѣку, который осыпалъ его благодѣяніями. 19 Брюмера Наполеонъ велѣлъ сказать Баррасу, что онъ изъ милости оставитъ его въ покоѣ.

Въ сію ночь былъ совѣтъ у Талерана: тамъ Редереръ, Сенъ Жанъ д' Анжели,

Камбасересъ и Луціанъ рѣшили, что надобно поручить власть одному человѣку, и ввѣрить ее Наполеону; а Сіеса хотѣли удалить отъ дѣлъ. Луціанъ вступился за Сіеса, утверждая, что не льзя безъ жестокой неблагодарности и даже опасности отказаться отъ его совѣтовъ; что сей человѣкъ съ самаго начала Революціи доказалъ, сколь велико его искусство и тайное могущество: ибо средствами закрытыми и неизвѣстными онъ испровергалъ всѣ правительства, которыя не хотѣли его слушаться. Редереръ отвѣчалъ Луціану, что онъ приписываетъ Сіесу излишнее вліяніе и могущество; что сей человѣкъ умѣетъ только закрывать малодушіе свое таинственною наружностію, а темноту своихъ идей Метафизикою, которая удивляла нѣкоторыхъ молодыхъ Адептовъ, выбранныхъ имъ изъ толпы энтузіастовъ и невѣждъ. Луціанъ обидѣлся, и наговорилъ много грубаго Редереру, который вдругъ смирился, началъ извиняться и съ трудомъ могъ укротить сего пылкаго молодаго человѣка. Положили быть Консульству; Сіесу дали помѣстье, 40 тысячь ливровъ доходу и мѣсто въ Сенатѣ. Луціанъ хотѣлъ быть Министромъ Полиціи; но его сдѣлали Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ: вотъ

причина его ненависти къ Фуше и всѣхъ стараній мѣшать шпіонству сего дѣятельнаго Министра Полиціи!

Тогда открылись различныя склонности Луціана и Наполеона, и скоро сдѣлался явный разрывъ между ими, котораго непріятное воспоминаніе еще не загладилось въ сердцѣ перваго. Упоенный своею новою фортуною, онъ наслаждался ею какъ человѣкъ, который знаетъ ея непрочность, и возбудилъ всеобщее негодованіе своимъ мотовствомъ и неумѣренностію въ удовольствіяхъ. Луціанъ позволялъ себѣ все, что было прибыльно и что удовлетворяло его страстямъ. Общество его составилось изъ пронырливыхъ женщинъ и *славнѣйшихъ* Парижскихъ негодяевъ. Сіи люди искали въ немъ, ибо онъ управлялъ всѣми подрядами и назначалъ всему цѣны. Другіе Министры не смѣли ему противиться, думая, что Луціанъ не могъ бы поступать такъ нагло безъ вѣдѣнія и согласія Консула.

Казалось, что Луціанъ взялъ себѣ за образецъ Барраса, но скоро превзошелъ его, такъ, что и вдова Богарне постыдилась бы заглянуть въ домъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Фуше доносилъ Наполеону о сихъ безпорядкахъ и въ то же время извѣстилъ

Консула, что братъ его завелъ свою тайную полицїю, которая всякой день разстроиваетъ мѣры Полицїи государственной, мѣры необходимыя для безопасности Правленїя. Бонапарте требовалъ подробностей. Ему доказали, что самые *неугомонные* Якобинцы принимаются въ домѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и тамъ узнаютъ всѣ тайныя намѣренїя Полицїи; что Чераки и Арена (*) хвалятся его милостями и покровительствомъ. Призвали Баррера въ свидѣтели. „Демервиль (сказалъ онъ) говорилъ публично, что Луцїанъ совсѣмъ не привязанъ къ своему брату, и что естьли Патрїоты успѣютъ въ своихъ замыслахъ, то перваго надобно спасти.“ Наполеонъ ужаснулся; призвалъ виновнаго и долго говорилъ съ нимъ въ присутствїи Кларка, Дюрока и Бурьеня, которые берегли Консула, зная дерзость Луцїанову.

Сперва братья говорили тихонько; но скоро возвысили голосъ. Одинъ грозилъ, другой упрекалъ и бранился. Наполеонъ сказалъ наконецъ: „Я рѣшился; поди къ Госпожѣ Бонапарте и простись съ ней.“ *Ни съ тобою, ни съ нею*, отвѣ-

(*) Якобинцы, которые хотѣли умертвить Консула и были казнены.

чалъ Луціанъ и вышелъ вонъ; собрался въ нѣсколько часовъ, и на другой день поѣхалъ въ Реймсъ, взявъ съ собою стихотворца Арно, Доктора Паруасса и живописца, и сказавъ друзьямъ своимъ, что желаетъ видѣть Германію. Въ Реймсѣ догналъ его курьеръ съ повелѣніемъ ѣхать въ Бордо и тамъ ожидать дальнѣйшаго для себя назначенія. Онъ не ослушался, угадывая, что Консулъ или раскаялся или по крайней мѣрѣ жалѣетъ объ немъ. Въ Бордо Луціанъ получилъ извѣстіе, что его отправляютъ Министромъ въ Мадритъ — и скоро прислали къ нему въ сей городъ какъ многочисленную свиту, такъ и великолѣпные экипажи.

Должность Министра въ Гишпаніи не исправила его, но научила къ большей скромности; онъ такъ же расточалъ, но велъ себя благоразумнѣе. Бонапарте былъ доволенъ такою перемѣною, и возвратилъ его въ Парижъ, чтобы осыпать чинами и достоинствами. Луціанъ сдѣлался Сенаторомъ и чиновникомъ Легіона; однакожь не удовольствовался симъ отличіемъ, и хотѣлъ быть опять Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ надеждѣ сдѣлаться Первымъ Министромъ; но ему сказали, что онъ долженъ благодарить Консула за участіе, данное ему въ за-

конодательной власти, и не вмѣшиваться въ дѣла Правленія. — Луціанъ употребляетъ нынѣ часы досуговъ своихъ на то, чтобы дѣлать всякія досады Госпожѣ Бонапарте, напоминать брату прежнее ея поведеніе и возбуждать въ немъ ревность.

II.

Карно.

Карно есть одинъ изъ чрезвычайныхъ людей Революціи. Онъ родился въ 1755 году, и съ самаго дѣтства оказывалъ необыкновенныя способности къ Наукамъ; служилъ 24 года въ Инженерномъ Корпусѣ и былъ уже Членомъ многихъ Академій, когда выбрали его въ Члены Законодательнаго Собранія. Ему, какъ человѣку славному великими свѣдѣніями въ наукѣ военной, поручено было новое образованіе армій и все нужное для защиты границъ. Но великіе таланты его обнаружились во всемъ блескѣ тогда, какъ Европа, можно сказать, осаждала Францію, и Карно по военной части былъ душею *Комитета общественнаго блага.* Съ храбростію воина онъ соединялъ

всѣ таланты великаго полководца; былъ въ сраженіи, которое спасло Мобёжъ, и самъ велъ колонну, штыками выгнавшую Австрійцевъ изъ Ваттиньи. Но всего болѣе Карно побѣждалъ въ своемъ кабинетѣ, сочиняя удивительно-смѣлые и мудрые планы Французскихъ кампаній. Великій Геній его не усыпалъ ни въ какихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ Республики; всегда былъ онъ душею и рукою побѣдъ. Таковъ же былъ и въ дѣлахъ гражданскихъ, занимая важнѣйшія мѣста во Франціи. Наученный опытомъ и будучи самъ жертвою ненависти, возбужденной революціоннымъ правленіемъ, въ которомъ онъ, къ сожалѣнію, имѣлъ участіе, Карно требовалъ, чтобы одни законы рѣшили судьбу гражданъ, и чтобы вышніе чиновники, удерживаясь отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, старались залечить язвы Франціи. Къ нещастію, тогдашнія обстоятельства не благопріятствовали сей мудрой системѣ, и Карно, замѣшенный въ приключеніяхъ 18 Фрюктидора, долженъ былъ скрыться наканунѣ того дня, въ который приговорили его, вмѣстѣ съ другими, къ ссылкѣ въ Каену. Ревбель и Мерлень хотѣли увѣрить Францію, что сей великій Республиканецъ началъ склоняться

къ Роялизму; но Карно никогда не думалъ быть заговорщикомъ. Главною причиною его паденія было то, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія къ своимъ товарищамъ, и во всякомъ случаѣ, гдѣ надлежало ему дѣйствовать вмѣстѣ съ другими Директорами, обходился съ ними весьма не ласково, сухо, и не скрывалъ своего къ нимъ презрѣнія. — Послѣ 18 Брюмера Карно опять явился во Франціи, взялъ на себя должность военнаго Министра и способствовалъ новымъ побѣдамъ Французскихъ армій; наконецъ, будучи недоволенъ самовластіемъ Консула, оставилъ дѣла, удалился въ мирное уединеніе, и послѣ бурной дѣятельности хочетъ заключить славную жизнь свою въ объятіяхъ наукъ и дружбы.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія

Въ *Вѣстникѣ* напечатанъ былъ отвѣтъ Лудовика XVIII (*) на сдѣланное ему

(*) Историческая ошибка, нами замѣченная въ семъ письмѣ, произошла отъ издателя Политическаго Журнала, изъ котораго мы перевели его.

предложенїе отказаться торжественно отъ правъ своихъ на тронъ Францїи: тогда мы сомнѣвались въ истинѣ сего удивительнаго предложенїя; но теперь извѣстно, что оно было точно сдѣлано Претенденту въ Варшавѣ 26 Февраля нынѣшняго году черезъ Прусскаго Агента (Полковника Меера, какъ пишутъ изъ Лондона). Самъ Графъ д'Артуа обнародовалъ въ Лондонѣ описанїе всѣхъ обстоятельствъ. Лудовику XVIII дали чувствовать, что Консулъ можетъ разсердиться за отвѣтъ его... „Не перемѣню „въ немъ ни слова, сказалъ онъ: я могъ „бы безъ нарушенїя справедливости при„бавить, что Бонапарте есть *мятежникъ* „и *похититель*. Чего мнѣ бояться? „Естьли непрїятели мои заставятъ Его „Величество, Короля Прусскаго, выслать „меня изъ Варшавы, то буду жалѣть о „Монархѣ, принужденномъ согласиться „на такую несправедливость. Естьли „Дворы лишатъ меня пенсїи, то могу „съ семействомъ своимъ питаться и „чернымъ хлѣбомъ. Но у меня есть са„мый вѣрнѣйшїй способъ не терпѣть „нужды, къ которому нынѣ, имѣя друзей „великихъ и благотворительныхъ, не „хочу прибѣгнуть. Мнѣ надобно только „объявить во Францїи свое положенїе —

„не беззаконному Правительству, а вѣр-„нымъ моимъ подданнымъ — чтобы сдѣ-„латься богатѣе нынѣшняго“.... Такимъ образомъ Судьба утѣшила Лудовика XVIII, давъ ему случай оскорбить Бонапарте и съ гордостїю отвергнуть его предложенїе! Можно сказать, что онъ, не выходя изъ Варшавскаго кабинета своего, одержалъ побѣду надъ великимъ Консуломъ. Всего невѣроятнѣе казалось намъ, чтобы Консулъ для твердости своего правленїя считалъ нужнымъ такую *сдѣлку* съ Бурбонами: теперь Роялисты скажутъ, что совѣсть или по крайней мѣрѣ страхъ явно тревожитъ его; и сей опытъ, котораго неудачу легко было предвидѣть, безъ сомнѣнїя оживитъ надежду друзей Бурбонскаго Дому во Францїи. Естьли бы Англїя не объявила войны Республикѣ, то дѣло осталось бы негласнымъ, и Графу д'Артуа даже и въ Лондонѣ не позволили бы напечатать, что братъ его называетъ мятежникомъ и похитителемъ человѣка, который успокоилъ Францїю, всѣмъ ея народомъ утвержденъ въ достоинствѣ Консульскомъ и Монархами Европы признанъ законнымъ властителемъ....

Нынѣшнїе Англїйскїе Министры не таятся, что они считаютъ дозволенными

всѣ способы вредить непрїятелю, и призвали въ Лондонъ Пишгрю и Дюмурье, людей, которые не имѣютъ ни отечества, ни правилъ — всѣмъ служили, и всѣмъ измѣнили. Гакесбури надѣется на *мудрость ихъ злобы*; надѣется, что они откроютъ ему средство побѣдить Французовъ Французами. Не говоря уже о *вѣчномъ и всеобщемъ мирѣ*, пожелаемъ хотя того, чтобы народы со временемъ условились воевать на правилахъ рыцарской чести, которая запретила бы Французамъ возмущать Ирландїю, а Британцамъ думать о новой Лаванде во Францїи. . . . Философїя не можетъ одобрить и поединковъ; но еще гораздо ужаснѣе нанимать злодѣевъ для умерщвленїя своихъ непрїятелей. Рыцари сражались между собою, но не дружились съ бандитами и не брали ихъ себѣ въ помощники.

Намѣренїе Британскихъ Министровъ, о которомъ говорятъ Лондонскїя вѣдомости — намѣренїе предупредить высадку Французовъ высадкою Англичанъ на берегахъ Республики и торжественно объявить, что они хотятъ возстановить тронъ Бурбоновъ — есть или басня Журналистовъ или хвастовство Министерское, или величайшая безразсудность. Благоразумный Питтъ сказалъ публично

въ Парламентѣ, что Англія не имѣетъ способовъ дѣйствовать въ Европѣ *наступательно* противъ Французовъ. Въ самыя ужасныя и смутныя времена Республики мы видѣли худой успѣхъ Тулонской и Киберонской экспедиціи: чего же можно ожидать нынѣ, когда сильная рука великаго человѣка правитъ Франціею? Нѣтъ сомнѣнія, что Бурбоны имѣютъ еще много друзей въ Республикѣ; но вѣрно и то, что новые богачи, новые владѣльцы, арміи и всѣ благоразумные люди (которыхъ, вопреки злословію, не мало во Франціи) держатъ сторону новаго Правительства, и гораздо сильнѣе Роялистовъ.

Сіи взаимныя угрозы доказываютъ только взаимное остервененіе и ненависть двухъ великихъ народовъ. И тотъ и другой хотѣлъ бы растерзать своего непріятеля; но судьба и Природа разводятъ ихъ, оставляя имъ одно *медленное* средство вредить другъ другу и, къ нещастію, со вредомъ для всѣхъ другихъ государствъ. Будетъ ли Европа сносить терпѣливо самовластіе Англичанъ на моряхъ, которыя должны быть свободны для всѣхъ народовъ, но которыя обращаются нынѣ сими гордыми островитянами въ ихъ таможенную заставу? Прежде мирные мореплаватели боялись встрѣтиться только

съ Алжирцами или Тунисцами; а нынѣ и Британскій флагъ приводитъ ихъ почти въ такой же ужасъ. Малѣйшее подозрѣніе, что на кораблѣ неутральномъ можетъ быть Французская собственность, достаточно для отведенія его, какъ плѣннаго, въ гавани Англіи. Съ другой стороны занятіе Ганновера Французами тревожитъ всю Германію, и не можетъ быть пріятно Дворамъ, берущимъ великодушное участіе въ ея благѣ.

Однимъ словомъ, едва ли какая другая война была такъ ненавистна Европѣ, какъ нынѣшняя: ибо никогда миръ не казался столь нужнымъ и драгоцѣннымъ, какъ въ наше время. Она не представляетъ воображенію ничего, кромѣ *общихъ* бѣдствій. Естьли въ самомъ дѣлѣ Бонапарте посадитъ на транспортныя суда сто тысячь Французовъ, то можно ли быть человѣкомъ и не содрогнуться отъ ужаса? Англія употребляетъ во зло перевѣсъ морскихъ силъ своихъ; но кто пожелаетъ, чтобы Французы завоевали сію щастливѣйшую страну на земномъ шарѣ, страну, гдѣ царствуютъ мудрые законы и граждане благоденствуютъ? Какую безпредѣльную власть надъ Европою могъ бы тогда присвоить себѣ Консулъ! какое потрясеніе сдѣлалось бы

въ торговыхъ фортунахъ, можно сказать, цѣлаго міра! сколько капиталовъ обратилось бы въ дымъ и прахъ! сколько прекрасныхъ заведеній уничтожилось бы въ одну минуту! какъ далеко отступили бы назадъ торговля и промышленность во всѣхъ частяхъ свѣта! . . . Естьли же Консулъ будетъ жертвою своего дерскаго предпріятія, то Франція снова можетъ ввергнуться въ хаосъ безначалія: нещастіе, къ которому Европа не должна быть равнодушна, и котораго желаютъ одни Роялисты! . . .

По извѣстіямъ изъ Парижа, Бонапарте назначитъ себѣ преемника и уполномочитъ Камбасереса править внутренними дѣлами Франціи, прежде нежели сядетъ на корабль для высадки.

Засѣданія Англійскаго Парламента отсрочены на нѣсколько недѣль, и рѣчь, которою Его Британское Величество закрылъ собраніе, не подала ни малѣйшей надежды на скорый миръ. — Достойно замѣчанія, что Министры отвергнули предложеніе Валлисскаго Принца, который, въ настоящихъ опасностяхъ Англіи, вызывался служить отечеству. Члены Парламента удивлялись такому грубому отказу и хотѣли знать причину его; но Аддингтонъ сказалъ, что онъ безъ осо-

бѣннаго Королевскаго повелѣнія не можетъ говорить о семъ дѣлѣ.

Въ Италіи дѣлаются великія воинскія приготовленія, которыхъ цѣль неизвѣстна. Австрія совсѣмъ не думаетъ о вооруженіяхъ; а въ Италіянской Республикѣ набираютъ многочисленную армію, и съ такою поспѣшностію, какъ будто бы непріятель уже шелъ къ Милану. Французы повелѣваютъ всѣми областями отъ Піемонта до Средиземнаго моря.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТЯБРЬ 1805.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо Дениса Ивановича Фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ Россійскаго словаря (*).

Мучительная головная боль цѣлыя двѣ недѣли меня не покидала, и препятствовала мнѣ отвѣчать на дружеское письмо ваше отъ 7 сего мѣсяца. Позвольте васъ искренно поздравить какъ съ табакеркою,

(*) Оно сообщено Издателю при слѣдующихъ строкахъ: „Мнѣ кажется, что „это письмо стариннаго моего пріятеля, „какъ по интересному своему содержанію, „такъ и по тому, что оно есть произведеніе знаменитаго Рускаго Писателя, достойно быть напечатано.“ Издатель такъ же думаетъ, и благодаритъ почтенную особу, отъ которой получилъ его. — К.

такъ и со всеобщею похвалою вашему переводу, котораго экземпляръ получивъ отъ васъ, читалъ я съ большимъ удовольствїемъ.

Теперь лежатъ у меня передъ глазами примѣчанїя И.... Н.... Б.... на начертанїе нашего словаря. Я въ сїе дѣло не мѣшаюсь; потому что Академїя представленїя его почти всѣ уже приняла (*); начертанїе перемѣнено, и слѣдственно все дѣло кончено. Почитаю рѣшенїе Академїи; но чтобъ имѣть удовольствїе съ вами болѣе побесѣдовать, хочу сообщить здѣсь мнѣнїе мое о сихъ перемѣнахъ. Посвящаю вамъ цѣлое утро. Боюсь только, чтобъ матерїя моя не завела меня далеко, и чтобъ письмо мое не сдѣлалось тетрадью. Въ такомъ случаѣ прошу васъ дружески его не дочитывать; я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ. А всего болѣе прошу васъ не дѣлать изъ сего письма никакого упо-

(*) Сочинитель былъ тогда въ Москвѣ, и по неосновательному слуху заключилъ, что Академїя положила принять сїи примѣчанїя; но вмѣсто того она опредѣлила прочитать только ихъ въ публичномъ собранїи, не перемѣняя ни мало общаго плана.

требленія: въ чемъ на скромность вашу совершенно полагаюсь.

Какъ *примѣчанія*, такъ и резоны (*); для которыхъ Академія рѣшилась ихъ принять и апробованное начертаніе перемѣнить, не произвели во мнѣ, признаюсь вамъ, никакого убѣжденія. — Чтобъ меня удобнѣе понять, пожалуйте прочтите напередъ тѣ *примѣчанія* и письмо, при которомъ Г. Секретарь Академіи препроводилъ оныя къ Ивану Ивановичу Мелиссино; а потомъ уже продолжайте, естьли вамъ угодно, читать то, что теперь писать стану.

Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а *уменьшительныя* ихъ еще меньше; и естьли *Ивану* нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе *Ванькѣ* такая претензія прилична. Что же касается до *увеличивательныхъ*, будто духовными особами употребляемыхъ, то я отъ роду не слыхивалъ, чтобъ собственныя имена имѣли когда нибудь *увеличивательныя*. Знаю, что бываютъ они полныя и сокращенныя, на пр. *Іоаннъ*, *Иванъ*; но не думаю, чтобъ какой ни-

(*) Разумѣется, что Фонъ-Визинъ не употребилъ бы слова *резонъ*, естьли бы онъ писалъ для публики и для печати. — К.

будь Архїерей назвалъ себя когда нибудь *смиренный Іоаннище.* Буде имя *Іоаннъ* для того *увеличивательное*, что содержитъ больше слоговъ и буквъ, нежели *Иванъ*, то по сему правилу *Василиса* былобъ увеличивательное *Вассы.* Я не стану говорить объ *Акулинѣ*, которая титло имени *увеличивательнаго* никогда не согласится изъ доброй воли уступить *Акилинѣ*, имѣя съ нею равное число буквъ и слоговъ.

Естьли полагать, что *уменьшительныя* именъ собственныхъ принадлежатъ къ нашему словарю, то безъ сомнѣнїя принадлежатъ къ нему и происходящїя отъ собственныхъ *прилагательныя*: на пр. отъ *Петра Петровъ*, отъ *Никиты Никитинъ*; равнымъ образомъ и отчества, на пр. *Кузмичь*, *Матвѣичь*, *Кузминишна*, *Матвѣвна.* Разсудите, не грѣшно ли терять время на такїя безплодныя упражненїя?

Академїя положила принять въ словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное, и которое нѣтъ? — Всякой за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ *Осипъ*, въ моемъ *Денисъ*, весьма употребительны, и мнѣ кажется,

что всякое имя нарекается Христїанину при святомъ крещенїи точно для того, чтобъ оно было употребительно. Вѣрьте мнѣ, что буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими *уменьшительными*, *привѣтственными*, *уничижительными* и проч. составятъ въ словарѣ нашемъ однихъ *Петрушекъ*, *Ванюшекъ*, *Анютокъ*, *Мареутокъ*, по крайней мѣрѣ не меньше тридцати тысячь душъ. Тридцать тысячь душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ!

Что нѣкоторыя собственныя имена употребляются въ пословицахъ, то не составляетъ причины къ помѣщенїю ихъ въ словарь нашей Академїи. Всѣ такїя пословицы, гдѣ есть *Сенюшки* и *Фили*, весьма низки и умомъ и выраженїемъ; желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты. И въ самой лучшей пословицѣ, которая въ примѣчанїяхъ написана, и которая начинается: *какъ у Сенюшки есть денешки*, сказано бѣдному Семену не меньше какъ (*). . .

(*) Кто любопытенъ знать, что *бѣдному Семену* сказано, тотъ можетъ заглянуть въ *Собранїе Рускихъ пословицъ*. — К.

Между резонами для принятія въ словарь именъ собственныхъ, Академія уважила (*), что „въ древнихъ нашихъ „челобитныхъ и производствахъ просителя употребляли имена уменьшительныя.“ Но уваживъ сей резонъ, приняла совсѣмъ, коли смѣю сказать, противорѣчущее ему правило: *внесть въ словарь собственныя имена только самыя употребительныя.* Не уже ли въ нашей древности могъ подавать челобитье тотъ только, кто назывался на пр. Иваномъ или Петромъ? Я увѣренъ, что *Гурій* и *Варсонофій* равное съ ними имѣли право; а по сему резону, естьли собственныя имена въ словарь принимать, то принимать всѣ: въ каковомъ случаѣ безплодное приращеніе словаря, простираясь еще на нѣсколько фоліантовъ, отдалило бы благополучное онаго окончаніе на безконечные вѣки.

Имена *Филя*, *Ѳедора*, конечно въ словарь нашъ внесены быть должны, — но не какъ имена собственныя, а какъ имена, употребляющіяся въ метафорическомъ смыслѣ. Я желалъ бы еще, чтобъ

(*) Авторъ все сіе говоритъ объ Академіи, основываясь на дошедшемъ до него несправедливомъ слухѣ.

помѣщены были всѣ содержащія метафорической смыслъ собственныя имена особъ, прославившихся въ Исторіи какъ добродѣтелями, такъ и пороками. Я желалъ бы на примѣръ, чтобъ въ словарѣ нашемъ было истолковано, что имя *Неронъ* заключаетъ въ себѣ идею лютаго тирана, *Титъ* Государя милосердаго, *Сарданапалъ* тирана сладострастнаго; что *Зоиломъ* именуется злобный и презрительный Критикъ; что имя *Катилина* сдѣлалось титломъ высокомѣрнаго врага отечеству. Симъ образомъ потомство судитъ дѣянія своихъ предковъ. Таковый судъ есть достойное возмездіе порока, достойная награда добродѣтели. Сіе нечувствительно обращаетъ мысль мою на щастіе нашего времени; ибо нѣтъ сомнѣнія, что когда отдаленнѣйшіе потомки станутъ читать новыя грядущихъ временъ изданія нашего толковаго словаря, уже найдутъ они въ немъ имя ЕКАТЕРИНЫ въ разумѣ слова, знаменующаго премудрую Монархиню.

Г. Сочинитель *примѣчаній* въ одномъ мѣстѣ говоритъ, „что нынѣшній лексиконъ Французской Академіи признается „отъ всѣхъ вообще лучшимъ словаремъ.“ Я самъ того же мнѣнія, и весьма согласенъ держаться всего, что въ немъ наблюдаемо. Тогда бы въ нашемъ словарѣ не

было ничего лишняго; въ немъ не найдете вы ни Anne, ни Anette, ни Pierre, ни Pierot.

Въ слѣдствіе *примѣчаній* Академія опредѣлила внесть въ словарь названія государствъ, столицъ и знатнѣйшихъ Россійскихъ городовъ. Естьлибъ я случился тогда съ вами, то взялъ бы смѣлость поспорить. Теперь въ словарь нашъ войдетъ на пр. *Франція.* Сдѣлаемъ ей дефиницію кратчайшую: „Франція есть большое Европейское государство, окруженное Нидерландами, Германіею, Швейцаріею, Савойскою землею, Средиземнымъ „моремъ, Пиренейскими горами и Океаномъ. Оно находится между 13 и 26 „градусами долготы, и между 42 и 51 „градусами широты.“ Пожалуйте скажите, положеніе Франціи, счетъ градусовъ широты и долготы ея, составляютъ ли существо Славяно-Россійскаго языка? Мнѣ кажется, что нашедъ въ нашемъ словарѣ сію дефиницію, я такъ же бы удивился, какъ естьлибъ въ словарѣ Географическомъ нашелъ, что „Франція „есть имя собственное, число единственное, „рода женскаго.“ Г. Сочинитель *примѣчаній* говоритъ, что знаніе положенія земель весьма полезно: безъ сомнѣнія; но я увѣренъ, что онъ такъ же признаетъ полез-

нымъ познанїе Грамматики: слѣдуетъ ли же изъ того, чтобъ въ Географїю заѣхала Грамматика, а Грамматика въ Географїю? Мнѣ кажется, всякая вещь должна быть въ своемъ мѣстѣ. Всего бы лучше держаться и въ семъ случаѣ лексикона Французской Академїи. Въ немъ не найдете вы ни *France*, ни *François*, ни *Angleterre*, ни *Anglois*. Найдете *Juif*; но съ слѣдующимъ примѣчанїемъ: Juif ſubs. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation, mais parce qu'il s'emploit figurement en quelques phraſes de la langue. Ainsi on apelle Juif un homme qui prête à uſure, &c.

Я весьма согласенъ дать въ семъ разумѣ *Жиду* мѣсто и въ нашемъ словарѣ, но не пускать въ него *Іудеанина*.

Въ разсужденїи техническихъ терминовъ Г. Сочинитель *примѣчанїй*, кажется, весьма не доволенъ нашимъ начертанїемъ. Онъ „воображаетъ себѣ Россїянина, которой, ухватясь за нашъ словарь, ищетъ въ немъ словъ: *аберрацїя*, „*перигей*, *эпакта*, *архитрава*; представляетъ себѣ досаду его, когда онъ, „рывшися повсюду, не найдетъ въ немъ „искомыхъ словъ: какое справедливое „будетъ его негодованїе на сочинителей! „какъ они въ винѣ своей останутся безмолвны!“ Естьлибъ сїя нещастна сцена

при мнѣ приключилась, я не далъ бы ей долго продолжаться: раскрылъ бы при немъ нашъ словарь, указалъ бы ему въ немъ *аберрацїю*, *перигея*, и спросилъ бы его безъ чиновъ: „да за что же ты бранишься?“ — И дѣйствительно, ежели словарь дѣланъ будетъ по начертанїю, то каждое изъ сихъ словъ въ своемъ мѣстѣ найдется. Въ начертанїи исключаются тѣ только названїя техническїя, кои однимъ ученымъ извѣстны; но какъ многимъ не Астрономамъ извѣстны *аберрацїя* и *перигей*; многимъ не Хронологамъ знакома *эпакта* (*); многїе не Архитекторы знаютъ, что *архитрава*: то въ силу начертанїя всѣ сїи слова должны непремѣнно имѣть мѣсто въ нашемъ словарѣ. Буде же кто захочетъ искать въ немъ названїй на пр. каждой корабельной веревочки, и не нашедъ ихъ, изволитъ разсердиться — пусть его гнѣвается! Мы не виноваты, естьли кто въ словарѣ нашемъ не найдетъ того, чего искать въ немъ не должно.

(*) Смыслъ *аберрацїи* выражается Рускимъ словомъ *уклоненїе*: слѣдственно можно и не ставить Латинскаго слова; но Греческїя *эпакта* и *перигей* должны безъ сомнѣнїя войти въ лексиконъ. — К.

Je reviens toujours à mes moutons. Станемъ держаться лексикона Французской Академіи; въ немъ есть aberration, perigée, epacte, architrave; но со всѣмъ тѣмъ сочинители наблюдали строго правило de n'admettre dans leur dictionnaire que les termes élementaires de ſciences, des arts, & même ceux des métiers, qu'un homme de lettres eſt dans le cas de trouver dans des ouvrages où l'on ne traite pas expreſſement des matières auxquelles ces termes appartiennent.

Далѣе въ примѣчаніяхъ нашелъ я слѣдующее, совсѣмъ излишнее разсужденіе: „Провинціальныя слова, неизвѣстныя „или не употребляемыя въ столицахъ, „напрасно изгонять изъ словаря; ибо „нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ „обогащенію языка, каковы суть: *луда*, „*тундра* и проч.“ Правда, что естьлибъ въ *начертаніи* таковое изгнаніе предписано было, можетъ быть въ словарѣ нашемъ не былобъ ни *луды*, ни *тундры*. Воля Господня! и тутъ бѣда былабъ не велика; но какъ именно сказано въ начертаніи, что „должны имѣть въ словарѣ мѣсто „всѣ тѣ провинціальныя слова, кои служатъ къ обогащенію нашего языка:“ то буде *луда* и *тундра* очень хороши (*),

(*) Сибирское слово *тундра* должно быть въ Рускомъ лексиконѣ, ибо никакимъ дру-

найдутъ и онъ мѣсто въ нашемъ словарѣ.

Академія нынѣ рѣшилась „ставить „глаголы, *какъ то и должно было*, въ „первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо „многіе, разное знаменованіе имѣющіе „глаголы одинаково пишутся въ неопре„дѣленномъ, на пр: *жну*, *жать*, и *жму*, „*жать*." — Не понимаю, по чему *глаголы* такъ ставить должно было; увѣренъ я напротивъ того, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сыщется глаголовъ подобныхъ *жну*, *жать*, и *жму*, *жать*. Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, который, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, на пр. *лазить*, *лажу*, и *ладить*, *лажу*; *лѣть*, *лою*, и *лоить*, *лою*. — Есть хорошіе лексиконы, гдѣ глаголы ставятся въ первомъ лицѣ; есть очень же хорошіе, гдѣ они ставятся въ неопредѣленномъ. Въ сей перемѣнѣ не вижу никакой выгоды; но

гимъ мы не означимъ обширныхъ, низкихъ, безлѣсныхъ равнинъ, заросшихъ мхомъ, о которыхъ можетъ говорить Поэтъ, Географъ, путешественникъ, описывая Сибирь и берега Ледовитаго моря; но въ *лудѣ*, кажется, нѣтъ большой нужды. — К.

вижу замѣшательство, и весьма великое; ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ. Теперь надобно переводить ихъ на новыя квартеры: *быть* изъ литеры Б отправить въ литеру Е, *есмь* — *слать* изъ литеры С въ литеру Ш, *шлю*, и проч.

Г. Сочинитель *примѣчаній* дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ дефиницію толковаго словаря, и вмѣщая въ него все то, что только можетъ вмѣститься въ пространнѣйшую Энциклопедію, выводитъ заключеніе: „что словарь нашъ наименованъ „толковымъ, а въ начертаніи не видитъ „онъ намѣренія, чтобъ таковымъ его „дѣлать.“ На сіе скажу, что Россійская Академія поручила Комитету сдѣлать начертаніе толковаго словаря не Наукъ и Художествъ, но *Славяно-Россійскаго языка*; а чтобъ сіе наименованіе не произвело о немъ такого понятія, какое Г. Сочинитель *примѣчаній* имѣетъ о существѣ толковаго словаря, то Комитетъ въ самомъ началѣ начертанія сдѣлалъ своему словарю точную дефиницію. Слѣдственно и остается судить теперь единственно о томъ, содержитъ ли въ себѣ начертаніе все то, чего требуетъ сдѣланная Комитетомъ дефиниція. Монте-

скѣё говоритъ: quand un écrivain a défini un mot dans son ouvrage, quand il a donné, pour ainsi dire, son dictionnaire, il faut entendre ses paroles suivant la signification qu' il leur a donnée.

Въ *примѣчаніяхъ* раскритикованъ употребляемый мною терминъ *сослово*, и преображенъ въ *сословъ*. Можетъ быть, я и виноватъ. Но мнѣ кажется, буде нашъ языкъ терпитъ такія составныя слова, какъ *сотоварищъ*, *соучастникъ*, *соправитель*, для чегожъ бы не сказать и *сослово* (*)? Г. Критикъ говоритъ, что „оно, будучи похоже на *сословіе*, приводитъ мысль въ замѣшательство." Сей резонъ не весьма убѣдителенъ. По этому надобно тѣмъ наипаче изключить изъ языка нашего слово *баба*, ибо оно можетъ приводить мысль въ замѣшательство больше сослова. Оно напоминаетъ *женщину*, *птицу* и *ту баба*, которою сваи набиваютъ. Впрочемъ естьли Академія отвергнетъ мой терминъ, я повиноваться буду ея рѣшенію. Не стану употреблять *сослово*, и покинувъ перо, пишущее *сословникъ*, охотно скажу: „конецъ и Богу слава!"

(*) И *сословъ* и *сослово* равно неудачны, и едва ли когда нибудь войдутъ въ употребленіе. — К.

Главнѣйшее примѣчанїе осталось, какъ слышу, безъ рѣшенїя, то есть: расположить словарь аналогическимъ ли порядкомъ, или этимологическимъ? Резоны противъ начертанїя кажутся мнѣ ни мало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй словарь, но есть истинная и полезная Table de matieres (*) нашего толковаго словаря. Не ужель состоящая въ двухъ томахъ подобная таблица словаря энциклопедическаго есть вторая Энциклопедїя? — Г. Сочинитель *примѣчанїй* говоритъ, что „въ этимологическомъ лексиконѣ нашедъ *иногда* „указанную страницу, не прежде сыщешь „въ ней слово, какъ по прочтенїи ея съ „начала до конца.“ Сїе *иногда* случается не рѣже и съ лексикономъ аналогическимъ: но и въ томъ и въ другомъ нѣтъ конечно нужды читать страницу съ начала до конца; а надобно ее обозрѣть, потому что не въ естествѣ вещей въ одинъ мигъ попадать глазами на искомое слово. Что же надлежитъ до перваго изданїя лексикона Французской Академїи, которой былъ этимологическїй, то конечно неудобности его были весьма велики; ибо не было при немъ той таблицы, кото-

(*) Означенїе содержанїя.

рая всѣ неудобства отвращаетъ, и которая будетъ при нашемъ словарѣ. Впрочемъ я то знаю, что изъ словаря *этимологическаго* шестьдесятъ подьячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь *аналогической*, а изъ словаря *аналогическаго* шестьдесятъ Членовъ Россійской Академіи ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря *этимологическаго* (*).

Письмо мое несносно длинно. Чувствую, что нѣтъ въ немъ ни складу, ни ладу; но я пишу къ другу. Надѣюсь отъ него такого снисхожденія, съ какимъ искреннимъ почтеніемъ и преданностію пребываю вамъ — и проч.

Денисъ Фонъ-Визинъ.

(*) Это отчасти справедливо; но всѣ ли догадаются, что надобно искать, на примѣръ, *облака* въ литерѣ В? Многіе должны рыться во всѣхъ аналогическихъ таблицахъ, чтобы отыскать это слово. — К.

II.

Извѣстіе объ островахъ Канарскихъ или щастливыхъ, взятое изъ новой книги Гражданина Бори о древней Атлантидѣ (*).

Канарскіе острова суть первыя колоніи Европейцевъ, и въ самой древности извѣстны были подъ именемъ *щастливыхъ.* Арабы и Генуезцы приставали къ нимъ въ 12 и 13 вѣкѣ. Въ 1344 году Донъ Лудовикъ де-ла-Серда, Гишпанскій Инфантъ, котораго фамилія лишилась короны, вздумалъ царствовать. Въ Европѣ ему не легко было удовлетворить своему честолюбію: Донъ Лудовикъ услышалъ, что близь Африканскихъ береговъ находятся острова плодоносные и многолюдные; прибѣгнулъ къ Клименту VI, обѣщалъ ему 400 золотыхъ флориновъ, и былъ въ Папской Консисторіи торжественно объявленъ Королемъ *Островов Щастливыхъ.* Посолъ Англійскій при Дворѣ Его Святѣйшества вообразилъ, что сіи Щастливые Острова, которыми Папа такъ велико-

(*) Туда, какъ извѣстно, плывутъ теперь наши корабли *Нева* и *Надежда*: тѣмъ любопытнѣе можетъ быть для нѣкоторыхъ читателей сіе описаніе.

душно и щедро наградилъ Инфанта, суть острова Британнїи, и спѣшилъ отправить курѣера къ своему Государю, чтобы увѣдомить его о предстоящей ему опасности. Видно, что Англїйскїе Министры и въ старину были очень пужливы; однакожъ къ чести тогдашняго Монарха надобно сказать, что онъ не объявилъ войны Клименту по извѣстїю своего Министра, а захотѣлъ прежде изслѣдовать дѣло. — Лудовикъ де-ла-Серда не могъ овладѣть своимъ Королевствомъ. Жители Майорки и Аррагонїи въ 1360 году приставали къ Канарїи, но также не имѣли успѣха. Въ 1402 году Бетанкуръ, Нормандскїй дворянинъ, утвердился въ Лансеретѣ; ѣздилъ оттуда во Францїю, въ Гишпанїю, требовать помощи, и Кастильскїй Дворъ далъ ему небольшой фрегатъ съ осьмидесятью солдатами. Сей Французскїй бродяга умеръ въ 1425 году. — Португаллїя объявила права свои на Канарскїе острова, утверждая, что она купила ихъ у племянника Бетанкурова. Гишпанїя хотѣла также завоевать ихъ, и въ 1464 году Эррера овладѣлъ Тенериффою. Черезъ два года Дїего Сильва, Португальскїй Офицеръ, сдѣлалъ высадку на берегахъ Канарїи, заключилъ трактатъ съ жителями и построилъ малень-

кую крѣпость; но употребивъ во зло нѣкоторыя условія союза, былъ выгнанъ ими. — Не долго сіи мирные островитяне наслаждались спокойствіемъ. Въ 1478 году присталъ къ ихъ берегамъ сильный Гишпанскій флотъ съ войскомъ отважнымъ и многочисленнымъ. Они сражались искусно и храбро. Къ нещастью, разные Князья владѣли ими. Между великодушными нашлись измѣнники, и коварство побѣдило наконецъ мужество. Канарскіе острова были завоеваны, и народъ добрый, крѣпкій, храбрый, исчезъ совершенно. Г. Бори увѣряетъ, что давно уже нѣтъ ни одного изъ сихъ древнихъ Гуанховъ, которые такъ славно умирали за вольность свою. Хотя и нынѣ многіе нищіе называются тамъ Гуанхами, но они ничто иное, какъ обманщики, хотящіе симъ именемъ возбудить народное сожалѣніе и собрать болѣе денегъ.

Сей архипелагъ Океана Атлантическаго, не смотря на его древнее населеніе и близость къ берегамъ Африки, еще мало извѣстенъ Европѣ. Хотя и много писано о *Щастливыхъ Островахъ*, но почти всѣ извѣстія невѣрны и баснословны. — Канарскіе острова находятся въ той части умѣреннаго Пояса, въ которой никогда зимы не бываетъ. Раздѣляя сію выгоду

вмѣстѣ съ щастливѣйшими странами Китая, Могольской Имперіи, Персіи, и съ плодоносными равнинами, орошаемыми Дельтою, они имѣютъ то преимущество, что окружены моремъ, и что жаркій ихъ климатъ освѣжается прохладными вѣтрами.

Когда солнце, выходя изъ Козерога, достигаетъ до Экватора, и Натура, мертвая въ нашихъ климатахъ отъ удаленія свѣтила животворнаго, воскресаетъ въ первомъ нѣжномъ дыханіи весны, тогда страны, лежащія близь нашего Тропика, являются въ новомъ блескѣ юности и силы, не испытавъ ужасовъ зимы печальной. Тамъ Натура старѣется, но никогда не умираетъ; тамъ весною луга покрываются свѣжею, густѣйшею травою; на вершинѣ горъ исчезаютъ туманы; снѣгъ, растопленный кроткими лучами солнца, льется пѣнистыми ручьями на долины; влажная земля открываетъ нѣдра свои, и питательныя сѣмена, имъ ввѣренныя, украшаютъ ея поверхность зеленью. Вѣтеръ разноситъ всюду благоуханіе цвѣтовъ, и златоцвѣтные чижики (*), въ семъ щастливомъ климатѣ раждаемые, стаятся подъ тѣнію новыхъ листьевъ, чтобы пѣть любовь новую...

(*) Канарейки.

Весна кончится въ то время, когда солнце достигаетъ до высочайшаго пункта въ своемъ теченіи и кажется неподвижнымъ — когда Варварія и сѣверъ Африки пылаютъ въ самыхъ огненныхъ лучахъ его. Острова Канарскіе, находясь также подъ ихъ *прямымъ* изліяніемъ, чувствуютъ его пламя менѣе, нежели твердая земля Африки; вѣтры, свойственные сему архипелагу, ослабляютъ несносное дѣйствіе жара. Испаренія, остановленныя острыми вершинами горъ, соединяются въ облака и также способствуютъ умѣренности воздуха. Глубокія пещеры, тѣнистыя долины вездѣ представляютъ вѣрное убѣжище отъ дневнаго зноя .... Веселая осень приходитъ въ свою очередь влiять зрѣлость и плоды всѣхъ частей міра, тамъ собранные. Финики и апельсины, ананасы и лимоны, персики и яблоки, сливы и фиги украшаютъ сады Канарскіе; олива падаетъ на корень дерева, ее произведшаго; лозы гнутся отъ тяжелыхъ кистей винограда. — Сіе время года, обыкновенно сухое, уступаетъ мѣсто дождливому, которое есть зима Островов Щастливыхъ. Въ исходѣ Октября начинаются вѣтры сѣверные, и въ Генварѣ, Февралѣ и Мартѣ приносятъ облака,

которыя изобильными дождями освѣжаютъ и плодотворятъ землю.

Но Г. Бори, столь плѣнительно описывая Канарскіе острова, объявляетъ наконецъ, что они, вопреки своему имени *щастливыхъ*, также подвержены случаямъ горестнымъ и великимъ бѣдствіямъ физическимъ. Малѣйшее изъ нихъ есть излишекъ дождей: вода льется рѣками, низвергаетъ съ вершины горъ превеликіе камни и затопляетъ долины. Гаррахико, изрядный городъ на Тенериффѣ, былъ въ 60 лѣтъ два раза совершенно разрушенъ такимъ бурнымъ наводненіемъ. — Но самое ужаснѣйшее бѣдствіе сего архипелага есть вѣтеръ восточный и юго-восточный: родясь подъ огненнымъ небомъ, на горящихъ пескахъ Африки, и едва умѣряемые влажностію моря, они приносятъ съ собою заразительныя болѣзни и тучи саранчи, которая пожираетъ все, чего зной не истребляетъ. Въ 1704 году всѣ источники высохли, животныя умирали, сосновыя мёбли и двери *распадались*, ибо жаръ извлекъ изъ нихъ всю смолу; даже цѣлая деревня вдругъ загорѣлась безъ всякой внѣшней причины. Только сѣверная и западная часть сихъ острововъ достойны имени *щастливыхъ*. Одни дожди питаютъ землю; когда ихъ мало, тогда

нѣтъ и жатвы; все сохнетъ и пропадаетъ. Жители нѣкоторыхъ островов, гдѣ мало источниковъ, собираютъ зимою дождевую воду и хранятъ ее въ глубокихъ погребахъ.

Гуанхи, или древнїе обитатели *Щастливыхъ Островов*, были, по мнѣнїю Автора, остатками великаго народа, жившаго въ той славной Атлантидѣ, о которой упоминаетъ Платонъ въ своемъ *Тимеѣ*, и которую ученый Бальи несправедливо полагалъ на сѣверѣ. Платонъ говоритъ, что сей островъ былъ гораздо болѣе Азїи и Ливїи. Атлантида, по древнему преданїю, лежала къ Западу, не далеко отъ пролива, называемаго Греками *Столпами Геркулесовыми* (т. е. Гибралтарскаго). „Чего же болѣе?" говоритъ Г. Бори: „Естьли бы море „поглотило Англїю, и естьли бы преда„нїе о семъ происшествїи сообщило отда„леннымъ вѣкамъ только слѣдующее извѣ„стїе: *Англїя была страною богатою и „торговою; она гордилась сокровищами, „прїобрѣтенными ненасытимою алчностїю „ея жителей, и скипетромъ морей, или „похищеннымъ. Боги, оскорбленные безчи„сленными злоупотребленїями ихъ силы, „истребили въ одно мгновенїе острова Бри„танскїе. Они лежали къ сѣверу отъ Фран-*

„*цїи, миляхъ въ 25 отъ береговъ ея. Небо „ихъ было мрачно и печально, подобно „характеру жителей.* . . Что бы, послѣ „такого извѣстїя, сказали о тѣхъ лю„дяхъ, которые начали бы искать Англїи „въ Іудеѣ, не бывавшей никогда остро„вомъ, и гдѣ небо чисто и прекрасно, „или въ Сардинїи, лежащей совсѣмъ не „на сѣверъ отъ Францїи и не въ 25 ми„ляхъ отъ береговъ ея?" . . . Дїодоръ Сицилїйскїй повѣствуетъ, что Финикїйцы, во времена древности, будучи занесены бурею далеко въ пространство морей, приставали къ острову Атлантидѣ. Онъ говоритъ о многолюдствѣ его, великолѣпныхъ городахъ и домахъ сельскихъ.

Г. Бори полагаетъ, что Атлантида была населена людьми, вышедшими изъ Тартарїи, сего обширнаго росадника (pépiniere) народовъ. Море поглотило ее, въ одну изъ тѣхъ великихъ революцїй, которыя частно измѣняютъ видъ земнаго шара. Сдѣлалось страшное землетрясенїе; бездна разверзлась; города и села исчезли, и на мѣстѣ ихъ разлился Океанъ неизмѣримый. Однѣ *высочайшїя* горы *пережили* общее разрушенїе: изъ нихъ образовались острова Асорскїе, Мадера, Канарскїе и Зеленаго Мыса. — Авторъ въ утвержденїе

своего мнѣнія предлагаетъ все, что Исторія и баснословіе повѣствуютъ о сей древней странѣ, предметѣ ученыхъ споровъ. Онъ воображаетъ, что во время общаго бѣдствія жители береговъ, предувѣдомленные о томъ нѣкоторыми знаками, сѣли на корабли и спаслись въ Африку и въ Египетъ. — Можно сдѣлать Автору слѣдующее возраженіе: „Гуанхи, жители острововъ Канарскихъ, найденные Европейцами, не знали почти никакихъ выгодъ просвѣщенія, ни законодательства, ни письма, ни употребленія желѣза; одѣвались звѣриными кожами, жили въ землянкахъ, пили и ѣли изъ сосудовъ глиняныхъ, и не имѣли оружія, кромѣ деревянныхъ палицъ, костей и камней. Можно ли вообразить, чтобы остатокъ народа многочисленнаго, сильнаго, богатаго, торговаго, не сохранилъ употребленія хотя самыхъ необходимыхъ вещей для жизни?“ Г. Бори отвѣтствуетъ, что Искусства и Науки цвѣтутъ въ городахъ, особливо въ богатыхъ; что богатые города суть тѣ, которые имѣютъ выгодное для торговли положеніе, слѣдственно приморскіе. Во время землетрясенія нѣкоторые жители береговъ спаслись съ ихъ сокровищами, свѣдѣніями и промышленностію. Обитатели внутрен-

нихъ частей острова погибли; остались единственно тѣ, которые жили въ сосѣдствѣ высокихъ горъ: бѣдные земледѣльцы, грубые пастухи. Сіи люди, пораженные ужаснымъ зрѣлищемъ, котораго они были свидѣтелями; отдѣленные неизмѣримымъ Океаномъ отъ другихъ народовъ, и прежде имъ мало извѣстныхъ — не имѣя никакихъ способовъ питаться, кромѣ земледѣлія и звѣриной ловли — должны были грубѣть болѣе и болѣе, и наконецъ одичать совершенно.

Гуанхи вообще имѣли пріятныя лица; большіе черные глаза, густые брови, кудрявые волосы; были велики ростомъ, крѣпки, стройны, неутомимы; а женщины Тенерифскія отличались отъ всѣхъ другихъ особенною красотою. Нравы сихъ дѣтей Натуры плѣняютъ въ самыхъ некраснорѣчивыхъ описаніяхъ Гишпанскихъ Авторовъ. Гуанхи не знали обмановъ и коварства; вѣрили слову, ибо сами всегда держали его. Они не любили кровопролитія, но дрались какъ львы, чтобы избавиться отъ неволи и рабства; наконецъ Гишпанцы овладѣли ихъ островами, но основали тамъ царство свое на однѣхъ развалинахъ.

Гуанхи страстно любили музыку, особливо нѣжныя и печальныя мелодіи.

Заключимъ сїю статью примѣромъ ихъ стихотворства:

„Молодыя красавицы! не вѣрьте „прелестникамъ, которые говорятъ, что „они васъ любятъ. Тѣ, которые истинно „любятъ, не смѣютъ сказать ни слова. „Ненеданъ говорилъ Зорѣ: *давно, пастуш-„ка, ты владѣешь моимъ сердцемъ, и я „не могу жить безъ любви твоей.* Онъ „вздохнулъ и пожалъ руку ея. Могла ли „она противиться любезнѣйшему изъ „красавцевъ?

„Безразсудная дозволила ему пить „медъ на устахъ своихъ, и дыханїе „пастушки слилось съ дыханїемъ пре-„лестника.

„Но скоро Ненеданъ скрылся за горы, „оставивъ ту, которая провожала его „сердцемъ своимъ. Зорая, покинутая, „должна вѣчно стенать и плакать; уже „не будетъ наслаждаться любовїю, ибо „не имѣетъ другова сердца; одна смерть „можетъ успокоить нещастную. Но „когда прахъ ея смѣшается съ костями „предковъ, Ненеданъ будетъ ли достоинъ „погребенїя?“

(*Изъ Фр. Жур.*)

III.

Бѣлая Магія или полезный шарлатанъ.

Одинъ истинный и скромный мудрецъ жилъ — не скажемъ, гдѣ и когда — въ пріятномъ уединеніи. Онъ назывался Ѳеофиломъ, много странствовалъ и наконецъ поселился въ маленькомъ смиренномъ домикѣ. Ѳеофилъ не любилъ пышности, имѣлъ чувствительное сердце, былъ Философомъ и набожнымъ. Противъ воли своей онъ сдѣлался извѣстнымъ въ сосѣдствѣ, ибо часто помогалъ бѣднымъ. Хотѣли видѣть его. Мудрецъ не искалъ знакомства; однакожь, будучи добродушенъ и вѣжливъ, не могъ грубымъ образомъ выгонять людей изъ своего домика. Сосѣди полюбили его и часто совѣтовались съ нимъ о дѣлахъ своихъ. Зная свѣтъ и сердце человѣческое, онъ съ удивительною вѣрностію предсказывалъ имъ слѣдствіе ихъ благоразумныхъ или дерзкихъ намѣреній, такъ, что люди прославили его наконецъ волшебникомъ. . . Слѣдственно это было не въ наше время: мы уже не вѣримъ чародѣйству, и вообще не любимъ *вѣрить*. . . . Слава Ѳеофилова дошла на-

конецъ до самаго Двора, и молодая Королева, посѣтивъ мнимаго волшебника, требовала отъ него талисмана, который далъ бы ей неограниченную власть надъ Королемъ и Королевствомъ. Напрасно Философъ клялся, что онъ не волшебникъ и не Астрологъ: женщинъ трудно разувѣрить, когда онѣ что нибудь возьмутъ себѣ въ голову. Королева начала сердиться, грозить — и Ѳеофилъ, подумавъ, сказалъ ей наконецъ: „Исполню желаніе Вашего Величества и составлю талисманъ, котораго требуете; но для того, чтобы онъ имѣлъ *симпатическое* дѣйствіе на Короля, мнѣ надобно получить отъ васъ волосы человѣка, душевно и безкорыстно къ вамъ привязаннаго: мущины или женщины — все одно.“ Королева нашла сіе условіе весьма не затруднительнымъ: молодость легковѣрна, особливо на тронѣ. „Я могу, отвѣчала она, дать вамъ волосы пяти человѣкъ, которые меня равно обожаютъ.“ — „Довольно одного, сказалъ Ѳеофилъ: только надобно, чтобы онъ не требовалъ отъ васъ никогда и никакой для себя милости, и не говорилъ вамъ дурнаго о своихъ непріятеляхъ или совмѣстникахъ: это обстоятельство необходимо для дѣйствій талисмана.“ — Тутъ облакомъ печали

затмилось лицо Королевы. „Какъ! сказала она: вы не удовольствуетесь моимъ словомъ, когда я поручусь вамъ за искренность и безкорыстіе привязанности?“... Нѣтъ, Ваше Величество! отвѣчалъ мудрый Ѳеофилъ: вамъ должно непремѣнно исполнить мое требованіе. — „Между людьми, меня окружающими (сказала Королева), нѣтъ такого человѣка; но я буду искать новыхъ друзей, и пріѣду къ вамъ, когда найду въ нихъ то, чего вы хотите.“

Мудрецъ былъ доволенъ симъ обѣщаніемъ, въ надеждѣ избавиться навсегда отъ подобныхъ докукъ; но онъ ошибся. Придворные, узнавъ, что Королева тайно была у Философа, всѣ захотѣли видѣть его и съ нимъ совѣтоваться. Ѳеофилъ, не имѣя возможности увѣрить сихъ господъ въ истинѣ, старался обратить имъ въ пользу самое ихъ заблужденіе. Молодая придворная дама, вышедшая недавно за-мужъ, требовала отъ него элексиру для постоянной любви супруга. Философъ далъ ей хрустальное сердце съ красною ароматическою жидкостію, сказавъ: „Вотъ элексиръ, который произведетъ желаемое вами дѣйствіе, естьли вы исполните мое предписаніе. Носите это сердце на груди своей три мѣсяца, и старайтесь быть всегда

въ самомъ мирномъ и кроткомъ расположенїи души; избѣгайте неудовольствїя, ссоры и всего волнующаго кровь, чтобы элексиръ мой принималъ отъ васъ только *бальзамическїя излїянїя*. . . . „Какъ! естьли я разсержусь, буду въ досадѣ, въ дурномъ нравѣ, — приревную?“ . . . Элексиръ испортится. — „Можно ли? какая странность!“ — Развѣ вы не знаете, сударыня, что отъ присутствїя людей нездоровыхъ свертывается молоко? — „Знаю; но тутъ одно физическое дѣйствїе.“ — Нравственность имѣетъ большое влїянїе на Физику. Нѣтъ сомнѣнїя, что всегдашнїя досады и прихоти измѣняютъ чистоту крови. — „Правда, что я боюсь взглянуть на себя въ зеркало, когда сержусь или досадую; глаза сдѣлаются такїе мутные, лицо такое *грубое*, такое красное“ . . . А талисманъ утратитъ всю цѣлебную силу свою. — „Хорошо; такъ и быть. Я буду терпѣлива, кротка, весела и спокойна. Для такого важнаго предмета можно все изъ себя сдѣлать. Подумаю о своемъ элексирѣ, и ничто не выведетъ меня изъ терпѣнїя.“ — Онъ сдѣлаетъ чудеса, естьли исполните предписанїе. — „Какъ же употреблять его?“ — Черезъ три мѣсяца положите одну каплю въ обыкновенное

пишье вашего супруга, и такимъ образомъ давайте ему по каплѣ всякїе шесть мѣсяцевъ. Въ хрустальномъ сердцѣ шестьдесятъ капель. — „Слѣдственно ихъ будетъ на тридцать лѣтъ? довольно! Черезъ такое время мужъ мой не захочетъ уже порхать бабочкою!“ — — Красавица уѣхала съ элексиромъ, начала въ точности исполнять предписанїе. Философа и разсказывала по всему городу, что Ѳеофилъ есть великїй чудотворецъ.

Одна изъ ея прїятельницъ, именемъ Ѳеонїя, явилась къ мудрецу съ прозьбою, чтобы онъ далъ ей талисманъ отъ гнѣва. Прежде всего она выхваляла ему сердце и характеръ свой: чѣмъ мы обыкновенно начинаемъ, когда хотимъ признаться въ слабости. „Я добродушна, сказала Ѳеонїя, не злопамятна, не мстительна; чувствительна, искренна до крайности; имѣю единственно ту слабость, что бездѣлка выводитъ меня изъ терпѣнїя, и что я за всякое противорѣчїе рада вцѣпиться въ волосы. Этотъ *невольной* порокъ удаляетъ отъ меня супруга, тихаго и кроткаго. Я люблю его, плачу и не могу удержать первыхъ своихъ движенїй.“ — У меня есть вѣрное лекарство, отвѣчалъ Ѳеофилъ: это самой рѣдкой талисманъ, ибо составлять его

весьма трудно. Онъ былъ изобрѣтенъ въ глубокой древности одною Философкою. — „Женщиною?“ — Да, женщиною, которая употребляла свою мудрость на благодѣянія вашему полу, вообще болѣе насъ склонному къ излишней вспыльчивости. Сей талисманъ достался мнѣ въ наслѣдство; не имѣя въ немъ нужды, отдаю его вамъ съ удовольствіемъ. Это золотое кольцо, усѣянное финифтяными звѣздочками: вотъ оно. — „Надобно только носить его?“ — Слушайте, что вамъ наблюдать должно. Какъ скоро разсердитесь, то замолчите, не говорите ни слова и въ ту же секунду подите въ кабинетъ свой: тамъ, безъ свидѣтелей, опустите кольцо въ стаканъ холодной воды и девять разъ произнесите имя: *Ѳгвиладемирезидарнезюльмезидора.* — „Боже мой! это имя?“ — И весьма почтенное: имя той мудрой женщины, которая изобрѣла талисманъ, употребивъ на его составленіе пятьдесятъ лѣтъ жизни своей. — „Не дивлюсь, что эта Философка не славна въ свѣтѣ: такому имени трудно дойти до потомства; его никто не выговоритъ.“ — Я напишу для васъ. — „Постараюсь вытвердить наизусть. Вы говорите, что надобно его произнести девять разъ?“ — Непремѣнно; а послѣ выньте кольцо „

выпейте воду, и будете спокойны. — „Это прекрасно!“ — Когда же случится вамъ быть въ гостяхъ, и слѣдственно не льзя будетъ уйти въ кабинетъ свой, тогда надобно хотя въ мысляхъ произнести магическое имя; но признаюсь, что дѣйствіе его ослабѣетъ. — „О! я не боюсь того: ко мнѣ приходитъ сердце только дома; досадую и кричу на людей своихъ или на мужа, когда бываю съ нимъ одна; а въ свѣтѣ я всегда учтива, кротка и снисходительна.“ — И такъ, наблюдая все сказанное, будете милы и тихи какъ Ангелъ.

Обрадованная Ѳеонія унесла кольцо съ именемъ *Ѳевиладемирезидарнезюльмезидора*, написанномъ рукою Философа. Имѣя хорошую память, она могла въ тотъ же вечеръ испытать его чудесную силу, и не могла надивиться глубокой мудрости Ѳеофила. — Однакожъ не всѣ были имъ такъ довольны. Онъ очень сухо принималъ тщеславныхъ и кокетокъ, и не давалъ имъ ничего. Однажды посѣтила его молодая дама съ братомъ своимъ, любимцемъ Королевскимъ, который хотѣлъ имѣть талисманъ для успѣха во всѣхъ своихъ честолюбивыхъ намѣреніяхъ. Милостивый государь! отвѣчалъ Ѳеофилъ: разные Адепты находили средство дѣлать

золото и возобновлять молодость; но никогда не искали они средства удовольствовать честолюбивыхъ: это явная химера. — По крайней мѣрѣ (сказала съ живостію молодая дама) дайте мнѣ способъ быть вѣчно милою, то есть не старѣться, чтобы всегда плѣнять и кружить головы: одно истинное щастіе для насъ, женщинъ!" — Философъ взглянулъ на нее съ усмѣшкою: ибо она, не смотря на свою молодость и нарядъ, совсѣмъ не могла быть опасною прелестницею. Милостивая государыня! отвѣчалъ Ѳеофилъ: зная вѣрно будущее, предсказываю, что вамъ нѣтъ ни малой нужды въ талисманѣ: ибо вы черезъ двадцать лѣтъ будете такъ же наряжаться, такъ же грозить мущинамъ, не оставляя ни плановъ, ни лестныхъ надеждъ своихъ. — „Боже мой! правду ли вы говорите?" — Точную и совершенную. — „Какъ же я щастлива! какъ весело!" . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того пришелъ къ Ѳеофилу человѣкъ богатой, доброй и чувствительной, именемъ Алькипъ, и сказалъ ему: „Я родился въ изрядномъ состояніи, и въ послѣднія десять лѣтъ упронялъ свое богатство, единственно отъ того, что съ равно-

душїемъ и безпечностїю употреблялъ большїя суммы денегъ на торговыя предпрїятїя, чрезмѣрно опасныя. Но мнѣ все удавалось, и такое удивительное щастїе возбудило множество завистниковъ; я имѣлъ бы ихъ, думаю, гораздо менѣе, естьли бы разбогатѣлъ обманами и подлостїю. Не имѣя возможности укорять меня средствами моей фортуны, они стараются вредить мнѣ съ другихъ сторонъ. Дѣлая всегда добро, я нажилъ непрїятелей, и безпрестанно чувствую дѣйствїе ихъ злобы; досадую, огорчаюсь и страдаю. Говорятъ, что ты, мудрый Ѳеофилъ, составляешь талисманы для щастїя людей: не можешь ли открыть мнѣ способа восторжествовать надъ моими врагами?" — Могу, отвѣчалъ Ѳеофилъ: я испыталъ на себѣ чудесное дѣйствїе сего талисмана, и могу сообщить его другому, не переставая имъ пользоваться. Но для того надобно принять васъ въ глубокїя таинства священной науки, и нужны нѣкоторые опыты. — „Какъ! мнѣ должно сдѣлаться Адептомъ?" — Тѣмъ, что я самъ. — „Знаю, что отъ Адептовъ требуется великихъ жертвъ и строгой нравственности: я готовъ на все, чтобы получить желаемое; только не надѣюсь на свой разумъ." — Требую единственно

того, что зависитъ совершенно отъ вашей воли. — „И такъ говори; все исполню.“ — Прежде всего надобно отказаться отъ всякаго намѣренія и желанія мстить. — „Мнѣ сдѣлали столько неудовольствія!.. непріятели мои такъ злобны!.. особливо двое изъ нихъ ужаснымъ образомъ неблагодарны, ибо я нѣкогда осыпалъ ихъ благодѣяніями.“ — Какъ бы то ни было, надобно забыть все и снова искать случая обязать ихъ. — „Чего ты хочешь!“ — Необходимаго. Такъ должно поступать и съ другими непріятелями, но безъ гордости и хвастовства. — „Даю слово молчать; но могу ли внутренно не гордиться такимъ великодушіемъ? отъ меня ли зависитъ это чувство?“ — Одинъ разсудокъ предохранитъ васъ отъ гордости. Можете ли по справедливости хвалиться тѣмъ, что сдѣлаете только изъ повиновенія? — „Правда; соглашаюсь съ тобою. Я буду великодушенъ единственно для того, чтобы получить награду, которую мнѣ обѣщаешь; слѣдственно не долженъ ничѣмъ гордиться. Все ли теперь? — „Все, ибо вы имѣете доброе сердце и чистую совѣсть. Приходите черезъ шесть мѣсяцевъ. — „И ты обѣщаешь мнѣ дать безцѣнный талисманъ, посредствомъ котораго я восторжествую

надъ своими врагами?" — Да, у васъ будетъ это сокровище, въ самомъ дѣлѣ *безцѣнное* для человѣка, который умѣетъ цѣнить его. Надѣйтесь на мое слово; оно вѣрно.

Алькипъ простился съ Ѳеофиломъ, въ твердомъ намѣреніи исполнить его предписанія, сколь они ни казались ему строгими. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ возвратился и сказалъ: „О мудрый Ѳеофилъ! какою благодарностію обязано тебѣ мое сердце! Слѣдуя твоимъ совѣтамъ, я нашелъ уже щастіе, и примирился со всѣми врагами, кромѣ двухъ или трехъ, которые еще ненавидятъ меня, не смотря на мои одолженія; но цѣлый свѣтъ осуждаетъ ихъ несправедливость, и, не имѣя въ душѣ ни малѣйшей злобы, могу сказать, что я восторжествовалъ надъ своими непріятелями. Однакожь все еще желаю имѣть обѣщанный талисманъ, по крайней мѣрѣ для будущаго времени." — Я дамъ его вамъ, отвѣчалъ Ѳеофилъ: вотъ онъ!.. Алькипъ смотритъ, и видитъ только книгу... раскрываетъ ее и съ умиленіемъ читаетъ ея священное заглавіе... Слезы катятся изъ глазъ его. Онъ становится на колѣни, и прижимая божественную книгу къ своему сердцу, говоритъ: „Чувствую теперь

святость закона *прощать всѣхъ, и за зло платить добромъ!* Смертный не могъ его выдумать. Онъ есть законъ Неба; и человѣкъ долженъ повиноваться ему для собственнаго благоденствія!"

Мы описывали только успѣхи Ѳеофиловы; но слава его мало по малу затмилась. Начали говорить, что онъ требуетъ всегда нелѣпостей, и предпочли ему другихъ Астрологовъ. Ѳеофилъ снова могъ наслаждаться щастливою неизвѣстностію, и тѣми удовольствіями, которыя милѣе славы для сердца опытнаго и добраго: спокойными досугами, миромъ и свободою!

Жанлисъ.

III.

ИНДѢЙСКОМУ БРАМИНУ.

(Прислано изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго).

Отъ солнца искру взявъ въ эѳирѣ,
Какой-то новый Прометей
Спустился съ нею въ Кашемирѣ,
Чтобъ снова оживлять людей;
И искрой сей огня и свѣта
Воспламенилъ онъ духъ Поэта,

Что былъ Судьбою обреченъ
Пѣздомъ быть Бога и Фелицы;
Пѣвецъ Татарскія столицы,
Мурза — въ Брамины посвященъ.

⁂

Огнемъ небеснымъ вдохновенной,
Коснулся лиры Саламандръ —
Воспѣто солнце, жизнь вселенной,
Воспѣтъ имъ Хлоръ, иль Александръ,
И подъ одеждою Брамина
Возвѣщена въ народъ судьбина,
Какая Кашемирцевъ ждетъ;
Но Сильфы, Гномы и Наяды
Не будутъ Саламандру рады:
Его огонь ихъ обожжетъ.

⁂

Кто самъ подъ Полюсомъ родился
И между льдовъ всегда живетъ,
Тотъ, естьлибъ Фебъ тамъ водворился,
Его злодѣемъ назоветъ,
И счелъ бы за нещастье въ мірѣ
Ходить безъ шубы въ Кашемирѣ,
И чтобъ не грѣться у печей;
Лапландцевъ сомкнутыя очи,
Привыкшія ко мраку ночи,
Не терпятъ солнечныхъ лучей.

⁂

Въ нихъ сердце никогда не таетъ
И превратилось въ вѣчный ледъ;
Ихъ душу ясность не питаетъ;
Боится солнца Самоѣдъ;

И солнце столько милосердо,
Что во своихъ предѣлахъ твердо
Течетъ, не ближася къ землѣ,
Огнемъ ее не сокрушаетъ,
Въ моряхъ воды не изсушаетъ,
И даже не мѣшаетъ мглѣ.

*

Поклонникъ Солнца! будь подобенъ
Свѣтилу, чтимому тобой:
Кто свѣтъ сносить не есть удобенъ,
Не разлучай того со тьмой.
Разстаться съ нею есть наука;
Чрезмѣрный свѣтъ есть часто мука.
Въ законахъ Солнца ты ходи!
Отъ жару средь самой Европы
Родятся часто Еѳіопы —
Браминъ, Лапландцевъ пощади!

М.

IV.

СТИХИ ЛЮБОВНИКА.

(Присланы изъ Петербурга.)

1.

Корина милая, увы!
Жестокосердая Корина!
Почто моей къ тебѣ любви
Не властна истребить судьбина?

*

Недавно въ грозныхъ я волнахъ
Свой пламень утушить старался:
Тебѣ союзникъ смертный страхъ!...
Волной я къ берегу примчался (*).

*

Какъ лань, уязвлена стрѣлой,
Бѣжитъ въ вертепы и стремнины,
Такъ я ношусь съ моей тоской,
Гонимый образомъ Корины.

*

Тебя я зрю во всѣхъ вещахъ,
Во всемъ, вездѣ я зрю прекрасну,
Съ улыбкой Божества.... Но, ахъ!
Ко мнѣ холодну и безстрастну!

9.

О радость! о восторгъ чудесный!
Откуда слышалъ гласъ прелестный,
Повелѣвающій мнѣ жить,
Повелѣвающій любить?

*

Не гласъ ли Ангела струится,
Которымъ жизнь моя живится?...
Или твою я руку жалъ,
Твои уста я цѣловалъ?

*

(*) Бѣдной любовникъ купался на взморьѣ, и чуть было не утонулъ.

Корина! ... мысли исчезаютъ;
Лишь слезы радости сверкаютъ! ..
Ты сѣешь розы на пути;
Ты, ты мой Ангелъ во плоти!

*

Любовь препятства побѣждаетъ,
Любовь и годы уравняетъ:
Любовью щастливъ человѣкъ —
Любви покоренъ я навѣкъ!

Вас. Под.

V.

Чувствительный и холодный. Два характера.

Духъ системы заставлялъ разумныхъ людей утверждать многія странности и даже нелѣпости: такъ нѣкоторые писали и доказывали, что наши природныя способности и свойства одинаковы; что обстоятельства и случаи воспитанія не только образуютъ или развиваютъ, но и даютъ характеръ человѣку, вмѣстѣ съ особеннымъ умомъ и талантами; что Александръ въ другихъ обстоятельствахъ могъ быть миролюбивымъ Браминомъ, Эвклидъ Авторомъ чувствительныхъ романовъ, Аттила нѣжнымъ пастушкомъ, а ПЕТРЪ Великій — обыкновеннымъ человѣкомъ! Естьли бы надобно было опро-

вергать явную ложь, то мы представили бы здѣсь множество хорошо-воспитанныхъ, множество ученыхъ людей, которые имѣютъ все, кромѣ — чувства и разума. . . . Нѣтъ! одна Природа творитъ и даетъ: воспитаніе только образуетъ. Одна Природа сѣетъ: искусство или наставленіе только поливаетъ сѣмя, чтобы оно лучше и совершеннѣе распустилось. Какъ умъ, такъ и характеръ людей есть дѣло ея: отецъ, учитель, обстоятельства, могутъ помогать его дальнѣйшимъ развитіямъ, но не болѣе. — Привязываетъ ли Натура умственныя способности и моральныя свойства къ нѣкоторымъ особеннымъ формамъ или дѣйствіямъ физическаго состава, мы не знаемъ: это ея тайна. Система Лафатера и Доктора Галя кажется намъ по сіе время одною игрою воображенія. Самъ почтенный и благоразумный Кабанисъ, изъясняя свойствомъ твердыхъ частей и жидкостей щастье и нещастье жизни — нравъ, страсти, печаль и веселье — не берется размѣрять и развѣсить по-Аптекарски, сколько чего надобно для произведенія Генія, Математика, Философа, Стихотворца, злодѣя или добродѣтельнаго мужа.

Какъ бы то ни было, мы видимъ въ свѣтѣ людей умныхъ и чувствительныхъ, умныхъ и холодныхъ, *отъ колыбели до гроба*, согласно съ Руской пословицею; и моральное свойство ихъ такъ независимо отъ воли, что всѣ убѣжденія разсудка, всѣ твердыя намѣренія, перемѣниться нравомъ, остаются безъ дѣйствія. Лафонтенъ сказалъ:

Мы вѣчно то, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено.
Гони Природу въ дверь: она влетитъ въ окно!

Правда, что сію неволю знаютъ одни чувствительные; холодные всегда довольны собою, и не желаютъ перемѣниться. Одно такое замѣчаніе не доказываетъ ли, что выгода и щастіе на сторонѣ послѣднихъ? Первые безъ сомнѣнія живѣе наслаждаются; но какъ въ жизни болѣе горестей, нежели удовольствій, то слабѣе чувствовать тѣ и другія есть выигрышь. *Боги не даютъ, а продаютъ намъ удовольствія*, сказалъ Греческій Трагикъ: *и слишкомъ дорого*, можно примолвить, такъ, что мы съ покупкою остаемся въ глупцахъ. Но чувствительный есть природный мотъ: онъ видитъ свое разореніе, борется съ собою и все покупаетъ.

Однакожь, любя справедливость, замѣтимъ и свойственныя ему преимущества. Равнодушные люди бываютъ во всемъ благоразумнѣе, живутъ смирнѣе въ свѣтѣ, менѣе дѣлаютъ бѣдъ и рѣже разстроиваютъ гармонїю общества; но одни чувствительные приносятъ великїя жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда *небольшой примѣсъ безразсудности*, un peu de folie; они-то блистаютъ талантами воображенїя и творческаго ума: Поэзїя и краснорѣчїе есть дарованїе ихъ. Холодные люди могутъ быть только Математиками, Географами, Натуралистами, Антикварїями и — естьли угодно — Философами!...

Мы имѣли случай узнать исторїю двухъ человѣкъ, которая представляетъ въ лицахъ сїи два характера.

Эрастъ и Леонидъ учились въ одномъ пансїонѣ и рано сдѣлались друзьями. Первой могъ назваться красавцемъ: второй обращалъ на себя вниманїе людей отмѣнно-умнымъ лицомъ. Въ первомъ съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность: второй, казалось, родился благоразумнымъ. Эрастъ удивлялъ своимъ понятїемъ, Леонидъ

прилѣжанїемъ. Казалось, что первой не учится, а только воспоминаетъ старое; второй же никогда не забывалъ того, что узнавалъ однажды. Первой, отъ излишней надежности на себя, откладывая всякое дѣло до послѣдней минуты, иногда не выучивалъ урока: второй зналъ его всегда заблаговременно, все еще твердилъ и не вѣрилъ своей памяти. Эрастъ дѣлалъ иногда маленькїя проказы, ссорился съ товарищами и не рѣдко заслуживалъ наказанїе; но всѣ его любили. Леонидъ велъ себя тихо, примѣрно и не оскорблялъ никого; но его только хвалили. Одного считали искреннимъ, добродушнымъ: таковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Другова подозрѣвали въ хитрости и даже въ лукавствѣ: но онъ былъ только осторожень. — Ихъ взаимная дружба казалась чудною: столь были они не сходны характерами! Но сїя дружба основывалась на самомъ различїи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразумїи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла *прелесть удивительнаго.* Чувствительность одного требовала сообщенїя: равнодушїе и холодность другова искали занятїя. Когда сердце и воображенїе пылаютъ въ человѣкѣ, онъ любитъ говорить; когда душа безъ дѣйствїя, онъ

слушаетъ съ удовольствїемъ. Эрастъ еще въ дѣтствѣ плѣнялся романами, Поэзїей, а въ Исторїи болѣе всего любилъ чрезвычайности, примѣры геройства и великодушїя. Леонидъ не понималъ, какъ можно заниматься небылицами, то есть, романами! Стихотворство казалось ему трудною и безполезною игрою ума, а стихотворцы людьми, которые хотятъ прытко бѣгать въ кандалахъ. Онъ читалъ Исторїю съ великою прилѣжностїю, но единственно для того, чтобы знать ее, не для внутренняго наслажденїя, но какъ вокабулы или Грамматику. Мудрено ли, что мнѣнїя друзей о Герояхъ ея были не согласны? Эрастъ превозносилъ до небесъ великодушїе и храбрость Александра: Леонидъ называлъ его отважнымъ безумцемъ. Первой говорилъ: *онъ побѣдилъ вселенную*! Второй отвѣтствовалъ: *не зная, для чего*! Эрастъ обожалъ Катона, добродѣтельнаго самоубїйцу: Леонидъ считалъ его помѣшеннымъ гордецомъ. Эрастъ восхищался бурными временами Греческой и Римской свободы: Леонидъ думалъ, что свобода есть зло, когда она не даетъ людямъ жить спокойно. Эрастъ вѣрилъ въ Исторїи всему чрезвычайному: Леонидъ сомнѣвался во всемъ, что не было согласно съ обыкно-

веннымъ порядкомъ вещей. Одинъ спрашивался съ воображенїемъ пылкимъ, а другой съ флегматическимъ характеромъ своимъ.

Какъ мнѣнїя, такъ и поступки нашихъ друзей были различны. Однажды домъ, гдѣ они учились и жили, загорѣлся ночью: Эрастъ вскочилъ съ постели неодѣтый, разбудилъ Леонида и другихъ пансїонеровъ, тушилъ огонь, спасалъ драгоцѣнныя вещи своего Профессора и не думалъ о собственныхъ. Домъ сгорѣлъ, и Эрастъ, обнимая друга, сказалъ съ великодушнымъ чувствомъ: *я всего лишился; но въ общихъ бѣдствїяхъ хорошо забывать себя*.... „Очень дурно", отвѣчалъ Леонидъ съ хладнокровїемъ: „человѣкъ созданъ думать сперва о себѣ, а тамъ „о другихъ; иначе не льзя стоять свѣту. „Хорошо, что мнѣ удалось поправить „твою безразсудность: я спасъ и сундуки „и книги наши." Такъ Леонидъ мыслилъ и поступалъ на шестнадцатомъ году жизни. — Въ другой разъ они шли по берегу рѣки: въ глазахъ ихъ мальчикъ упалъ съ мосту. Эрастъ ахнулъ и бросился въ воду. Леонидъ хотѣлъ удержать его, но не успѣлъ; однакожь не потерялъ головы, даже не закричалъ, а только изо всей силы пустился бѣжать къ рыбакамъ

которые вдали расправляли сѣти, — бросилъ имъ рубль и велѣлъ спасти Эраста, который уже тонулъ. Рыбаки черезъ пять минутъ вытащили его вмѣстѣ съ мальчикомъ. Леонидъ бранилъ своего друга: называлъ глупцомъ, безумнымъ; однакожь плакалъ... Рѣдкая чувствительность холодныхъ людей бываетъ тѣмъ замѣтнѣе и трогательнѣе. Эрастъ цѣловалъ его и восклицалъ: *я жертвовалъ собою для спасенія человѣка, обязанъ жизнію другу и вижу слезы его: какое щастіе!*

Они въ одно время оставили пансіонъ и вмѣстѣ отправились въ армію. Эрастъ твердилъ: *надобно искать славы!* Леонидъ говорилъ: *долгъ велитъ служить дворянину*... Первой бросался въ опасности — другой шелъ, куда посылали его. Первой отъ излишней запальчивости скоро попался въ плѣнъ къ непріятелю; другой заслужилъ имя хладнокровнаго, благоразумнаго Офицера, и крестъ Георгія при концѣ войны. Миръ освободилъ Эраста... Какъ искренно радовался онъ возвышенію друга, который далеко опередилъ его въ чинахъ воинскихъ! Ни малѣйшая тѣнь зависти не омрачила его добраго, чистаго сердца. — Оба вмѣстѣ перешли они въ гражданскую службу. Леонидъ занялъ мѣсто совсѣмъ не блестящее и трудное:

Эрастъ вступилъ въ канцелярїю знатнѣйшаго вельможи, надѣясь своими талантами заслужить его вниманїе и скоро играть великую ролю въ государствѣ. Но для успѣховъ честолюбїя нужны гибкость, постоянство, холодность, терпѣнїе; Эрастъ же не имѣлъ ни котораго изъ сихъ необходимыхъ свойствъ. Онъ писалъ хорошо; но вручая бумагу Министру, гордымъ взоромъ не просилъ снисходительнаго одобренїя, а требовалъ справедливой хвалы; не боялся досадить ему: боялся только передъ нимъ унизиться. „Пусть онъ знаетъ — говорилъ Эрастъ Леониду — что я служу государству, а не ему, и соглашаюсь на время трудиться въ неизвѣстности, чтобы стать нѣкогда на ту степень, которая достойна благороднаго честолюбїя, и на которой дѣла мои будутъ славны въ отечествѣ!“.. *Любезной другъ!* отвѣчалъ Леонидъ: *никакїе таланты не возвысятъ человѣка въ государствѣ безъ угожденїя людямъ; естьли не хочешь служить имъ, то они не дадутъ тебѣ способа служить и самому отечеству. Не презирай нижнихъ ступеней лѣстницы: онѣ ведутъ къ верхней. Искусный честолюбецъ только изрѣдка взглядываетъ на отдаленную цѣль свою, но безпрестанно смотритъ себѣ подъ ноги, чтобы итти къ ней вѣрно*

и не обступиться... Сей медленный благоразумный ходъ не могъ нравиться пылкому Эрасту. Иногда онъ работалъ съ удивительнымъ прилѣжаніемъ; иногда, утомленный дѣлами, искалъ отдохновенія въ свѣтскихъ разсѣяніяхъ. Но сей опасный, мнимый отдыхъ мало по малу обратился для него въ главное дѣло жизни. Эрастъ былъ молодъ, прекрасенъ, уменъ и богатъ: сколько правъ наслаждаться свѣтомъ! Женщины ласкали его, мущины ему завидовали: сколько пріятностей для сердца и самолюбія! Онъ сократилъ вечера для работы, чтобы продлить ихъ для удовольствій общества, находя, что одобрительная улыбка Министра не такъ любезна, какъ нѣжная улыбка прелестныхъ женщинъ. Къ чести его скажемъ, что онъ, забывая должность, стыдился внутренно своей неисправности; однакожь не хотѣлъ сносить ни малѣйшихъ выговоровъ, и всякой разъ отвѣчалъ на нихъ требованіемъ отставки. Министръ его былъ человѣкъ доброй и разсудительной, но человѣкъ: онъ вышелъ изъ терпѣнія — и Эрастъ сдѣлался наконецъ свободнымъ, то есть празднымъ.

„Поздравь меня съ любезною вольностію!“ сказалъ онъ Леониду, вбѣжавъ въ кабинетъ къ нему: „мнѣ запретили быть

полезнымъ государству: никто не запретитъ мнѣ быть щастливымъ.“ Леонидъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ другу: „жалѣю о тебѣ! Человѣку въ двадцать-пять лѣтъ не позволено жить для одного удовольствія.“

Разумѣется, что Эрастъ, взявъ отставку, тѣмъ ревностнѣе служилъ Граціямъ. Онъ былъ истинно чувствителенъ: слѣдственно хотѣлъ еще болѣе любить, нежели нравиться. Скоро очарованіе нѣжной страсти представило ему свѣтъ въ одномъ предметѣ и жизнь въ одномъ чувствѣ... Блаженный любовникъ, забывъ вселенную, вспомнилъ только о другѣ, и летѣлъ къ нему говорить о своемъ щастіи. — Снисходительный Леонидъ оставлялъ приказныя бумаги, и слушалъ его; но часто, облокотясь на каминъ, дремалъ среди самыхъ живыхъ описаній новаго Сен-Прё, который иногда въ жару сердечнаго краснорѣчія не видалъ того; иногда же, пораженный усыпительнымъ дѣйствіемъ своихъ, какъ ему казалось, чрезвѣрно любопытныхъ разсказовъ, говорилъ съ жалкимъ видомъ: *ты дремлешь!...* „Мой другъ!“ отвѣчалъ Леонидъ: „вы, любовники, имѣете обыкновеніе твердить сто разъ одно; а всякія ненужныя повторенія склоняютъ

меня къ дремотѣ.“ — Леонидъ держался Бюффоновой системы, и моральная любовь казалась ему дурною выдумкою ума человѣческаго. Эрастъ называлъ его грубымъ, безчувственнымъ, камнемъ и другими подобными ласковыми именами. Леонидъ не сердился, но стоялъ въ томъ, что благоразумному человѣку надобно въ жизни заниматься дѣломъ, а не игрушками разгоряченнаго воображенія. — Споры друзей продолжались — и не рѣшились; но Эрастъ оставлялъ иногда обожаемую красавицу, чтобы ѣхать къ Леониду и доказывать ему неописанное щастіе, какимъ любовникъ наслаждается въ присутствіи любовницы! Хладнокровный Философъ нашъ улыбался....

Онъ находилъ и другіе случаи торжествовать надъ своимъ противникомъ. Давно уже сравниваютъ любовь съ розою, которая плѣняетъ обоняніе и глаза, но колетъ руку: къ нещастью, терніе долговѣчнѣе цвѣта!.. Эрастъ, наслаждаясь восторгами, испытывалъ и неудовольствія: иногда самъ скучалъ, иногда имъ скучали; иногда страдалъ отъ своей вѣрности, иногда мучился отъ непостоянства любовницъ. Надобно замѣтить, что и самые блестящіе молодые люди по большой части входятъ въ связи съ женщинами вѣтреными, которыя избавля-

ютъ ихъ отъ труднаго исканія: мудрено ли, что любовь и непостоянство имѣютъ почти одно значеніе въ свѣтѣ? Эрастъ со слезами бросался иногда въ объятія къ вѣрному другу, чтобы жаловаться ему на милыхъ обманщицъ. Леонидъ въ такихъ случаяхъ поступалъ великодушно: утѣшалъ его и не думалъ смѣяться надъ бѣднымъ страдальцемъ. Но искренній Эрастъ самъ любилъ обвинять себя, проклиналъ заблужденія страстей, писалъ ѣдкія сатиры на кокетокъ, и сперва читалъ ихъ только другу — а черезъ нѣсколько дней и женщинамъ — а черезъ нѣсколько дней бросалъ въ огонь, снова плѣняясь какимъ нибудь *Ангеломъ*: ибо всякая томная прелестница, которая брала на себя трудъ увѣрить его въ любви своей, обыкновенно казалась ему существомъ небеснымъ, и Леонидъ снова долженъ былъ засыпать, слушая краснорѣчивыя описанія милыхъ ея свойствъ и чувствительности. — Однимъ словомъ, Эрастъ или блаженствовалъ или терзался: или, въ отсутствіи живыхъ чувствъ, томился несносною скукою, Леонидъ не зналъ щастія, но не искалъ его и былъ доволенъ мирнымъ спокойствіемъ души ясной и кроткой. Первой умомъ обожалъ свободу,

но сердцемъ зависѣлъ всегда отъ другихъ людей: второй соглашалъ волю свою съ порядкомъ вещей и не зналъ тягости принужденія. Эрастъ *иногда* завидовалъ равнодушію Леонидову: Леонидъ *всегда* жалѣлъ о пылкомъ Эрастѣ.

Сей послѣдній уѣхалъ наконецъ изъ П* — слѣдомъ за одною красавицею — оставивъ Леонида больнаго; дорогою безпокоился, считалъ себя преступникомъ въ дружбѣ, хотѣлъ десять разъ воротиться, но между тѣмъ въѣхалъ уже въ М*у — откуда черезъ нѣсколько дней извѣстилъ друга о своей женитьбѣ.... „Увѣренный, писалъ онъ, многими опы„тами, что всѣ нѣжныя связи, основан„ныя только на удовольствіи, не могутъ „быть надежны и, разрываясь, оставля„ютъ въ сердцѣ горесть о минувшемъ „заблужденіи, я прибѣгнулъ къ союзу, „освященному мнѣніемъ и закономъ! Вѣч„ность его плѣняетъ душу мою, утом„ленную непостоянствомъ.“ — Эрастъ заклиналъ друга спѣшить къ нему въ объятія и быть свидѣтелемъ его истиннаго щастія. Леонидъ скоро явился въ М*.... Обрадованный Эрастъ бросился къ нему на встрѣчу, говоря: „теперь вижу опытъ нѣжной дружбы твоей!“.... *Я отпросился въ отпускъ*, сказалъ Леонидъ

равнодушно, *чтобы — ѣхать въ свою деревню. Мнѣ черезъ* М* у *дорога*... И въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ черезъ два дни.

Эрастъ и самому себѣ и другимъ казался щастливымъ: Нина, супруга его, была прекрасна и мила. Онъ наслаждался вмѣстѣ и любовїю и покоемъ; но скоро примѣтилъ въ себѣ какое-то чудное расположенїе къ меланхолїи: задумывался, унывалъ и радъ былъ, когда могъ плакать. Мысль, что судьба его навсегда рѣшилась — что ему уже нечего желать въ свѣтѣ, а должно только бояться потери — удивительнымъ образомъ тревожила его душу. Мы никогда не изъяснимъ сего чувства холоднымъ людямъ: оно покажется имъ безумїемъ, но дѣлаетъ самыхъ щастливыхъ нещастными. Воображенїе, которому навѣки-занятое сердце не дозволяетъ уже искать таинственнаго блаженства за отдаленнымъ горизонтомъ, какъ будто бы скучаетъ своимъ бездѣйствїемъ и раждаетъ печальные фантомы вокругъ насъ.

Въ семъ расположенїи Леонидъ нашелъ Эраста, возвратясь изъ деревни въ М * у, и далъ слово прожить съ нимъ нѣсколько времени. Нина желала показаться ему любезною: мудрено ли? Эрастъ такъ неумѣренно хвалилъ его! и друзья

мужей, какъ извѣстно, имѣютъ великія права на ласку женъ. Леонидъ, всегда равнодушный и спокойный, былъ тѣмъ занимательнѣе въ обществѣ: сердце никогда не мѣшало уму его искать на досугѣ пріятныхъ идей для разговора. Къ тому же мы замѣтили, что холодные люди иногда болѣе чувствительныхъ нравятся женщинамъ. Послѣдніе съ излишнею скоростію и безъ всякой *экономіи* обнаруживаютъ себя; а первые долѣе скрываются за щитомъ равнодушія и возбуждаютъ любопытство, которое сильно дѣйствуетъ на женское воображеніе. Хочется видѣть въ пылкой дѣятельности сердце флегматическое; хочется оживить статую. . . Но безъ дальнѣйшихъ изъясненій скажемъ, что Леонидъ вдругъ — уѣхалъ въ П *, не простившись ни съ хозяиномъ, ни съ хозяйкою.

Эрастъ изумился и спѣшилъ къ женѣ своей. . . Нина обливалась слезами, писала и хотѣла скрыть отъ него бумагу. Онъ вырвалъ письмо изъ рукъ ея. . . . Бѣдный мужъ, но другъ щастливый! . . . Открылось, что Нина обожала Леонида, но что онъ не хотѣлъ измѣнить дружбѣ, и для того удалился. Безразсудная въ письмѣ своемъ къ нему заклинала его возвратиться, а въ противномъ случаѣ

грозилась отравить себя ядомъ. . . . Эрастъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. . . . Виновная супруга лежала у ногъ его безъ памяти. . . Видя смертную блѣдность ея, онъ забылъ все, и старался только привести ее въ чувство. . . Нина открыла томные глаза свои. Не знаю, что она говорила Эрасту; но Эрастъ, черезъ нѣсколько минутъ прижавъ ее къ своему сердцу, громко воскликнулъ: *такое Ангельское раскаянїе милѣе самой непорочности; все забываю, и мы будемъ щастливы!* . . . Въ тотъ же день онъ написалъ къ Леониду: „О другъ вѣрный и безцѣнный! „поступокъ твой затмѣваетъ добро„дѣтель Сципїонову; но смѣю думать, что „въ подобныхъ обстоятельствахъ я сдѣ„лалъ бы то же!“ Леонидъ въ отвѣтѣ своемъ изъявилъ сожалѣнїе о *домашней* его *непрїятности*, и сказалъ между прочимъ: „Женщины любезны и слабы какъ „дѣти; надобно многое спускать имъ: „но какой благоразумной человѣкъ пожер„твуетъ стариннымъ другомъ минутной ихъ прихоти?“

Сердца нѣжныя всегда готовы прощать великодушно и радуются мыслїю, что они прїобрѣтаютъ тѣмъ новыя права на любовь виновнаго; но раскаянїе души слабой не надолго укрѣпляетъ ее въ

добродѣтельныхъ чувствахъ: оно, какъ трепетаніе музыкальной струны, постепенно утихаетъ, и душа входитъ опять въ то расположеніе, которое довело ее до порока. Легче удержаться отъ первой, нежели отъ второй вины — и бѣдный Эрастъ развелся съ женою, ибо не всѣ его знакомые, подобно Леониду, спасались бѣгствомъ отъ прелестей Нины.

Мы видимъ нещастныхъ мужей въ свѣтѣ, и почти *привыкли* къ нимъ; но естьли они чувствительны, то можемъ ли искренно не сожалѣть объ нихъ? Мы любимъ плакать со вдовцемъ горестнымъ: онъ щастливъ въ сравненіи съ мужемъ, который долженъ ненавидѣть или презирать супругу!... Эрастъ въ отчаяніи своемъ жаловался на судьбу, а еще болѣе на женщинъ. „Я любилъ васъ пламенно и „нѣжно,“ говорилъ онъ: „умѣлъ быть по„стояннымъ для самыхъ вѣтреницъ; „умѣлъ быть честнымъ въ самыхъ не„моральныхъ связяхъ; видѣлъ, какъ забы„ваете ваши должности, но помнилъ „свои — и въ награду за то, бывъ нѣ„сколько разъ оставленнымъ любовникомъ, „сдѣлался наконецъ обманутымъ му„жемъ!“ Эрастъ недѣли двѣ плакалъ, недѣли двѣ скитался одинъ по окрестностямъ города, а тамъ, желая чѣмъ

нибудь заняться, вздумалъ быть — Авторомъ.

Чувствительное сердце есть богатый источникъ идей: ежели разумъ и вкусъ помогаютъ ему, то успѣхъ несомнителенъ, и знаменитость ожидаетъ Писателя. Эрастъ жилъ уединенно, но скоро обратилъ на себя общее вниманіе; умные произносили его имя съ почтеніемъ, а добрые съ любовію: ибо онъ родился нѣжнымъ другомъ человѣчества, и въ твореніяхъ своихъ изображалъ душу страстную ко благу людей. Призракъ, называемый славою, явился ему въ лучезарномъ сіяніи и воспламенилъ его ревностію безсмертія. „О слава!“ думалъ онъ въ восторгѣ сердца: „я искалъ тебя нѣкогда въ дыму „сраженій и на полѣ кровопролитія: „нынѣ, въ тихомъ кабинетѣ, вижу блестящій образъ твой передъ собою, и „посвящаю тебѣ остатокъ моей жизни. „Я не умѣлъ быть щастливымъ, но „могу быть предметомъ удивленія; вѣнки „миртовые вянутъ съ юностію: вѣнокъ „лавровой зеленѣетъ и на гробѣ!“... Бѣдной Эрастъ! ты промѣнялъ одну мечту на другую. Слава благотворна для свѣта, а не для тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ее.... Скоро зашипѣли ехидны зависти, и добродушный Авторъ нажилъ

себѣ непріятелей. Сіи чудные люди, которыхъ онъ не зналъ въ лицо, блѣднѣли и страдали отъ его авторскихъ успѣховъ; сочиняли гнусные, ядовитые пасквили, и готовы были растерзать человѣка, который не оскорбилъ ихъ ни дѣломъ, ни мыслію. Напрасно Эрастъ вызывалъ завистниковъ своихъ писать лучше его: они умѣли только изливать ядъ и желчь, а не блистать талантомъ. Эрастъ имѣлъ слабость огорчаться ихъ ненавистію, и писалъ къ своему другу: „Узнавъ вѣтре„ность женщинъ, вижу теперь злобу „мущинъ. Первыя извиняются хотя „удовольствіемъ: вторые дѣлаютъ зло „безъ всякой для себя выгоды.“ — „Всего „вѣрнѣе (отвѣчалъ ему Леонидъ) итти „въ свѣтѣ большою дорогою и запасаться „такими деньгами, которыя вездѣ при„нимаются. Служба есть у насъ вѣрнѣй„шій путь къ уваженію (котораго сродно „искать людямъ въ гражданскомъ соединеніи), а чины ходячая монета; положимъ, „что слава драгоцѣннѣе: но многіе ли „знаютъ ея клеймо и высокую пробу? „Это не монета, а медаль: одинъ знатокъ „возьметъ ее вмѣсто денегъ. Къ тому „же дарованія ума всегда оспориваются, „и причина ясна: души малыя, но само„любивыя, какихъ довольно въ свѣтѣ,

„хотятъ возвеличиться униженіемъ вели-„кихъ. Но дѣло сдѣлано, и ты стоишь „на пути славы: имѣй же твердость „презирать усиліе зависти, которая „есть необходимое условіе громкаго име-„ни! Не только презирай, но и радуй-„ся ею: ибо она доказываетъ, что ты „уже славенъ.“ — Письмо Леонидово заключалось сими словами: „Я черезъ мѣ-„сяцъ женюсь, чтобы избавить себя отъ „хозяйственныхъ заботъ. Женщина нуж-„на для порядка въ домѣ.“

Эрастъ забылъ свои авторскія неудовольствія, чтобы спѣшить въ П* къ свадьбѣ друга. . . Они уже давно не видались. Леонидъ, не смотря на прилѣжность дѣловаго человѣка, цвѣлъ здоровьемъ; ибо всякая Діэтетика начинается предписаніемъ: *будь спокоенъ духомъ!* Эрастъ, нѣкогда прекрасной молодой человѣкъ, высохъ какъ скелетъ; ибо *огненныя страсти*, по словамъ одного Англичанина, *суть курьеры жизни: съ ними не долго ѣхать до кладбища.* Любовь и слава питаютъ душу, а не тѣло. Леонидъ, не смотря на свою холодность, съ прискорбіемъ замѣтилъ Эрастову блѣдность. . . Онъ не обманулъ друга, и въ самомъ дѣлѣ женился только *для порядка въ домѣ*, заблаговременно объявивъ невѣстѣ

условія: 1) „ѣздить въ гости однажды „въ недѣлю; 2) принимать гостей однаж„ды въ недѣлю; 3) входить къ нему въ „кабинетъ однажды въ сутки, и то на „пять минутъ.“ Она, исполняя волю отца, на все согласилась и строго наблюдала предписанія мужа, тѣмъ охотнѣе, что меланхоликъ Эрастъ жилъ въ ихъ домѣ, любилъ сидѣть съ нею у камина и читать ей Французскіе романы. Иногда они плакали вмѣстѣ какъ дѣти, и сколо души ихъ свыклись удивительнымъ образомъ. Первыя движенія симпатіи требуютъ откровенности: сердце въ такомъ случаѣ имѣетъ всю догадку проницательнаго разума, и знаетъ, что искренность дѣйствуетъ сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ увѣреній въ дружбѣ. Каллиста свѣдала подробности Эрастовой жизни, неизвѣстныя и мужу ея — не чудно: она слушала Эраста съ живѣйшимъ удовольствіемъ, а Леонидъ съ холодностію. Платя довѣренностію за довѣренность, Каллиста жаловалась ему на равнодушіе Леонидово, и сказала однажды: „я хотѣла бы узнать безразсудную Нину, что„бы имѣть понятіе о женщинѣ, кото„рая не умѣла быть съ вами щастли„вою!“ . . Но она уже и безъ словъ объяснялась съ Эрастомъ. Тронутая чувстви-

тельность имѣетъ языкъ свой, которому всѣ другїе уступаютъ въ выразительности; и естьли глаза служатъ вообще зеркаломъ души, то чего не скажетъ ими женщина страстная? Всякая минута, всякое движенїе Каллисты доказывало, что Эрасту надлежало — удалиться! Онъ хотѣлъ себя обманывать, но не могъ; ужасался быть любимымъ, но не переставалъ быть любезнымъ; хотѣлъ навѣки разстаться, но съ утра до вечера видѣлъ Каллисту. Чтожъ дѣлалъ между тѣмъ благоразумный Леонидъ? занимался приказными дѣлами. Однакожь холодные люди не слѣпцы — и бѣдному Эрасту въ одно утро объявили, что онъ хозяинъ въ Леонидовомъ домѣ! . . . . То есть, флегматикъ нашъ безъ дальнихъ сборовъ посадилъ жену въ карету и благополучно уѣхалъ съ нею изъ П*, написавъ слѣдующую записку къ другу: „Ты вѣчно будешь ребенкомъ; „а Каллиста женщина. Знаю тебя и хочу „спасти отъ упрековъ совѣсти. Мнѣ поручили кончить важное государственное „дѣло за тысячу верстъ отсюда. Вѣрный „другъ твой до гроба“ . . . . Читатели могутъ пощадить Эраста: угрызенїя совѣсти довольно наказали его. Для нѣжнаго сердца всѣ возможныя бѣдствїя

ничто въ сравненіи съ тѣми случаями, гдѣ оно должно упрекать себя. „Безразсудной!“ думалъ онъ: „я прельстилъ „жену друга, который не хотѣлъ воспользоваться слабостію моей жены! „Вотъ награда за его добродѣтель! О „стыдъ! я смѣлъ не удивляться ей и „думалъ, что самъ могу поступить „такъ же!“ . . . Къ чести Эраста скажемъ, что онъ не досадовалъ на Леонида за разлуку свою съ Каллистой.

Судьба послала ему утѣшеніе. Онъ свѣдалъ, что тесть Леонидовъ имѣлъ важное судное дѣло, и по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ лишиться своего имѣнія. Эрастъ тайно далъ на себя вексель его сопернику въ большой суммѣ, съ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ тяжбу миромъ. Сія великодушная жертва тѣмъ болѣе ему нравилась, что и Леонидъ и Каллиста были вмѣстѣ ея предметомъ: онъ не хотѣлъ любить, но позволялъ себѣ жалѣть о слабой женщинѣ, которая *для него* забыла должность свою!

Эрастъ искалъ разсѣянія въ путешествіи, плѣнительномъ въ тѣ годы, когда свѣтъ еще новъ для сердца; когда мы, въ очарованіяхъ надежды, только готовимся жить, дѣйствовать умомъ и наслаждаться чувствительностію; когда,

однимъ словомъ, хотимъ запасаться пріятными воспоминаніями для будущаго и средствами нравиться людямъ. Но душа, изнуренная страстями — душа, которая вкусила всю сладость и горечь жизни — можетъ ли еще быть любопытною? Что остается ей знать, когда она узнала опытомъ восторги и муки любви, прелесть славы и внутреннюю пустоту ея? — Эрастъ не имѣлъ *удовольствія завидовать* людямъ, ибо сердце его не хотѣло уже вѣрить щастію. Смотря на великолѣпныя палаты, онъ мыслилъ: „здѣсь плачутъ такъ же, какъ и въ хижинѣ" — вступая въ храмы Наукъ, говорилъ себѣ: „здѣсь учатъ всему, кромѣ того, какъ найти благополучіе въ жизни" — смотря на молодаго красавца, щастливаго нѣжными улыбками прелестницъ, думалъ: „ты оплачешь свои побѣды!" Эрастъ воображалъ, что сердце его наконецъ ожесточилось: такъ мыслятъ всегда люди чувствительные, натерпѣвшись довольно горя; но слушая музыку нѣжную, онъ забывался, и грудь его орошалась слезами; видя бѣднаго, хотѣлъ помогать ему, и встрѣчая глазами взоръ какой нибудь миловидной незнакомки, *тайно* отъ ума своего искалъ въ немъ ласковаго привѣтствія. Эрастъ иногда писалъ,

и внутренно утѣшался мыслїю, что зависть и вражда умираютъ съ Авторомъ, и что творенїя его найдутъ въ потомствѣ одну справедливость и признательность — слѣдственно онъ все еще обманывалъ себя воображенїемъ: развѣ холодныя души не удивляютъ насъ жаромъ своимъ, когда онѣ терзаютъ память Руссо и Вольтера? Злословїе есть наслѣдственный грѣхъ людей: живые и мертвые равно бываютъ его предметомъ.

Эрастъ возвратился въ отечество, чтобы не оставить костей своихъ въ чужой землѣ: ибо здоровье его было въ худомъ состоянїи. Онъ пылалъ нетерпѣнїемъ видѣть друга, но помнилъ вину свою, и боялся его взоровъ. Леонидъ, уже знатный человѣкъ въ государствѣ, обрадовался ему искренно и представилъ молодую красавицу, вторую жену свою. Каллисты не было уже на свѣтѣ: супругъ ея, еще не скинувъ траура, помолвилъ на другой, и *ровно* черезъ годъ обвѣнчался. Эрастъ не смѣлъ плакать въ присутствїи Леонида, но огорчился душевно: Каллиста была послѣднимъ предметомъ его нѣжныхъ слабостей! . . . Другъ обходился съ нимъ ласково, но не предлагалъ ему жить въ домѣ своемъ!

Эрастъ думалъ посвятить остатокъ жизни тихому уединенію и Литтературѣ; но, къ нещастью, ему отдали медальйонъ съ волосами Каллисты и письмо, которое она писала къ нему за шесть дней до кончины своей. Онъ узналъ, что Каллиста любила его страстно, нѣжно и постоянно; узналъ, что сія любовь, противная добродѣтели, сократила самую жизнь ея. Бѣдной Эрастъ! . . . Меланхолія его обратилась въ отчаяніе. Ахъ! лучше сто разъ быть обманутымъ невѣрными любовницами, нежели уморить одну вѣрную! . . . Въ изступленіи горести онъ всякой день ходилъ обливать слезами гробъ Каллисты и терзать себя упреками; однакожь бывали минуты, въ которыя Эрастъ тайно наслаждался мыслію, что его хотя одинъ разъ въ жизни любили пламенно! . . .

Онъ скоро занемогъ, но успѣлъ еще отдать половину своего имѣнія Нинѣ, свѣдавъ, что она терпитъ нужду. Сія женщина, наказанная судьбою за невѣрность, и тронутая великодушіемъ супруга, оскорбленнаго ею, спѣшила упасть къ ногамъ его. Эрастъ умеръ на ея рукахъ, съ любовію произнося имя Каллисты и Нины: *душа его примирилась съ женщинами, но не съ судьбою!* . . . Леонидъ

не ѣздилъ къ больному, ибо Медики объявили его болѣзнь заразительною; онъ не былъ и на погребенїи, говоря: *бездушный трупъ не есть уже другъ мой!* . . . Два человѣка погребли его и съ искреннею горестїю оплакали: Нина и добродушный камердинеръ Эрастовъ. . . .

Леонидъ дожилъ до самой глубокой старости, наслаждаясь знатностїю, богатствомъ, здоровьемъ и спокойствїемъ. Государь и государство уважали его заслуги, разумъ, трудолюбїе и честность; но никто, кромѣ Эраста, не имѣлъ къ нему истинной привязанности. Онъ дѣлалъ много добра, но безъ всякаго внутренняго удовольствїя, а единственно для своей безопасности; не уважалъ людей, но берегся ихъ; не искалъ удовольствїй, но избѣгалъ огорченїй; *не-страданїе* казалось ему наслажденїемъ, а равнодушїе талисманомъ мудрости. Естьли бы мы вѣрили прехожденїю душъ, то надлежало бы заключить, что душа его настрадалась уже въ какомъ нибудь первобытномъ состоянїи и хотѣла единственно отдыхать въ образѣ Леонида. Онъ лишился супруги и дѣтей; но воображая, что горесть безполезна, старался забыть ихъ. — Любимою его мыслїю было,

что здѣсь все для человѣка, а человѣкъ только для самого себя. При концѣ жизни Леонидъ согласился бы снова начать ее, но не желалъ того: ибо стыдился желать невозможнаго. Онъ умеръ безъ надежды и страха, какъ обыкновенно засыпалъ всякой вечеръ.

А. Б. В. Ц.

ПОЛИТИКА.

I.

Извѣстія и замѣчанія.

Можно сказать, что Европа имѣетъ нынѣ только одну мысль: всѣ умы занимаются Французскою высадкою, для которой благопріятное время наступаетъ. Извѣстно, что въ Октябрѣ и въ Ноябрѣ мѣсяцѣ свирѣпствуютъ южно-западные бурные вѣтры, которые могутъ разсѣять флоты Англійскіе; гавани Республики, теперь *осажденныя* ими, будутъ свободны, и Французы, пользуясь щастливою минутою, выдутъ въ море — такъ пишутъ въ Вѣдомостяхъ; такъ думаютъ не только Журналисты и частные люди, но (какъ увѣряютъ насъ) и самые Министры. Страшныя приготовленія Французовъ увѣрили Европу, что Консулъ дѣйствительно и непремѣнно хочетъ завоевать Великобританнію. Франція вездѣ представляетъ картину ревностной, неусыпной воинской дѣятельности. Дороги усѣяны войсками, которыя спѣшатъ изъ всѣхъ Департаментовъ къ западнымъ и сѣвернымъ берегамъ Рес-

публики; большая часть лѣсовъ вырублена; на всѣхъ рѣкахъ строятъ лодки и суда; въ арсеналахъ день и ночь трудится около 500,000 работниковъ. Уже Бонапарте назначилъ Адмирала: Брюи, который нѣкогда весьма щастливо *уходилъ* на моряхъ отъ Англичанъ и привелъ въ Брестъ флотъ Гишпанскій, долженъ командовать *народною флотилліею*, распустилъ флагъ свой въ Кале, и въ торжественной прокламаціи говоритъ Республиканцамъ: „Уже гремитъ вопль мщенія. „День ужасный готовится. Благопріятный вѣтръ въ нѣсколько часовъ поставитъ васъ на берега Англіи!“ — 180,000 Французовъ собирается въ разныхъ лагеряхъ для высадки. Главная квартира въ Гентѣ, куда Консулъ немедленно отправился, чтобы, находясь въ центрѣ войскъ, управлять ихъ движеніями. Одни увѣрены, что Бонапарте хочетъ самъ командовать экспедиціею; а другіе думаютъ, что онъ останется на берегу, въ ожиданіи успѣха, и поручитъ армію Массенѣ или другому Генералу. О Моро не говорятъ ни слова. Консульская гвардія выступаетъ въ походъ... „Естьли первая экспедиція не удастся (пишутъ изъ „Франціи), то мы отправимъ вторую,

„а за нею и третью армїю“ . . . Это легко сказать, а не сдѣлать; первая удача или неудача должна все рѣшить. . . Между тѣмъ признаемся, что намъ иныне не хотѣлось бы еще вѣрить сему гигантскому предпрїятїю. Не уже ли великїй умъ Консула можетъ быть такъ ослѣпленъ желанїемъ мести? Донынѣ онъ во всемъ, или почти во всемъ, имѣлъ успѣхи; но *Фортуна женщина*, говорятъ мудрые. Дерзость бываетъ спасительна только въ крайности: а Францїя сильна и велика. Намъ всегда казалось, что мстительность не входитъ въ здравую Политику. Британцы ненавидятъ величїе Францїи, зная, что ихъ паденїе неминуемо, естьли Республика удержится на той степени могущества, на которую поставилъ ее Бонапарте. Сїя ненависть должна ему казаться естественною и даже справедливою, будучи основана на патрїотизмѣ. Естьли онъ сохранитъ настоящую силу и влїянїе Францїи на твердой землѣ, то безъ всякихъ отважныхъ предпрїятїй въ нѣсколько лѣтъ побѣдитъ Англичанъ. Самовластїе ихъ на моряхъ оскорбляетъ всѣ Державы: рано или поздно онѣ могутъ прибѣгнуть къ чему нибудь рѣшительному — могутъ наконецъ затворить свои гавани для

Англичанъ, тѣмъ охотнѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе Консулъ уважалъ бы достоинство неутральныхъ государствъ и независимость Европы. Пусть Великобританнія царствуетъ въ Индіи и владѣетъ всѣми островами на свѣтѣ: ежели не будутъ пускать ея кораблей черезъ Зундъ, то она, уже почти совсѣмъ отрѣзанная отъ южной Европы, безъ сомнѣнія смиритъ гордость свою и захочетъ мира, чтобы Индѣйскіе и Американскіе товары не сгнили въ Лондонскихъ магазинахъ и фабрики ея не остались безъ дѣла (*). Тогда Бонапарте восторжествовалъ бы совершенно, и гордые враги его признали бы *свободу морей*, которую онъ обѣщаетъ доставить свѣту своею грозною высадкою. Но для ускоренія сей щастливой эпохи ему не надлежало бы вводить войска въ Ганноверъ и наказывать Германію за Англичанъ: дѣйствіе силы, оскорбительное для всѣхъ друзей справедливости — и для самыхъ Кабинетовъ, какъ надобно думать!

(*) Естьли бы Великобританнія въ такомъ случаѣ снова отправила Нельсона къ Ревелю, то онъ могъ бы и не возвратиться.

Мы удивляемся, что нѣкоторые Политики съ такою легкостїю говорятъ о возможности завоевать Англїю. Какое государство исчезло вдругъ, будучи, подобно Великобританнїи, на высочайшей степени величїя? Народы такъ скоро не переходятъ отъ славы къ рабству, — отъ славы, которая доказываетъ силу ихъ духа. 17,000 Англичанъ завоевали Египетъ, гдѣ было столько же Французскаго войска, и притомъ отборнаго: слѣдственно они умѣютъ и на землѣ сражаться. 50,000 человѣкъ милицїи, столько же регулярнаго войска и полмилліона волонтеровъ не положатъ ружья передъ Консуломъ, когда имъ надобно будетъ спасти отечество и народную независимость. Такой армїи еще никто не побѣждалъ отъ начала мїра. Не только Каналъ, но и берегъ Англїи по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ быть могилою для Французовъ. Иное дѣло, естьли бы удалось имъ 40 или 50 тысячь высадить на берега Ирландїи: сїе войско осталось бы безъ сообщенїя съ Францїею, но легко могло бы выгнать оттуда Англичанъ, которыхъ ненавидятъ Ирландцы. Сїя страна есть нынѣ самая нещастная на земномъ шарѣ, будучи театромъ ужаса, казней, остер-

вененія заговорщиковъ и хотя необходимыхъ, но печальныхъ мѣръ строгаго воинскаго правленія. Никто изъ жителей не увѣренъ въ своей безопасности; доносы и подозрѣніе наполняютъ тюрьмы отцами семействъ; въ домахъ безпрестанные осмотры; солдаты штыками отворяютъ дверь въ кабинеты и въ спальни самыхъ знаменитыхъ гражданъ, которымъ дозволяется выходить изъ дому единственно въ назначенное для того время. Не давно взяли подъ стражу въ Дублинѣ Русселя, одного изъ главныхъ заговорщиковъ. Сей человѣкъ долго служилъ съ великимъ отличіемъ въ Англійскихъ арміяхъ, но присталъ къ недовольнымъ Ирландцамъ, сидѣлъ уже два раза въ темницѣ, былъ освобожденъ по заключеніи мира, ѣздилъ тайно въ Парижъ и возвратился въ Ирландію при началѣ нынѣшняго возмущенія. Онъ хотѣлъ оборонятьcя, но будучи обезоруженъ, сказалъ хладнокровно: „я рѣшился умереть за свое отечество: на „полѣ сраженія или на эшафотѣ, все „одно!“ И другіе судимые заговорщики оказываютъ такую же твердость. Однимъ словомъ, Ирландцы еще болѣе враги Англичанамъ, нежели Французы, и конечно съ нетерпѣніемъ ожидаютъ сихъ по-

слѣднихъ. Естьли Бонапарте въ самомъ дѣлѣ хочетъ отважиться на высадку, то всего вѣроятнѣе, что не Англія, а Ирландія будетъ ея предметомъ.

Но точно ли онъ имѣетъ сіе намѣреніе? Не хочетъ ли единственно того, чтобы Англія, безпрестанно ожидая Французовъ, истощала казну на содержаніе многочисленной арміи, изнуряла народъ податями и не предпринимала важныхъ экспедицій? Въ такомъ случаѣ хвала и слава его хитрости: ибо ему удалось обмануть не только Гакесбури съ Аддингтономъ, но и всю Европу. Напряженіе силъ, въ которомъ видимъ теперь Англію, вредно для ея торговли и промышленности; естьли оно еще долго не прекратится, то народъ безъ сомнѣнія захочетъ мира: чего только, можетъ быть, и желаетъ Консулъ. Строеніе лодокъ не разоритъ Франціи; а войску и безъ высадки надлежало бы занять берега, для ихъ защиты отъ Англичанъ, которые вездѣ могутъ приставать, гдѣ хотятъ. Отъ Бреста до Кале бомбы ихъ сыплются на приморскіе города Франціи и разрушаютъ мирныя жилища бѣдныхъ семействъ; какъ не достойно Британцевъ

дѣлать зло частнымъ людямъ безъ всякой для себя пользы!

Изъ Парижа увѣдомляютъ, что Тюлерійскій Дворъ оказываетъ къ двумъ Посламъ великую благосклонность: къ Легату Его Святѣйшества и къ Луккезини, Министру Прусскому. Папа нуженъ для успокоенія набожныхъ людей въ Республикѣ; а Берлинскій Кабинетъ (естьли вѣрить Журналамъ) бездѣйствіемъ и снисхожденіемъ своимъ болѣе другихъ нравится Консулу. — Пишутъ также, что Бонапарте нынѣ гораздо здоровѣе прежняго. Il se porte très bien de la ſanté de la France, сказано въ Гамбургскихъ вѣдомостяхъ, и Медикъ его увѣряетъ, что ему надобно жить по крайней мѣрѣ еще сорокъ лѣтъ. — Замѣчаютъ, что съ нѣкотораго времени Бонапарте мало выѣзжаетъ и въ часы аудіенціи говоритъ только о погодѣ и другихъ маловажныхъ вещахъ, занимаясь Политикою единственно въ кабинетѣ своемъ.

Французская армія собирается на границахъ Гишпаніи подъ начальствомъ Генерала Ожеро. Ей должно итти въ Португалію. Между тѣмъ слышно, что сія Держава согласилась уже на всѣ требованія Республики, и первый Министръ Альмеида, другъ Англичанъ,

уступилъ свое мѣсто Господину Пинто. Сверхъ того Португаллія заплатитъ Франціи 15 милліоновъ рублей. — Къ темнымъ явленіямъ нашего времени принадлежитъ удивительная кротость Британскаго Министерства въ разсужденіи Гишпаніи: она совершенно зависитъ отъ Бонапарте и принимаетъ въ свои гавани какъ военные корабли Французовъ, такъ и добычу ихъ каперовъ; но Англія не объявляетъ ей войны. — Славный и великій Питтъ сдѣлался нынѣ солдатомъ: надѣлъ мундиръ и командуетъ волонтерами. Шериданъ также набираетъ полкъ и съ обнаженною шпагою маршируетъ передъ фрунтомъ.

Французскія вѣдомости, издаваемыя въ Лондонѣ, послѣ Бонапарте никого не бранятъ такъ ужасно, какъ Папу, за то, что Его Святѣйшество душею и сердцемъ преданъ Консулу. Надобно замѣтить, что издатели сихъ вѣдомостей называются усердными Католиками!

Изъ Константинополя пишутъ, что новый Калифъ Мехабъ наконецъ разбитъ славнымъ Джезаромъ, Акрскимъ Пашею; но сіе извѣстіе еще требуетъ подтвержденія. Турецкая Имперія явно отжила вѣкъ свой. — Арнауты, завла-

дѣвъ Каиромъ, соединились съ Беями. Судьба не хочетъ возвратить Египта подъ власть Султанскую. — Въ Италіи думаютъ, что Французы посѣтятъ оттуда Морею; но это кажется невѣроятнымъ. Между тѣмъ Пасванъ-Оглу спокойно куритъ табакъ въ Виддинѣ, но часто задумывается — и Физіогномисты угадываютъ, что умъ и воображеніе его работаютъ сильно.

Война свирѣпствуетъ и въ другихъ частяхъ міра. Въ Китаѣ самъ Императоръ долженъ былъ сразиться съ мятежниками: онъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду, но силы ихъ все еще велики. Въ Индіи Англичане бьютъ Маратовъ и взяли главный ихъ городъ. Они же на островѣ Цейлонѣ завоевали Королевство Канди, прекраснѣйшую страну въ свѣтѣ. — Даже и въ Отагити, на островѣ мирномъ и щастливомъ, льется кровь человѣческая за идола Куку или Муму! . . . „Люди хотятъ мира," сказалъ Философъ Кантъ: „но Природа говоритъ имъ: *деритесь!*" Они слушаются Природы.

Издатель объявляетъ своимъ благосклоннымъ Читателямъ, что сей Журналъ прекратится съ нынѣшнимъ годомъ. *Вѣстникъ* занималъ Издателя, можетъ быть, гораздо болѣе и пріятнѣе, нежели Читателей; но слабые глаза принуждаютъ его отказаться отъ работы постоянной и срочной. Онъ не имѣлъ сотрудниковъ, и публика до сего времени не могла жаловаться на его неисправность.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТЯБРЬ 1805.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо Руского путешественника изъ Парижа отъ 12 Сентября 1803.

Желаніе мое исполнилось, любезной Н. М. Я въ Парижѣ, и живу пріятно и весело. Каждой день вижу что нибудь новое, и каждой день наслаждаюсь. Сегодня поутру ходилъ я слушать славнаго Метафизика Сикара. Онъ говоритъ хорошо, но слишкомъ плодовито. Ученикъ его Масьё удивилъ меня своими отвѣтами на вопросъ: *что такое Богъ? — Солнце вѣчности*, отвѣчалъ онъ: *душа вселенной, отецъ отцевъ, причина причинъ, машинистъ Природы.* — Маленькая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, глухая и нѣмая отъ рожденія, читала вслухъ стихи и выговаривала довольно чисто; только mon-de (свѣтъ) она иначе сказать не можетъ, какъ mo-de,

и на каждомъ словѣ должна непремѣнно останавливаться. — Сикаръ чрезвычайно самолюбивъ; онъ доказывалъ, что Аббатъ де л'Епе во многомъ ошибался. *J'ai trouvé le verre*, сказалъ ему однажды сей почтенной человѣкъ: *c'est à vous à faire des lunettes* (*я изобрѣлъ стекло; а вамъ остается сдѣлать очки*).

Каждую середу обѣдаю у Г. Балка съ здѣшними Учеными, и успѣлъ уже со многими познакомиться. Дюсизъ и Бернардень де Сен-Пьеръ добрые и милые люди; послѣдній очень старъ и дряхлъ, но еще пріятенъ умомъ. Арно, Авторъ трагедіи Марія, человѣкъ съ отмѣнными дарованіями. Виже уменъ и довольно любезенъ, но такъ много о себѣ думаетъ, такъ много говоритъ, что наконецъ проклинаешь и умъ его и любезность. Мерсье ничто иное, какъ сумасшедшій; онъ не давно сочинилъ сатиру, въ которой ругаетъ какъ можно болѣе Астрономію, Невтона, Бюффона и пр. Я выпишу изъ нее нѣсколько стиховъ, чтобъ дать вамъ идею о цѣломъ сочиненіи.

Les constellations, je les ai dans ma poche;
Le globe de la terre est toujours à la broche,
Sous les yeux du soleil, ce beau dindon rôti
D'un si large bienfait n'est pas seul investi.
Tournez également, succulentes planètes! &c.

На сихъ дняхъ я былъ у Госпожи Жанлисъ. Она принимаетъ хорошо, говоритъ умно и просто. — „Я рѣдко вижусь съ Авторами,“ сказала она мнѣ: „люблю ихъ читать, а не быть съ ними.“ — Госпожа Жанлисъ ненавидитъ Философію, вздыхаетъ о прошедшемъ и пишетъ романы въ ожиданіи будущаго. Она всѣмъ недовольна, а болѣе всего, кажется мнѣ, старостью.

Въ прошедшее Воскресенье, въ день блаженнаго Августина, славной Ораторъ Аббатъ де Булонь говорилъ проповѣдь. Многіе утверждаютъ, что онъ не хуже Массильйона. Я слушалъ его съ удовольствіемъ; но признаюсь, что всего болѣе поражало меня умиленіе Французовъ, которые не давно жгли церкви и гнали Священниковъ. Ораторъ говорилъ о пользѣ Религіи, о монастырскихъ учрежденіяхъ, о должномъ почтеніи къ пастырямъ церкви, и пр. Я самъ думаю, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильйонъ достойнѣе любви Вольтера и Дидерота; одни были истинные друзья человѣчества, другіе желали отнять у насъ единственное утѣшеніе — Вѣру!

Кто хочетъ видѣть совершенную красавицу, тотъ долженъ итти въ *Музеумъ Наполеона* и смотрѣть на преле-

стную *Венеру Медицисъ!* Я согласенъ съ *Дюлати*, что *въ ней все Венера.* — Въ той же залѣ поставлена славная группа Лаокона и величественный *Аполлонъ* Бельведерскій. Антиной также достоинъ удивленія. Онъ задумался; кажется, что меланхолія запечатлѣла уста его. Въ другой залѣ представляется взору славная *Венера Капитолинская.* Многіе знатоки предпочитаютъ ее Венерѣ Медицисъ; но я не знатокъ, и люблю то, что болѣе дѣйствуетъ на мое сердце.

Французы ласковы и любятъ иностранныхъ. Красавицъ вездѣ много; но должно признаться, что нигдѣ нѣтъ столько любезныхъ женщинъ, какъ во Франціи. Все Нимфы и Граціи! Госпожа Рекамье мила, добра, но совсѣмъ не такъ хороша, какъ говорятъ объ ней Здѣсь продаютъ ея портреты, и когда она показывается въ обществѣ, то всѣ бѣгутъ и толпятся вокругъ ее. Мужъ ея принялъ меня очень хорошо. Вчера я у него обѣдалъ; а Госпожа Рекамье предложила мнѣ мѣсто въ ложѣ своей. У нихъ въ домѣ познакомился я съ славною Актрисою Дюшеноа, которая чрезмѣрно дурна лицомъ, но играетъ въ трагедіяхъ прекрасно. Вы знаете мою страсть къ спекта-

клямъ, и можете вообразить, съ какимъ удовольствїемъ бываю въ Парижскихъ! — — Изъ здѣшнихъ многихъ гульбищъ самое прїятнѣйшее есть Фраскати... Тамъ встрѣтился я съ нашею Московскою знакомкою, любезною Госпожею Вайлеръ, которой подлинное имя есть Дюкре де Вильнёвъ. Она и мужъ ея чрезмѣрно обрадовались такой нечаянной встрѣчѣ.

Мы были въ Сен-Клу представлены Первому Консулу. Физїономїя его прїятна, глаза полны огня и ума; онъ говоритъ складно и вѣжливо. Аудїенцїя продолжалась около получаса. Тамъ, въ большой залѣ, стоитъ картина, изображающая Федру съ Ипполитомъ. Она есть славное произведенїе живописца Гереня. Федра сидитъ подлѣ Тезея; мечь Ипполитовъ въ ея рукахъ; на блѣдномъ лицѣ ея изображаются любовь и отчаянїе. Ипполитъ, кажется, говоритъ:

Le jour n'eſt pas plus pur que le fond de mon cœur.

Расинъ, увидѣвъ эту картину, конечно обнялъ бы Гереня отъ всего сердца. Насъ представляли также и Госпожѣ Бонапарте, которая принимаетъ всѣхъ съ величайшею любезностїю.

Не буду вамъ говорить о Версалїи, великолѣпномъ ея дворцѣ и садахъ, кото-

рые вы знаете. Подобно вамъ, я гулялъ въ Тріанонѣ и наслаждался пріятнымъ вечеромъ. Тамъ, гдѣ все украшалось нѣкогда присутствіемъ Маріи Антуанеты, видны теперь меланхолическія развалины! Ресторатёръ живетъ въ ея комнатахъ. Тріанонскія воды обратились въ луга; гдѣ прежде ловили рыбу, тамъ косятъ сѣно. Грошъ, *хуторъ*, *хижина*, существуютъ и нынѣ; но все близко къ разрушенію.

Le Journal des Débats и *l'Observateur Français* любопытнѣе всѣхъ прочихъ Журналовъ. Жофроа заступилъ здѣсь мѣсто покойнаго Фрерона; ругаетъ и критикуетъ Вольтера, Жан-Жака, и проч. Онъ пишетъ очень умно и забавно, и всѣ читаютъ съ удовольствіемъ его Журналъ — даже и враги его. Издатель *Французскаго Наблюдателя* также пишетъ пріятно, и всегда старается противорѣчить сопернику своему Жофроа. Прочіе Журналы здѣсь въ совершенномъ забвеніи.

П. П. Нынѣшній вечеръ провелъ я съ Аббатомъ Сикаромъ. Онъ разсуждалъ о безсмертіи души, и мнѣ казалось, что я бесѣдую въ Аѳинахъ съ Платономъ. — „Атеисты и Матеріалисты не чистосердечны," сказалъ Сикаръ: „они сами „увѣрены, что мы имѣемъ шестое чув-

„ство, которое управляетъ прочими. „Глазъ, на примѣръ, видитъ, а душа „различаетъ и говоритъ: *это дерево*, „*столъ*, *цвѣтокъ*, и проч. — *Думать* „есть говорить съ собою *внутреннимъ словомъ*, parole intèrieure, а говорить есть „думать вслухъ. — Даръ слова происхо„дитъ непосредственно отъ Бога.“ — Виже спорилъ съ Сикаромъ объ одномъ грамматическомъ правилѣ; наконецъ согласился съ нимъ, обнялъ его и сказалъ: mon ami, je ſuis un Grammatiſte, mais vous êtes un Grammairien. *В. Пушкинъ*

II.

Руская старина.

(Сообщаемъ публикѣ анекдоты и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя нами изъ чужестранныхъ Авторовъ, которые во время Царей жили въ нашей столицѣ, и которые не во всѣхъ библіотекахъ находятся. Думаемъ, что эта статья для многихъ читателей будетъ занимательна. Къ нещастью, мы такъ худо знаемъ Руску́ю старину, любезную для сердца Патріотовъ!)

Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей.

Сїе великое число покажется удивительно; но должно знать, что всякой Бояринъ, всякой знатной или богатой человѣкъ того времени хотѣлъ имѣть собственную церковь свою. Онѣ были почти всѣ деревянныя и маленькїя. Патрїархъ Никонъ, видя частые въ Москвѣ пожары, уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ людей строить каменныя церкви, и множество деревянныхъ было при немъ сломано. Олеарїй говоритъ о *пятидесяти* церквахъ въ Кремлѣ; но вѣроятно, что онъ и придѣлы называетъ храмами. — Иностранцы, замѣчая, что всѣ наши церкви внутри бываютъ съ круглыми сводами, хотѣли знать причину того, но не могли свѣдать ее. Извѣстно, что и языческїе храмы (какъ на примѣръ, Пантеонъ въ Римѣ) по большой части имѣли круглые своды: видъ неба безъ сомнѣнїя служилъ для нихъ образцомъ. — Католики и Лютеране спрашивали также у Рускихъ: для чего въ храмахъ нашихъ не бываетъ музыки? „Для того (отвѣ-„чали они), что инструменты бездуш-„ные не могутъ хвалить Бога, и что „въ Новомъ Завѣтѣ совсѣмъ не упоми-„нается о музыкѣ.“ — Олеарїй и другїе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Руское ухо могло сносить страшной

звонъ Московскихъ колоколовъ. Въ большой колоколъ Годунова, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, звонили единственно въ большіе праздники, или тогда, какъ Цари принимали въ Кремлѣ важныхъ Пословъ чужестранныхъ. — Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся, или передъ иконами, стоящими на воротахъ, или передъ крестами церквей. Герберштеинъ, бывшій въ Москвѣ еще при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ, также замѣчаетъ великую набожность Рускихъ, и пишетъ, что они, приходя одинъ къ другому въ гости, обыкновенно снимаютъ шапку въ дверяхъ, ищутъ глазами не хозяина, а иконъ; становятся посреди горницы, три раза крестятся и кланяются имъ, говоря въ слухъ: *Господи помилуй*; а тамъ уже оборачиваются къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже здравія тебѣ и домочадцамъ твоимъ!* — До самыхъ временъ Императора ПЕТРА Великаго Рускіе Священники не смѣли говорить проповѣдей въ церквахъ; начальники Духовенства боялись ереси и расколу, который, по ихъ мнѣнію, могъ родиться отъ своевольныхъ изъясненій

Св. Писанія. Во время Патріарха Никона Муромскій Протопопъ Логинъ отступилъ отъ сего закона и началъ проповѣдывать въ церкви, уговоривъ и другихъ Муромскихъ Священниковъ слѣдовать его примѣру. Народъ слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ; но Патріархъ, свѣдавъ о томъ, разстригъ Логина и товарищей его, и сослалъ ихъ въ Сибирь. — Цари бывали со всѣми Боярами ежегодно два или три раза въ Монастырѣ Троицкомъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь всегда праздновалъ тамъ день Троицы и свои имянины въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Не доѣзжая до монастыря за три версты, онъ выходилъ изъ коляски или берлина, чтобы со всѣми Боярами итти пѣшкомъ до самыхъ воротъ, гдѣ встрѣчалъ его Архимандритъ. Царь живалъ тамъ по-нѣскольку дней, и часто забавлялся охотою въ окрестныхъ мѣстахъ. Петрей говоритъ, что Архимандритъ, по старинному обыкновенію, долженъ былъ угощать Царей и свиту ихъ на счетъ богатой казны монастырской. — Всѣ Рускіе Государи старались отличить себя благочестіемъ; но едва ли кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться въ усердной набожности съ Михаиломъ Ѳеодорови-

чемъ, который, по словамъ Олеарія, почти всегда молился въ церкви на колѣняхъ и падалъ ницъ передъ иконами.

Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ бѣлой-городъ), *Скородомъ* и Стрѣлецкую Слободу, бывшую за Москвою-рѣкою. Кремль считался только частію Китая-города. Олеарій пишетъ о великолѣпіи дворца, построеннаго въ Италіянскомъ вкусѣ Царемъ Михаиломъ для сына его, Алексѣя Михайловича; самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ деревянномъ домѣ. Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли домы въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ. Олеарій не изъясняетъ имени Кремля; но мы знаемъ, что оно Татарское и значитъ *крѣпость*. За то онъ сказываетъ намъ, что имя Китая-города значитъ *средній городъ* — вѣроятно, также на Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, изъ котораго наши предки заимствовали довольно словъ. Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые

Князья Московскіе и дворяне. Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василія Блаженнаго, разсказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколоть глаза Архитектору ея, чтобы онъ не могъ построить другова, столь же красиваго храма: возможно — но справедливо ли? оставимъ безъ изслѣдованія. По крайней мѣрѣ сей анекдотъ разсказывали у насъ въ старину за истину. Не далеко отъ Василія Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары. На Красной Площади *съ утра до вечера* толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго роду вещей. Сіе мѣсто походило на Римскій Форумъ. Тутъ разсказывались всякія любопытныя вѣсти. Уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (вѣроятно, что и гораздо прежде) для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ. Олеарій именуетъ ряды шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и проч. Онъ говоритъ еще о рынкѣ (между Посоль-

скимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была тамъ устлана какъ *мягкими тюфяками.* Китай-городъ окруженъ былъ *красною*, а *Царь-городъ* бѣлою стѣною. Въ сей части города жили Дѣти Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство, купцы имѣвшіе торгъ съ другими городами, ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *логанымъ прудомъ.* — Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *бѣлымъ городомъ*) называлась *Скородомомъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не требовало много времени. Тамъ находился лѣсной рядъ, гдѣ продавались всегда готовые срубы. Въ *Скородомѣ*, окруженномъ *деревянною* стѣною съ башнями, жили мѣщане и подъячіе. — Четвертая часть города, или Стрѣлецкая Слобода (за Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена во время Князя Василья Ивановича для иностранныхъ солдатъ, взятыхъ имъ въ Руску́ю службу. Во время Годунова, Димитрія и Царя Михаила Ѳеодоровича жили тамъ Стрѣльцы и самые бѣднѣйшіе люди.

Густая борода и толстое брюхо считались на Руси великимъ украшенїемъ человѣка. Цари, принимая чужестранныхъ Министровъ, нарочно окружали себя людьми дородными, чтобы тѣмъ придать болѣе важности своимъ аудїенцїямъ. Знатные господа обыкновенно подбривали себѣ волосы кругомъ, и единственно тогда отпускали ихъ, когда впадали при Дворѣ въ немилость. Бояринъ съ длинными волосами ходилъ всегда потупивъ глаза въ землю, и народъ, встрѣчаясь съ нимъ, говорилъ: *Царь - Государь на него прогнѣвался.* — Иностранцы чрезмѣрно хвалили красоту Московскихъ женщинъ, но съ отвращенїемъ говорили о странномъ ихъ обыкновенїи *размазывать* себѣ лицо бѣлилами и румянами, такъ, что сїи грубыя краски лежали на немъ толстыми слоями. Сїя безобразная мода перешла въ Россїю изъ Константинополя еще во время Великихъ Князей Кїевскихъ. Бѣдныя красавицы наши иногда со слезами должны были ей слѣдовать. Олеарїй разсказываетъ, что въ бытность его въ Москвѣ жена Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкасскаго, будучи молода и прекрасна, не хотѣла бѣлиться; но всѣ знатныя женщины объявили ей войну за такое презрѣнїе къ древнему обык-

новенію, подбили мужей своихъ вступиться за честь бѣлилъ, и наконецъ принудили молодую Княгиню раскрасить, подобно другимъ, нѣжное лицо ея.

Предки наши носили не совсѣмъ такое платье, какое нынѣ называется *Русскимъ*. Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитой разными шелками, и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставлялся изъ-подъ одежды) они надѣвали узкое и короткое полу-кафтанье, едва достававшее до колѣнъ, и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ тафты или атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и стоячимъ; а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но всегда стеганый и называемый *ферезія* (*); а когда имъ надлежало выйти изъ дому, тогда всякой наряжался въ кафтанъ длинной, суконной, темно-синій или кофейной, иногда же въ парчевой или атласной, съ широкимъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и съ длинными сбористыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранилось множество въ Царской кладовой; — въ день

(*) Нынѣ мы называемъ *ферезями* одни нарядные сарафаны.

аудїенцїи давали ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова запирали въ сундуки. — Бояре, при всякомъ торжественномъ случаѣ, являлись въ *высокихъ* шапкахъ, собольихъ и черныхъ лисьихъ; а другїе знатные или богатые люди носили обыкновенно бархатныя съ собольею опушкою. Сапоги у нихъ были короткїе, по большой части изъ Персидскаго сафьяна, остроносые и съ высокими каблуками. Женщины носили ферези, или сарафаны, а сверхъ шубы или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мущины, съ застежками или съ серебряными пуговицами. Замужнїя ходили въ шапкахъ (*) съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ и вышитыхъ золотомъ; а дѣвицы въ большихъ лисьихъ. — Маржеретъ говоритъ, что знатныя Рускїя женщины обыкновенно провожали верхомъ Царицу, когда она ѣзжала гулять за городъ: это покажется иному невѣроятнымъ; но для чего же лгать Маржерету, который долго жилъ въ Москвѣ при Годуновѣ и Димитрїѣ? Надобно думать, что Рускїя женщины переняли ѣздить верхомъ у Татарокъ.

(*) По крайней мѣрѣ не лѣтомъ, какъ надобно думать.

Описанїе домашней жизни старыхъ Рускихъ Бояръ безъ сомнѣнїя не плѣнитъ нашего воображенїя. Не многїе изъ нихъ имѣли каменные домы, и то уже во время Романовыхъ; при Годуновѣ жили они въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ. Горницы обивались иногда выбѣленною холстиною, и единственнымъ украшенїемъ ихъ были образа. Домашняя посуда состояла — въ горшкахъ, въ деревянныхъ или оловянныхъ чашахъ и тарелкахъ. Въ одномъ дворцѣ подавали кушанье на серебрѣ; богатые и знатные люди имѣли только чарки и стопы серебряныя. Щи, разныя похлебки, каши, пироги, ветчина, всякїя жареныя мяса (кромѣ телятины), икра и соленая рыба, составляли богатство Руской кухни. Олеарїй говоритъ, что старики наши съ похмѣлья ѣдали обыкновенно рубленую баранину съ огурцами, перцомъ, уксусомъ и разсоломъ огурешнымъ; что они крайне любили чеснокъ, и что въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ рѣдко проходилъ запахъ его. Иностранцамъ отмѣнно нравились Рускїе меды: малиновой, вишневой, смородинной и другїе. Что же касается до Италїянскихъ и Французскихъ винъ, то Бояре хотя и получали ихъ черезъ Архангельскъ, однакожь

предпочитали имъ водку. Знатные люди не рѣдко давали обѣды и приглашали къ себѣ гостей изъ нижшаго состоянія, на примѣръ изъ купцовъ: въ такомъ случаѣ сіи послѣдніе обыкновенно изъявляли благодарность свою дорогими подарками, такъ, что хозяинъ не оставался въ накладѣ. Естьли онъ хотѣлъ дружески обласкать ихъ, то призывалъ жену, чтобы она подчивала гостей водкою; иногда дозволялось имъ даже и цѣловать ее въ губы. Такимъ образомъ нѣкто изъ людей знаменитыхъ въ Москвѣ, угощая Олеарія, вызвалъ его въ другую комнату, гдѣ встрѣтила ихъ хозяйка въ богатой одеждѣ, поклонилась *сперва* мужу, а тамъ гостю; взяла изъ рукъ служанки подносъ съ налитою чаркою, сама отвѣдала и подала Олеарію. Сія молодая, прелестная женщина, исполняя волю супруга, должна была, закраснѣвшись, поцѣловать иностранца, и вручила ему бѣлую тафтяную ширинку, вышитую золотомъ и серебромъ.

Рускіе обѣдали въ старину часу въ одиннадцатомъ утра, и тотчасъ ложились отдыхать, какъ знатные, такъ и простые люди. Въ сіе время не льзя было итти въ гости ни къ купцу, ни къ Боярину; даже сидѣльцы запирали лавки

свои и въ лѣтнее время спали на землѣ передъ ними. Димитрій самозванецъ никогда не отдыхалъ послѣ обѣда и не ходилъ въ баню: жители Московскіе заключали изъ того, что онъ не Руской!

Жены богатыхъ и знатныхъ мужей вели обыкновенно жизнь праздную и мало думали о хозяйствѣ; вышивали платки и кошельки золотомъ; сидѣли поджавъ руки, или качались на качеляхъ съ служанками. Онѣ рѣдко выходили изъ дому, даже и въ церковь: ибо Рускіе мужья въ старину не стыдились быть ревнивыми. Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ коляскахъ, или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ. Всякая изъ нихъ сажала въ ногахъ своихъ *молодую рлбу*. Кругомъ шло множество слугъ, иногда до 30 и 40 человѣкъ, говоритъ Олеарій; а на лошади, впряженной въ колымагу или въ сани, висѣли лисьи хвосты. Такъ украшались и Боярскія и Царскія лошади; сихъ послѣднихъ обвѣшивали иногда и соболями.

Иностранцы, бывшіе при Царяхъ въ Москвѣ, находили нашихъ предковъ невѣждами въ сравненіи съ другими Европейскими народами; но изключали изъ

сего числа нѣкоторыхъ знатныхъ людей, уже имѣвшихъ довольно свѣдѣнїй. Такъ, на примѣръ, Олеарій чрезмѣрно хвалитъ умъ и любезность Боярина Никиты Ивановича Романова-Юрьева, человѣка веселаго и добродушнаго. Онъ былъ усерднымъ покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ, любилъ ихъ обычаи, музыку, даже сдѣлалъ себѣ Нѣмецкое платье, ѣздилъ въ немъ иногда на охоту, и не слушался Патрїарха Іосифа, который упрекалъ его такою *непристойностїю*; однакожь Іосифъ досталъ наконецъ хитростїю Нѣмецкое платье Боярина и сжегъ его. Сей Никита Ивановичь не рѣдко спорилъ съ Патрїархомъ о Религїи; говорилъ не много, но сильно и рѣзко: ибо онъ, будучи родственникомъ Государевымъ и любимъ всѣми, не боялся досадить ему. — Борисъ Ивановичь Морозовъ, воспитатель Царя Алексѣя Михайловича, описывается иностранцами также весьма умнымъ и любопытнымъ человѣкомъ. Онъ дружески обласкалъ Голштинскихъ Пословъ, бывшихъ въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ — угощалъ ихъ въ домѣ своемъ, веселилъ соколиною охотою и провожалъ съ музыкою по Москвѣ-рѣкѣ, когда они отправились водою въ Персїю. — Патрїархъ Никонъ есть важный характеръ для

Историка Россїи: иностранцы отдавали справедливость необыкновенному его разуму. Онъ жилъ, по ихъ извѣстїямъ, весьма хорошо и даже роскошно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своихъ; любилъ веселиться съ умными Боярами, любилъ шутить въ разговорахъ и сказалъ одной молодой Нѣмкѣ, которая приняла Греческую Вѣру и требовала его благословенїя: „прекрасная дѣвица! я не знаю, что „сдѣлать прежде: благословить или по„цѣловать тебя!“ . . . Надобно знать, прибавляетъ Авторъ, что духовныя Особы въ Россїи, по обряду церкви, должны братски лобызать тѣхъ, которые принимаютъ ихъ Религїю. — Впрочемъ Никонъ хотѣлъ всегда строгаго общественнаго благонравїя. Такъ, на примѣръ, онъ запретилъ музыку въ столицѣ, думая, что она можетъ развратить нравы; велѣлъ отобрать музыкальные инструменты не только въ питейныхъ, но и во всѣхъ частныхъ домахъ, и торжественно сжечь ихъ за Москвою-рѣкою. Одинъ Никита Ивановичь Романовъ не послушался его, и не переставалъ забавляться музыкою въ домѣ своемъ.

Герберштеинъ описываетъ Рускихъ Бояръ и дворянъ весьма гордыми. „Про„стые люди (говоритъ онъ) почти не

„имѣютъ къ нимъ доступа, и не могутъ „въѣхать верхомъ на Боярскій дворъ. „Знатной человѣкъ никогда не ходитъ „пѣшкомъ, боясь тѣмъ унизиться; ему „надобно сѣсть на лошадь, чтобы видѣть„ся съ сосѣдомъ, живущимъ отъ него въ „десяти шагахъ.“ — Сей же Герберштеинъ хвалитъ трудолюбіе и воздержность Московскихъ ремесленниковъ, которые, сходивъ въ праздникъ къ обѣднѣ, возвращались домой и снова принимались за дѣло: „ибо они думали (вотъ точныя сло„ва его!), что однимъ Боярамъ и знат„нымъ людямъ можно быть праздными, „и что работать гораздо душеспаситель„нѣе, нежели гулять и пьянствовать. „Впрочемъ и самый законъ дозволяетъ „имъ пить медъ и пиво въ одни большіе „праздники.“ — Еще и во время Великихъ Князей Московскіе купцы знали и твердили пословицу: *товаръ лицомъ продать.* Хитрость ихъ въ куплѣ и продажѣ удивляла Нѣмцовъ, которые говорили: „одинъ Сатана обманетъ Рускаго.“ Но естьли иностранецъ ошибкою платилъ Рускимъ купцамъ лишнія деньги, то они всегда отдавали ихъ назадъ, думая, что пользоваться такою ошибкою есть быть воромъ. — Мастеровые люди наши и въ старину славились отмѣнною переимчи-

востію. Иностранные художники, пріѣзжавшіе въ Россію со временъ Князя Іоанна, не пускали ихъ наконецъ въ свою мастерскую, боясь, чтобы они не сравнялись съ ними въ искусствѣ.

Къ чести Рускихъ, иностранцы замѣчали въ нихъ великую любовь къ благотворенію. По смерти всякаго богатаго человѣка родственники его, въ теченіе шести недѣль, ежедневно раздавали деньги бѣднымъ людямъ. Купецъ, идучи по утру въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломти, отдавалъ нищимъ, которые не только сами питались сею милостынею, но и продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ изъ остатковъ ея. — По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый день Пасхи, между заутрени и обѣдни, ходили въ городскую темницу, и сказавъ преступникамъ: *Христосъ воскресъ и для васъ!* дарили каждаго изъ нихъ *новою шубою*, и сверхъ того присылали имъ, чѣмъ разговѣться — Зимою обыкновенно получали Бояре запасъ изъ деревень своихъ: тогда ключники ихъ должны были навѣдываться о бѣдныхъ людяхъ и надѣлять ихъ мукою, масломъ и проч.

Такія достохвальныя черты нравовъ мирятъ насъ съ невѣжествомъ и суевѣ-

рїемъ нашихъ предковъ... . Они считали Астрономїю колдовствомъ. Слыша, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичь желаетъ оставить при Дворѣ своемъ Астронома Олеарїя, народъ ужасался и говорилъ: „Царь „хочетъ имѣть при себѣ волшебника, „который по звѣздамъ угадываетъ буду„щее!“ Это испугало Олеарїя. . . . Черезъ нѣсколько лѣтъ прїѣхавъ опять въ Москву, онъ вздумалъ однажды забавлять Дьяка иностранныхъ дѣлъ темною камерою, и показывалъ ему на стѣнѣ предметы, бывшїе на улицѣ: Дьякъ крестился. . . Всего страннѣе казалось ему то, что люди и лошади изображались вверхъ ногами и такимъ образомъ двигались. — Голландскїй Фельдшеръ, именемъ Квиринусъ, служившїй Царю, имѣлъ у себя въ горницѣ скелетъ человѣка. Однажды Квиринусъ игралъ на лютнѣ и вѣтеръ шевелилъ кости, висѣвшїя на стѣнѣ противъ растворенного окна. Стрѣльцы увидѣли это и разгласили по городу, что Голландскїй Фельдшеръ держитъ у себя мертвыхъ и заставляетъ ихъ плясать по лютнѣ. Дѣло дошло до Патрїарха, и бѣднаго Квиринуса хотѣли-было сжечь какъ волшебника. Къ щастью, удалось ему изъяснить свое колдовство Князю Ивану Борисовичу Черкаскому, и страш-

ная исторія кончилась тѣмъ, что Фельдшера выслали изъ Россіи, а скелетъ его сожгли за Москвою-рѣкою.

Нарвскій Пасторъ Мартинъ Беръ, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Годуновѣ, разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Царь „Борисъ занемогъ подагрою и велѣлъ „объявить въ столицѣ, что искусный „человѣкъ, который исцѣлитъ его отъ сей „болѣзни, будетъ щедро награжденъ Царскою милостію. Жена одного Сына Боярскаго вздумала тѣмъ воспользоваться, „чтобы отмстить мужу своему за разныя „его жестокости; пришла во дворецъ и „сказала, что мужъ ея знаетъ вѣрное „средство вылечить Царя, но не хочетъ „употребить его. Боярскаго Сына призываютъ, спрашиваютъ: онъ божится, „что не имѣетъ понятія о Медицинѣ. „Ему не вѣрятъ и грозятъ темницею, „даже казнію. Видя, какъ говорятъ по-„Руски, *бѣду неминуемую*, сынъ Боярскій требуетъ сроку — посылаетъ людей „своихъ накосить возъ травы, дѣлаетъ „изъ нее Царю припарки, и — боль утихаетъ, конечно не отъ лекарства, но „сама собою. Царь увѣрился въ искусствѣ „мнимаго врача, и велѣлъ наказать его „за то, что онъ не хотѣлъ сперва помочь „ему; однакожь наградилъ битаго соболью

„шубою, двумя стами рублей денегъ и „осмнадцатью дворами крестьянъ, обя„завъ его подпискою не мстить женѣ. „Слышно было, что супруги жили послѣ „того въ совершенномъ мирѣ и согласіи.“ — При Годуновѣ были уже въ Москвѣ иностранные Медики, которые лечили какъ Царя, такъ и знатнѣйшихъ Бояръ; но естьли лекарства не дѣйствовали и больной умиралъ на ихъ рукахъ, то имъ надлежало отвѣтствовать за сію неудачу какъ за уголовное преступленіе. Когда Датскій Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ Москвѣ, Борисъ Годуновъ объявилъ Докторамъ, что они жизнію своею заплатятъ за его смерть. Къ нещастью, Принцъ умеръ, и Медики должны были скрыться. Но скоро пришла къ Царю злая подагра, и онъ велѣлъ объявить имъ милостивое прощеніе. — Годуновъ и самъ давалъ Докторскіе патенты. Одинъ изъ его лекарей хотѣлъ ѣхать въ Нѣмецкій Университетъ, чтобы получить тамъ градусъ Доктора. „Это пустое,“ сказалъ Царь: „я знаю твое искусство, „жалую тебя въ первокласные Медики и „велю написать патентъ не хуже Универ„ситетскаго.“ — „Но только Дворъ и Бояре, „говоритъ Маржеретъ, прибѣгали къ ино„страннымъ врачамъ: всѣ другіе Москов-

„скіе жители не вѣрятъ ихъ искусству „и лечатся по своему; а именно, виномъ „съ растертымъ порохомъ или чеснокомъ: „что, вмѣстѣ съ жаркою банею, служитъ „для нихъ лекарствомъ во всѣхъ болѣз- „няхъ. Надобно признаться, что они „гораздо здоровѣе насъ, Французовъ. Въ „Россіи очень много людей за 80, 100 и „120 лѣтъ."

(*Продолженіе впредь.*)

III.

Докторъ въ маскарадѣ.

Утомленный танцованьемъ, молодой человѣкъ бросился на пустыя кресла въ маскарадной залѣ. Подлѣ него сидѣлъ доброй старикъ, который, слѣдуя обыкновенію, любилъ осуждать настоящее и хвалить старину. Между ими начался разговоръ.... „Я не могу равнодушно „видѣть, до какого безстыдства довела „мода нашихъ дѣвицъ и молодыхъ жен- „щинъ," говорилъ старикъ: „взгляните „на ихъ прозрачную одежду!... Много „ли тайнаго остается для щастливаго „жениха или супруга?"... Вы излишно

строги, отвѣчалъ молодой человѣкъ: одно запрещенное можетъ оскорбить нравственность, и только одна смѣлость преступать законъ ведетъ женщинъ къ разврату. Слѣдуя обыкновенію, онѣ не воображаютъ ничего дурнаго, и не вредятъ ни мало своей добродѣтели. Въ Турецїи женщина уже безстыдна, когда она не закрываетъ лица; а въ Спартѣ молодыя дѣвицы плясали едва не нагїя, и были цѣломудреннѣе, нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. . . Но какимъ образомъ зашли мы въ такой важной разговоръ? Посмотрите на средину залы: что можетъ быть плѣнительнѣе этова множества Грацїй, которыя сквозь тонкой флеръ показываютъ всѣ нѣжныя формы свои? Вообразите ихъ въ длинныхъ, толстыхъ штофныхъ платьяхъ съ безчисленными складками, которыя скрывали нѣкогда всѣ прелести, и даже самый образъ человѣческїй; вообразите залу, гдѣ вы танцовали въ молодости своей, и признайтесь, что она, въ сравненїи съ этою блестящею залою, была Египетскою пирамидою, наполненною мумїями!

А мнѣ кажется — сказалъ одинъ Медикъ, который вслушался въ ихъ разговоръ — что нынѣшняя прозрачная одежда красавицъ есть великое благодѣянїе

для гражданскаго общества, и Полиціи надлежало бы закономъ ввести ее въ употребленіе, когда бы мода не сдѣлала того сама собою. Кто нынѣ женится на дѣвицѣ больной или склонной къ болѣзни, тотъ пеняй единственно на себя. Всякой, имѣя нѣкоторое понятіе о Физіологіи и Анатоміи, можетъ теперь съ удобностію заниматься на балѣ медицинскими наблюденіями. На примѣръ". . . (Въ сію минуту шла мимо ихъ прекрасная дѣвица) . . . шея этой молодой женщины показываетъ великую склонность къ чахоткѣ: удивительно, естьли болѣзнь въ самыхъ первыхъ родахъ не откроется. И такъ, господа, gare le coeur! gare la main! *берегите сердце и руку!* . . . Плеча этой бѣлокурой томной женщины заставляютъ меня думать, что она можетъ имѣть весьма опасныя хроническія болѣзни"... Такимъ образомъ Медикъ сообщалъ свои наблюденія и разъ шесть сказалъ: *господа! берегите сердце и руку!* Но вдругъ явилась дѣвушка съ огненнымъ взоромъ, съ круглыми щеками, и взглянула на него съ улыбкою.... „Что касается до этой (продолжалъ онъ), то она совершенно здорова, и я лучшему другу своему посовѣтовалъ бы на ней жениться, естьли бы она не была — моею невѣ-

стою..." Медикъ, въ доказательство, что говоритъ правду, взялъ и поцѣловалъ руку сей здоровой красавицы.

(*Изъ Нѣм. Жур.*)

IV.

Модная Парижская пѣсня.

(Многіе изъ нашихъ читателей знаютъ Французской языкъ: для нихъ печатаемъ эту пѣсню, которая въ Сентябрѣ нравилась Парижскимъ красавицамъ.)

Sans que cela paraiſſe.
Chanſon.

Je hais cette publicité
Qu' aime la ſuffiſance;
Heureux auprès de ma Myrthé,
Je le ſuis en ſilence.
Le fat, s'il n'a que des rigueurs,
Les taît avec adreſſe;
Mais il n'obtient pas de faveurs
Sans que cela paraiſſe.

Un mari, comme il en eſt tant,
Diſait à ſa parjure:
„Vous m'accablez à chaque inſtant
„D'une nouvelle injure;

„Chacun auſſi me montre au doigt
„Et rit de ma faibleſſe.
„Trahiſſez - moi, mais que ce ſoit
„Sans que cela paraiſſe.“

Nos femmes ont un eſprit doux;
Elles ſont ſans fineſſe;
Elles adorent leurs époux,
Sans que cela paraiſſe.
L' innocence habite leurs coeurs;
L' équivoque les bleſſe,
Et toutes reſpectent les moeurs
Sans que cela paraiſſe.

La piété, la charité
Les dirige ſans ceſſe;
Elles aiment la verité
Sans que cela paraiſſe.
Leur ſein, leurs jambes & leurs bras,
Que le regard careſſe,
Sont faits au tour, mais ce n'eſt pas
Sans que cela paraiſſe.

Nos chanſonniers ſont pleins d'eſprit,
Pleins de délicateſſe;
Chacun les admire, les lit
Et les relit ſans ceſſe.
Je ſuis comme eux, en ma chanſon,
Plein de feu, de fineſſe;
Comme eux, j'égale Anacréon. . .
Sans que cela paraiſſe.

V.

Девизы.

(Съ Французскаго.)

Для чего *девизы* или аллегорическія изображенія и надписи вышли изъ моды? Они были весьма пріятною игрою ума, и всякой посредствомъ девиза открывалъ милую тайну свою, или обязывался на что нибудь хорошее. Я помню девизъ чувствительной Госпожи М*: фіялку, едва примѣтную въ травѣ, съ надписью: *должно искать меня.* Живая, пылкая Госпожа С* изобразила на своей печати булавку, съ надписью: je pique, mais j'attache. Графиня П*, желая наказать вѣтренаго любовника, написала къ нему холодную записку, безъ всякихъ упрековъ, и запечатала ее печатью, на которой вырѣзана была открытая клѣтка и вылетающая птичка, съ словами: *кто не бережетъ меня, того оставляю.* Любезная Эмилія, молодая супруга моего пріятеля Р*, выбрала *гнѣздо съ птенцами*, къ которымъ мать несетъ кормъ, съ надписью: *лишь бы они жили!* — За сто лѣтъ передъ симъ всякой Ученой, всякой Авторъ имѣлъ свой девизъ: хорошо, естьли бы кто нибудь вздумалъ собрать остроумнѣй-

шія изъ сихъ аллегорическихъ изображеній Мы имѣли бы удовольствіе сравнить ихъ съ жизнію и характеромъ извѣстныхъ людей, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Символомъ остроумнаго Шанфора была черепаха, которая выставила изъ черепа голову, простреленную насквозь стрѣлою, съ надписью: *для чего она не хотѣла скрываться!* Сіе пророчество исполнилось надъ Авторомъ: Шанфоръ жилъ бы еще съ нами, естьли бы онъ умѣлъ скрыться въ Робеспьерово время. — То же случилось и съ Фуке (*). Символомъ его былъ маленькой единорогъ, между осмью ящерицами и змѣею (которыя находились въ гербѣ непріятелей его, Кольбера и Телье), съ словами: *не знаю, куда онѣ влекутъ меня!* Въ самомъ дѣлѣ Кольберъ и Телье завлекли его въ бездну. — Даже и самыя общества избирали для себя символы. — Полкъ великаго Конде имѣлъ девизомъ своимъ *огонь воспылавшій*, съ надписью: *буду сіять: дай матерію* — ſplendeſcam, da materiam.

(*) Министръ при Лудовикѣ XIV.

VI.

Женитьба старика.

Имя Литтератора Готшеда было нѣкогда славно въ Германіи, но давно уже забыто, ибо онъ, имѣя много знаній, не имѣлъ ни таланта, ни вкуса. — Сей Авторъ лишился первой супруги своей на шестьдесятъ-второмъ году жизни, съ горестію оплакалъ ея кончину, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сыскалъ себѣ любезную невѣсту. Въ день свадьбы, когда молодые и гости сидѣли за ужиномъ, сдѣлался шумъ передъ домомъ; всѣ бросились къ окну и увидѣли, что на улицѣ ставятъ налои, зажигаютъ свѣчи и вынимаютъ скрыпки изъ футляровъ. . . . „Браво! браво!“ сказалъ Профессоръ Готшедъ: „намъ хотятъ дать серенаду. Это „безъ сомнѣнія выдумали любезные мои „ученики и слушатели, которыхъ благо„склонность и признательность я ста„рался всегда заслуживать.“ . . . . Всѣ гости расположились слушать музыку и стали какъ можно ближе къ окнамъ. Музыканты уже настроивали инструменты; вокругъ ихъ собралось множество народу. И въ домѣ и на улицѣ съ нетерпѣніемъ ожидали серенады. . . Но музыканты настроивали такъ долго, что

гости вышли изъ терпѣнія и сѣли опять за столъ, съ намѣреніемъ встать, когда начнется музыка. . . Еще нѣсколько минутъ пищали скрыпки, и вдругъ все затихло. Гости думали, что симфонія загремитъ въ одно мгновеніе; молчали и ждали. . . Но глубокая тишина не прерывалась. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ окну — и что же? Улица была пуста, свѣчи загашены, инструменты съ налоями унесены и зрители разошлися. . . . Всѣ изумились; а Готшедъ, не смотря на ученость свою, никакъ не умѣлъ растолковать сего чуда. На другой день оно объяснилось: Готшеду отдали слѣдующую записку отъ неизвѣстнаго: *когда новобрачному 62 года, то музыканты на свадьбѣ его должны не играть, а единственно настроивать инструменты: онъ не заслуживаетъ лучшей серенады.*

(Изъ Нѣм. Журнала.)

VII.

Письмо одного молодаго Француза изъ Монреаля.

Я плылъ въ челнокѣ съ двумя Абенаками изъ нижней Канады. Уже мы благо-

получно оставили за собою такъ называемый водопадъ Св Лоренца; но вдругъ лодка наша ударилась о камень и разбилась. Первый снѣгъ выпалъ; у насъ не было ни топора, ни средствъ развести огонь, и весь запасъ нашъ состоялъ въ мерзлыхъ рыбахъ. Мы рѣшились итти на югъ вдоль рѣки, чтобы не сбиться съ дороги; терпѣли холодъ, мучились голодомъ, и на третій день съ неописанною радостію увидѣли дымъ, который привелъ насъ къ селенію Могаковъ. Товарищи мои сѣли подъ деревомъ, и слѣдуя обыкновенію, начали выть. Жители тотчасъ выбѣжали и гордо сказали намъ: *встаньте*! Мы встали. *Подите за нами*! Мы пошли. Намъ отвели три хижины. Хозяинъ мой, *Сахемъ* или начальникъ деревни, сказалъ мнѣ: „кто бы ты ни былъ, и откуда бы ни пришелъ, здравствуй! Слышишь ли? Сядь на эту медвѣжью кожу; согрѣйся и ѣшь.“ . . Я отвѣчалъ ему, что иду изъ Катавакая въ Монреаль. . . „Земля бѣла и жестка; „рѣка покрывается льдомъ; тебѣ не льзя „итти въ Монреаль, пока не возвратится „солнце. Сними платье свое; одѣнься по„нашему; ты будешь любезнѣе Мога„камъ.“ . . . Я пожалъ руку его въ знакъ согласія. Двѣ женщины обрѣзали мои

волосы и выкрасили брови; третья принесла мнѣ одежду. Я скоро полюбилъ хозяевъ, вмѣстѣ съ ними ловилъ рыбу, и веселился, когда могъ кормить ихъ плодами своего искусства и щастія. Сверхъ того у насъ было довольно земляныхъ яблокъ и пшена: ибо жители сей деревни, принявъ Христіянскую Вѣру, сдѣлались трудолюбивѣе другихъ. Я сшилъ себѣ книгу изъ бѣлой коры дерева и записывалъ въ ней разныя слова языка ихъ: это имъ весьма полюбилось. Наконецъ они уже безъ труда разумѣли меня; сверхъ того старикъ говорилъ не много по-Французски. — Время текло неприметно и безъ скуки. Въ Генварѣ явился у насъ человѣкъ гигантскаго росту и принесъ множество звѣриныхъ кожъ и мерзлаго мяса. Сей великанъ былъ зять моего хозяина и мужъ той молодой женщины, которая обрѣзала мнѣ волосы. Примѣтивъ, что онъ Могакскимъ языкомъ говоритъ не лучше меня, я свѣдалъ, что Могаки взяли его въ полонъ какъ чужестранца. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по жестокому обыкновенію дикихъ, ему надлежало быть жертвою смерти. Дочь Сахемова, молодая вдова, сжалилась надъ нимъ и вышла за него за-мужъ. Онъ былъ самымъ искуснѣй-

шимъ звѣроловомъ. Уже сей молодой чужестранецъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ семействѣ Магаковъ, когда явилась первая жена его: она исходила пѣшкомъ болѣе ста миль, узнала наконецъ объ его жилищѣ и требовала мужа своего отъ старѣйшинъ. „Еще никогда не бывало у насъ такого случая," сказалъ мнѣ старецъ: „мы отвѣчали на слова словами. Зима проходила. Миссїснарїи вмѣшались въ дѣло. Наконецъ мы положили рѣшить недоумѣнїе въ общемъ собранїи, и Низуассу, глава Мискинонскаго народа, *воспалилъ* въ деревнѣ своей *огонь совѣта*; всѣ старцы и Сахемы сѣли вокругъ его. Вышло такое опредѣленїе: въ день, когда Пенампу (имя зятя моего) сдѣлался плѣнникомъ, по древнему обычаю надлежало его умертвить; но Киппогипа (дочь моя), вышедши за него за-мужъ, даровала ему новую жизнь; а для первой жены своей онъ остается мертвымъ. Нещастная была въ отчаянїи; наконецъ храбрый воинъ Овисканскаго народа утѣшилъ ее своею нѣжностїю; она живетъ съ нимъ щастливо. Но великодушная любовь, которая заставила ее предпринять опасное и трудное путешествїе, возбудила удивленїе многихъ Колонистовъ: они осыпали ее дарами. Эта женщина

первая изъ дикихъ имѣла корову, молоко, хлѣбъ и перину." . . . Я хотѣлъ знать имя ея, чтобы вписать его въ книгу и въ сердце свое: она называется Нейон - Вега.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

VIII.

Какъ судили о женщинахъ древніе и новые Авторы?

(Съ Французскаго.)

Всѣ мысли древнихъ и новыхъ Философовъ о женщинахъ суть ничто иное, какъ мадригалы или эпиграммы. Никто объ нихъ не говорилъ и не можетъ говорить безпристрастно; можетъ быть, онѣ и не хотятъ того. Безпристрастіе требуетъ хладнокровія и равнодушія, которое не можетъ имъ нравиться; судьи пристрастные для нихъ любезнѣе. Писатель, имѣвшій болѣе остроумія, нежели вкуса, и хотѣвшій въ самомъ дѣлѣ послѣдовать совѣту Дидерота (красивой галиматьѣ), что Авторъ, желающій писать о женщинахъ, *долженъ обмакивать перо въ радужные цвѣты и засыпать блестящею пылью съ бабочкиныхъ крыльевъ* — Деман вы-

думалъ довольно замысловатую аллегорїю на счетъ женской взыскательности. „Одна „женщина велѣла писать свой портретъ. „Чего недоставало ей для совершенной „красоты, то самое дѣлало ее прїятною. „Она требовала отъ живописца, чтобы „онъ написалъ ее и красавицею и прїят„ною; чтобы портретъ былъ невѣренъ, но „казался сходнымъ. Того же самаго тре„буютъ женщины отъ Авторовъ, кото„рые объ нихъ пишутъ."

Портреты женщинъ и невѣрны и не кажутся сходными; но должно замѣтить, что сїе несходство обнаруживается почти всегда въ дурныхъ чертахъ: такъ чудны сужденїя и языкъ страсти! Всѣ народы и во всѣхъ вѣкахъ изображали ихъ самыми нельстивыми красками. Не говоримъ о восточныхъ земляхъ, гдѣ семейственное рабство, многоженство и Магометова Религїя ввели въ презрѣнїе женской полъ, и даже сдѣлали его презрительнымъ; но и тамъ, гдѣ учтивость, вѣжливость, просвѣщенїе славились, и тамъ Поэты, Философы, Моралисты безъ милосердїя оскорбляли честь красавицъ. Всѣ Греческїе Поэты, отъ Орфея до Григорїя Назїанзина, весьма не хвалятъ ихъ. Эврипидъ страшнымъ образомъ поноситъ женщинъ. Изъ Симонидовыхъ сочиненїй дошла

до насъ одна ѣдкая на нихъ сатира. Даже и самый нѣжный Анакреонъ приписываетъ благоразумїе *однимъ* мущинамъ. Латинскїе Поэты также. Не говоря о славной Ювеналовой сатирѣ и многихъ колкихъ стихахъ Овидїя, напомнимъ одно изреченїе Публїя Сира: Mulier quae cogitat, male cogitat (*женщина, которая мыслитъ, вѣрно мыслитъ дурное*). Философы, Моралисты, Историки не благосклоннѣе Поэтовъ къ женщинамъ. Платонъ обвиняетъ ихъ рожденїемъ суевѣрїя; Страбонъ такихъ же мыслей. Титъ-Ливїй называетъ женщину *слабымъ, но упрямымъ творенїемъ*; всѣхъ же злѣе Іудейскїе Раввины, которыхъ теологїя есть ничто иное, какъ собранїе эпиграммъ на женщинъ. „Творецъ (говорятъ они) не хотѣлъ обра-„зовать ихъ ни изъ головы, ни изъ глазъ, „ни изъ рукъ человѣка, для того, что-„бы пороки сихъ частей не пристали къ „нимъ; ребро казалось самою невинною „матерїею: однакожь и то не могло спасти „ихъ отъ всѣхъ возможныхъ слабостей."

И такъ древнїе Авторы были весьма грубыми судьями любезнаго пола. Не мудрено, что женщины, всегда оскорбляемыя Писателями, изъявили отмѣнную благодарность къ одному Нѣмецкому стихотворцу, который умеръ въ Маинцѣ около

половины 15 вѣка, и во всю жизнь свою пѣлъ ихъ добродѣтели. Альбертъ пишетъ, что онѣ несли тѣло его отъ дому до соборной церкви, плакали и рыдали на улицахъ, и на гробъ его вылили столько вина, что затопили-было всю церковь.

Авторы новыхъ временъ — кромѣ учтивыхъ Поэтовъ, которые пишутъ стихи свои на розовыхъ бумажкахъ — также не льстятъ самолюбію красавицъ. Монтань ужаснымъ образомъ злословитъ на счетъ ихъ. Бель при всякомъ случаѣ разсказываетъ анекдоты, которые не служатъ въ честь нѣжному полу. Ларошфуко описываетъ дурными красками и мужчинъ и женщинъ. Могутъ ли онѣ быть довольны и главою Лабрюеровыхъ *Характеровъ*, имъ посвященною? Жакъ-Жанъ Руссо говоритъ весьма не пріятныя для нихъ истины; но онъ нравится женщинамъ, ибо бранится съ ними какъ любовникъ, и любовникъ страстный. Какія ядовитыя стрѣлы пускаютъ въ милыхъ красавицъ Поэты Италіянскіе, на прим. Аріостъ и Бокачіо? Кажется, что Англичане гораздо скромнѣе и снисходительнѣе. Хотя Британецъ *Полъ* и сказалъ, что не льзя описать женщины; что характеръ и нравственныя черты ея безпрестанно измѣняются; что самый лучшій наблюдатель не утвердитъ ихъ

въ своихъ мысляхъ, и что онъ не обманется только — въ цвѣтѣ волосъ ея: однакожь Ричардсонъ представилъ нѣсколько женскихъ характеровъ совершенно Ангельскихъ; а Мильтонъ всего любезнѣе изобразилъ первую женщину, такъ, что Ева сего Поэта, даже слабая и виновная, плѣняетъ всякое чувствительное сердце и воображенїе.

Нынѣ пророки не въ модѣ; но осмѣлимся предсказать, что красавицы и впредь будутъ имѣть ту же участь:

Ихъ станутъ ввѣкъ бранить,
И ввѣкъ — и ввѣкъ любить!

IX.

Гороховый дождь или горохъ лунный.

Съ нѣкотораго времени Господа Физики наскучили намъ своими разсужденїями о *камняхъ падающихъ съ неба*: теперь сдѣлалось другое чудо и люди важные увѣряютъ насъ въ его истинѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго году, послѣ сильной бури, близь Леона въ Гишпанїи упало съ неба четверти двѣ зеренъ, подобныхъ гороху: круглыхъ,

бѣлыхъ, жесткихъ, и донынѣ совсѣмъ не извѣстныхъ въ Ботаникѣ. Спрашивается: откуда они взялися? Гишпанскіе Натуралисты думали, и не рѣшили вопроса. Можетъ быть, сіи зерна не принадлежатъ земному шару, и Физики, которые ищутъ въ лунѣ камней, должны радоваться такому явленію, утверждающему ихъ систему. Вѣроятно, что жнецы въ лунѣ уронили нѣсколько сноповъ, которые вылетѣли изъ тамошней атмосферы и впали въ земную: законы *тяготѣнія* привлекли ихъ къ поверхности нашей планеты, а сила *верженія* (force de projection) устремила ихъ къ Королевству Леонскому. Можетъ быть также, что вулканическая сила какой нибудь сосѣдственной горы или *лунотрясеніе* разрушило лавку въ сѣменномъ ряду мѣсяца и бросило къ намъ сіи двѣ четверти зеренъ, которыя въ ней лежали. Естьли догадки наши обратятся въ явную истину для Ученыхъ, то выдетъ слѣдствіе очень важное для астрономической исторіи; а именно, мы узнаемъ, что лунные жители сходны съ земными; что они ѣдятъ свѣжій горохъ также въ Маѣ мѣсяцѣ; что у нихъ также есть садовники, повара — и слѣдственно желудки. Къ нещастію, изъ Гишпаніи не пишутъ

къ намъ о вкусѣ сего небеснаго гороха; извѣстно только, что его посѣяли нѣсколько грядъ въ Мадритскомъ Ботаническомъ саду: увидимъ, можетъ ли онъ на землѣ родиться; увидимъ, каковы бываютъ произведенія лунныхъ огородовъ!

(*Изъ Фран. Жур.*)

X.

Къ благотворительной незнакомкѣ отъ Издателя.

Деньги, присланныя изъ Петербурга отъ неизвѣстной особы для бѣдной стосемнадцатилѣтней Шведки, о которой было упомянуто въ *Вѣстникѣ*, получены и въ тотъ же день отданы Господину Гейдеке, Пастору новой Лютеранской церкви, который взялъ на себя имѣть попеченіе о сей женщинѣ. Она совершенно здорова и всякое Воскресенье приходитъ въ церковь. Увѣдомляя о томъ великодушную незнакомку, осмѣливаюсь прибавить, что желаю быть всегда достойнымъ порученій благотворительности.

Н. К.

XI.

СМѢСЬ.

Не давно видѣла Москва Гарнереня на воздухѣ, и народъ удивлялся чуду; но о такихъ чудесахъ давно уже имѣли въ Россіи понятіе: въ доказательство чего выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ *Дневныхъ записокъ* Желабужскаго: „1695 „года, Апрѣля 30 дня, закричалъ му„жикъ караулъ, и сказалъ за собою Госу„дарево слово, и приведенъ въ Стрѣлец„кій Приказъ, и разспрашиванъ; а въ „разспросѣ сказалъ, что сдѣлавъ крылья „станетъ летать какъ журавль, и по „указу великихъ Государей сдѣлалъ себѣ „крылья слюдвенныя, а стали тѣ крылья „въ 1½ рублей изъ Государевой казны. „И Бояринъ Князь Иванъ Борисовичь „Троекуровъ съ товарищи и съ иными „прочими вышедъ, сталъ смотрѣть; „и тотъ мужикъ, тѣ крылья устроя, „по своей обыкности перекрестился, и „сталъ мѣхи надымать, и хотѣлъ ле„тѣть, да не поднялся, и сказалъ, что „онъ тѣ крылья сдѣлалъ тяжелы; и „Бояринъ на него кручинился; и тотъ „мужикъ билъ челомъ, чтобъ ему сдѣ„лать другія крылья *иршеныя* (коже„ныя); и на тѣхъ не полетѣлъ; а другія

„крылья стали въ пять рублей. И за то „ему учинено наказанье: бить батоги; и „тѣ деньги велѣно доправить на немъ, и „продать животы его и статки.“

Не давно еще умерла въ Москвѣ вдова Марїя Алехнова, которая родилась въ Штокгольмѣ 1696 году и была женою Казимира Алехнова, Лейб-кучера Государя ПЕТРА Великаго. Сей Лейб-кучеръ умеръ въ 1786 году; а вдова его жила еще 15 лѣтъ. У нихъ было 12 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ живы теперь двѣ дочери. Удивительно то, что сїя женщина вела очень не трезвую жизнь и могла дожить до такой глубокой старости.

Въ *Мониторѣ* (NO 548) напечатано извѣстїе о нашей Японской экспедицїи, переведенное изъ *Вѣстника*; но сказано, что оно взято изъ Петербургскихъ вѣдомостей. Переводчикъ Консульскаго Журнала хотѣлъ поправить ошибку Автора и назвалъ Кяхту Кадїакомъ; онъ заставляетъ насъ также бранить Англїйскую Индѣйскую Компанїю, и говоря объ ея правленїи, употребилъ слово aſtuce, котораго нѣтъ въ оригиналѣ.

Къ стыду 19 вѣка недавно вышла въ Берлинѣ злая книга противъ Iудеевъ. Авторъ утверждаетъ, что ихъ не должно терпѣть въ земляхъ Христїянскихъ

Удивительнѣе всего то, что сія книга возбудила общее вниманіе.

Коцебу въ Журналѣ своемъ совѣтуетъ написать на всѣхъ верстахъ въ Россіи моральныя изреченія и стихи, которые могли бы съ пользою оставаться въ памяти проѣзжихъ. Мысль забавная! . . . Дороги наши обратились бы тогда въ истинныя публичныя библіотеки.

XII.

Описаніе Консульскаго воинскаго парада.

(Съ Нѣмецкаго.)

Въ 11 часовъ утра поѣхалъ я съ нашимъ Министромъ Лукезини въ Тюльери, гдѣ мы въ большихъ комнатахъ Дюрока нашли множество дамъ и мужчинъ, которые желали видѣть оттуда славный парадъ Консульскій. Сіи комнаты находятся въ нижнемъ этажѣ, и высокія окна ихъ растворяются до самаго пола: вся площадь была у насъ передъ глазами. — Тутъ мы встрѣтились съ Тунисскимъ Посломъ, высокимъ и прекраснымъ мужчиною, обвѣшеннымъ всякаго роду золо-

тыми гремушками, цѣпями, шариками, и проч. Онъ хорошо говоритъ по-Италїянски, и всячески старался заслуживать ласковыя улыбки Италїянскихъ и Польскихъ дамъ, съ нами бывшихъ.

Скоро начался парадъ. Около шести тысячь воиновъ (прекрасныхъ, отборныхъ людей) маршировали, одни за другими, на славной Тюлерїйской площади, называемой прежде place de Carrouſſel. Нынѣ она гораздо обширнѣе и красивѣе: домы, тамъ бывшїе, сломаны; съ одной стороны очистили ее до Луврской галлереи, а съ другой до улицы Сент-Оноре. Пѣхота стала во фрунтъ. Бонапарте явился на конѣ, окруженный многочисленною свитою; передъ нимъ ѣхалъ любимый Мамелюкъ его. На Консулѣ былъ синїй мундиръ съ бѣлыми отворотами, безъ всякихъ украшенїй, и простая шляпа. Онъ сидѣлъ на лошади весьма красиво и казался не малаго росту. Генералы (человѣкъ 12) слѣдовали за всѣми его движенїями; между ними замѣтилъ я еще другова Мамелюка. Хотя Бонапарте разъ восемь проскакалъ мимо окна, гдѣ мы стояли, и нѣсколько разъ даже заглядывалъ въ него; но мнѣ никакъ не удалось составить себѣ идею о характерѣ лица его. Надобно видѣть Консула вблизи и смотрѣть на него при-

стально, чтобы ясно впечатлѣть въ мысляхъ физіономію Героя. Отъ того всѣ портреты его не сходны, кромѣ Изабеева: ибо онъ только для сего живописца согласился нѣсколько минутъ просидѣть на одномъ мѣстѣ.

Вездѣ, гдѣ скакалъ Бонапарте, играла музыка. Ветераны, пѣхота, гранадеры, егери имѣютъ своихъ особенныхъ музыкантовъ; но не могу сказать, чтобы они весьма хорошо играли. Наконецъ явилась Консульская гвардія... Признаюсь, что я не видывалъ ничего подобнаго сему *легіону героевъ*: иначе не умѣю назвать ее. Какіе люди! какой видъ благородный! Высокія красныя перья развѣвались на шляпахъ, и желтыя перевязи украшали ихъ темно-синіе мундиры. Музыканты гвардіи играли воинскій маршъ, быстрый, выразительный и пріятный. Сія музыка остановилась передъ нашимъ окномъ и не умолкала во время парада, не думая о томъ, что трубачи конницы, осматриваемой Консуломъ, играли совсѣмъ въ другомъ тонѣ

Сія конница вообще не такъ хороша, какъ Австрійская и Прусская; но Кирассиры одѣты прекрасно; латы ихъ ослѣпляютъ глаза блескомъ; каски съ перьями величественны. Жаль только, что

вороныя лошади ихъ малы ростомъ для людей высокихъ и тяжело вооруженныхъ. — Конная артиллерїя составила заключенїе парада, и во весь духъ проскакала мимо Бонапарте. Онъ стоялъ передъ самымъ нашимъ окномъ. Въ ту минуту, какъ все кончилось, многїе хорошо одѣтые люди, мужчины и женщины, вышли изъ толпы зрителей и вручили ему прозьбы свои. Надобно думать, что всѣ другїе способы, писать къ Консулу, не вѣрны. — Онъ вызвалъ изъ фрунта нѣсколько гранадеровъ и дружески говорилъ съ ними, называя ихъ своими храбрыми *Египетскими товарищами*.

Трудно описать красоту сего зрѣлища на великолѣпной Тюлерїйской площади. 6000 Отборныхъ воиновъ съ своими красными, бѣлыми и черными перьями, въ аршинъ вышиною, кружась на одномъ мѣстѣ около двухъ часовъ, обманываютъ глаза числомъ и могутъ показаться цѣлою армїею.

Рейхартъ.

ПОЛИТИКА.

I.

О высадкѣ.

Высадка Французовъ въ Англїи есть нынѣ общая тема разговоровъ. Всѣ — отъ Министра до писаря, отъ Ученаго до сидѣльца — разсуждаютъ объ ея возможности или невозможности. И самые простые люди, и самые безпечные флегматики имѣютъ, кажется, тайное предчувствїе, что дѣйствїе сего великаго происшествїя, успѣхъ или неудача, должны имѣть влїянїе даже и на ихъ судьбу.

За пять лѣтъ передъ симъ Французская Директорїя — да будетъ ей вѣчная память! — готовилась также сдѣлать высадку въ Англїи; но дѣйствительно или притворно, не знаемъ. Нѣкоторые думаютъ, что тогдашнїе недостойные властители Францїи хотѣли единственно воспользоваться усердїемъ добрыхъ Республиканцевъ и собрать съ нихъ деньги для сего мнимаго предпрїятїя: это кажется вѣроятнымъ, ибо воинскїя приго-

товленія Директоріи для главной высадки были въ самомъ дѣлѣ ничтожны. Англичане не боялись ихъ, хотя и брали нѣкоторыя мѣры осторожности; они полагались на свои флоты, и думали, что имъ не будетъ случая драться на землѣ съ Французами. Британскіе Адмиралы, въ гордой надеждѣ на свою морскую артиллерію, подтверждали сіе народное мнѣніе. Самый опытный Адмиралъ, Графъ Ст. Винсентъ, сказалъ тогда: „Не знаю, „какъ Французы хотятъ пробраться въ „Англію; но клянусь честію, что мо„ремъ они не найдутъ пути къ ней!“.. Теперь обстоятельства и мысли перемѣнились.

Всѣ увѣрены, что Первый Консулъ дѣйствительно хочетъ сдѣлать высадку въ Англіи: ибо по занятіи Ганновера онъ не имѣетъ инаго способа вести войну. Могутъ ли Французы, столь сильные на землѣ, удовольствоваться одною защитою своихъ береговъ и праздно, равнодушно смотрѣть, какъ непримиримые враги ихъ дѣйствуютъ во всѣхъ частяхъ свѣта и на всѣхъ моряхъ господствуютъ самовластно? Тогда, послѣ войны долговременной, Франціи надлежало бы согласиться на всѣ условія, которыя Англія предложила бы ей для мира.

Только высадка, и только щастливая для Французовъ высадка — и не въ Ирландїи, но въ самой Англїи — можетъ скоро прекратить войну. Не говорю о томъ, чего благоразумный Космополитъ долженъ или не долженъ желать въ дѣлѣ рѣшительномъ для судьбы цѣлаго мїра; но единственно замѣчаю необходимость сего предпрїятїя въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, естьли дѣятельное посредство неутральныхъ Державъ останется безъ дѣйствїя.

Нѣтъ сомнѣнїя, что Бонапарте имѣетъ нынѣ какїя нибудь основательныя причины вѣрить успѣху высадки, надъ которою прежде смѣялась Европа. Англичане сами утверждаютъ его въ надеждѣ. Ихъ Парламентскїе Ораторы, Адмиралы и Министры торжественно признали сїю возможность, какъ словами, такъ и дѣломъ: ибо сильныя и великїя мѣры, взятыя ими для защиты, убѣдительно доказываютъ страхъ ихъ. Полководецъ столь предпрїимчивый, собственною властїю столь могущественный, единствомъ воли столь ужасный и донынѣ любимый Фортуною столь постоянно, давъ слово отважиться на высадку, заставилъ Британцевъ увѣриться въ опасности, размыслить о всѣхъ возможностяхъ случая

и прибѣгнуть къ общему вооруженію, которое остановило всѣ дѣла народа торговаго и, такъ сказать, ввергнуло его въ положеніе совсѣмъ новое, чрезвычайное, опасное.

Я вѣрю пылкому народному усердію въ Англіи; но оно не можетъ быть долговременно, ибо *торговый духъ* ея не согласенъ съ воинскою постоянною дѣятельностію. Онъ можетъ произвести великія морскія силы, питаемыя успѣхами кораблеплаванія, а не сильныя арміи. Тиръ, Карѳагенъ, Венеція, Генуя и Голландія, нѣкогда славныя торговлею, не могли никогда имѣть многочисленнаго сухопутнаго войска; а какъ оно необходимо для великихъ завоеваній, то сіи Республики, не довольствуясь флотами, нанимали войско чужестранное — и пали, когда непріятель, съ мечемъ въ рукѣ, вошелъ въ ихъ собственныя владѣнія.

Англія имѣетъ конечно искусныхъ морскихъ Офицеровъ; но и Франція имѣетъ ихъ, хотя гораздо менѣе. На примѣръ, Латушъ доказалъ великій талантъ свой, за три года передъ симъ искусно отразивъ въ Булони нападеніе Нельсона. Къ мудрымъ совѣтамъ такихъ опытныхъ людей надобно прибавить благопріятныя возможности: тишину, густые туманы,

долгія осеннія ночи, сильный попутный вѣтеръ, отливъ или приливъ и другіе морскіе случаи, которыхъ нельзя отвратить ни хитростію, ни талантомъ. Люди знающіе утверждаютъ, что двадцать канонирскихъ шлюпокъ могутъ, при искусномъ и смѣломъ начальникѣ, итти на сто-пушечный корабль и завоевать его. Длинныя пушки ихъ берутъ далѣе, нежели флотскія; есть также способъ разными движеніями укрываться отъ выстрѣловъ линейнаго корабля. Каналъ узокъ, и берега Англіи весьма обширны; когда же Французы доберутся до земли, то всѣ приготовленія Англичанъ едва ли не останутся безплодными.

Всякой, кто умѣетъ судить о войнѣ, долженъ отдать справедливость Французской храбрости. Вообразимъ 100,000 или болѣе опытныхъ смѣлыхъ воиновъ, которымъ не льзя итти назадъ — которымъ остается умереть или побѣдить; вообразимъ ихъ страшную артиллерію и предводителя щастливаго (что весьма важно для успѣховъ оружія): а съ другой стороны — кромѣ малочисленнаго и слишкомъ раздѣленнаго регулярнаго войска — безчисленныя, неустроенныя толпы вооруженныхъ земледѣльцевъ, художниковъ, ремесленниковъ, конторщиковъ, писа-

рей — людей, не имѣющихъ идеи о дисциплинѣ и воинскомъ порядкѣ — людей, которые до нынѣшняго времени, можетъ быть, совсѣмъ не умѣли обходиться съ ружьемъ. Правда, что въ газетахъ пишутъ о кавалерїи, составленной изъ молодыхъ благородныхъ Англичанъ — то есть, людей, которые привыкли безъ всякой большой опасности гоняться за лисицами и зайцами! Имъ-то надобно будетъ сразиться съ опытною Французскою кавалерїею или ударить въ тѣсные, сомкнутые ряды славнѣйшей пѣхоты въ свѣтѣ! Вѣроятнѣе всего то, что сїи знаменитые звѣроловы и скакуны умножатъ необходимый безпорядокъ собственной своей армїи. Во всякомъ случаѣ рѣшительная побѣда Англичанъ будетъ политическимъ дивомъ, донынѣ невиданнымъ и неслыханнымъ.

Кто знаетъ Англїю, знаетъ и то, что почти во всемъ Королевствѣ жители сосѣдственныхъ Графствъ ненавидятъ другъ друга. Сїя ненависть произошла отъ политическаго неравенства и выгодъ, данныхъ однимъ ко вреду другихъ. Британская Исторїя наполнена примѣрами междоусобїй, въ которыхъ жители Кентскїе не рѣдко играли важную ролю; и нынѣ Министерство всего болѣе надѣется

на ихъ храбрость; они же, будучи ближе другихъ къ морю, конечно первые встрѣтятъ непрїятеля. — Сїи Графства, столь несогласныя, должны теперь дѣйствовать общими силами; богатые, къ повиновенїю совсѣмъ не привыкшїе сельскїе владѣльцы и дворяне обязаны слушаться городскаго жителя или армейскаго Офицера, презираемаго въ Англїи! Кто можетъ, сообразивъ всѣ затрудненїя съ неопытностїю Англичанъ въ воинскомъ дѣлѣ, ожидать порядка?

Кромѣ Бонапарте, который въ семъ случаѣ одинъ стоитъ армїи, всѣ Французскїе Генералы, для высадки назначенные, извѣстны по ихъ смѣлости и навыку побѣждать величайшїя трудности: обстоятельство не маловажное для Британцевъ! Генералъ Дюмасъ, славный воинскими свѣдѣнїями и талантами, сдѣланъ Шефомъ Генеральнаго Штаба сей армїи.

Къ мѣрамъ, взятымъ Англїйскими Министрами, принадлежитъ и то, чтобы весь скотъ изъ набережныхъ провинцїй отогнать во внутренность земли, какъ скоро явится непрїятель. Надобно знать, какъ Англїйскїе земледѣльцы богаты скотомъ, и какъ они привязаны къ сей *живой собственности*: легко ли будетъ

имъ отправить своихъ овецъ и коровъ въ иныя Графства, гдѣ онѣ будутъ безъ хорошаго присмотра и могутъ умереть съ голоду? Виндамъ справедливо замѣтилъ въ Парламентѣ, что изъ сего выдетъ одинъ безпорядокъ, и что многочисленныя стада рогатой скотины едва ли не сомнутъ Британскихъ волонтеровъ! . . . Можно также спросить, что дѣлать съ птицами? отправить ли утокъ и гусей въ отдаленныя провинціи, или убить, или оставить Французамъ въ добычу?

Напомнимъ здѣсь примѣчанія достойный историческій анекдотъ. Хотя Англія сама въ 1755 году начала семилѣтнюю войну, однакожь Министры совсѣмъ не умѣли вести ее. Минорка и Портъ Магонъ были взяты въ виду Британскаго флота. Враги Англіи торжествовали, и народъ изъявлялъ малодушное уныніе. Въ сіе время робкіе Министры, боясь непріятельской высадки, составили Комитетъ изъ Адмираловъ и требовали ихъ мнѣнія о такомъ предпріятіи. Комитетъ объявилъ, что никакіе флоты не могутъ вѣрно защитить Англіи отъ непріятельскаго нападенія. Славные морскіе Офицеры, Арджиль, Норрисъ и Ваджеръ, говорили то же въ Парламентѣ. „На морѣ бываютъ „случаи непредвидимые," сказали они:

„разныя обстоятельства могутъ способ-„ствовать успѣху высадки, такъ, что „всѣ корабли Англійскіе, собравшись вмѣ-„стѣ, не помѣшаютъ непріятелю выттти „на берегъ.“

Обдумавъ сей важный предметъ со всѣхъ сторонъ, могутъ ли нынѣшніе Британцы не бояться ужасныхъ слѣдствій пораженія? Не сомнѣваемся въ храбрости Англійскаго народа; но сего не довольно. Французы также храбры, и гораздо искуснѣе въ нападеніяхъ. Положимъ, что любовь къ отечеству воспламенитъ Патріотовъ; но сія героическая ревность можетъ ли быть общею? Французы, ставъ ногою на берегъ, скажутъ себѣ: *побѣда или смерть!* Отчаяніе ведетъ къ геройству и замѣняетъ число. Гордые островитяне увѣрены въ торжествѣ своемъ и съ надменностію зовутъ къ себѣ непріятеля; но мы, безпристрастные зрители происшествій міра, удивляемся сей надежности. Дѣло идетъ не только о благоденствіи, но и самомъ бытіи Англіи, которая цвѣтетъ *однимъ искусствомъ*, и естьли падетъ, то падетъ *навѣки*. Не упоминая о потери Ганновера, спросимъ: „островъ, называемый Мальтою, стоитъ ли сего ужаснаго бѣдствія, естьли онъ въ рукахъ Французовъ и мо-

жетъ быть *со временемъ* опасенъ для Англїйской власти въ Индїи?" Благоразумно ли для отдаленной возможности жертвовать всѣмъ настоящимъ? И какъ надѣются Англичане отвратить сею войною будущее зло или ослабить силу Французовъ? Щастливо отразивъ ихъ нападенїе, уменьшатъ ли величїе Францїи? и могутъ ли безъ союзниковъ, посредствомъ одной морской войны, достигнуть до сей цѣли?

Кто не пожалѣетъ, что предметомъ усилїй, столь великихъ и чрезвычайныхъ, есть не благо рода человѣческаго, а война совершенно напрасная! Естьли бы Гунны, Вандалы или другїе варвары хотѣли завоевать Европу, и естьли бы народъ Британскїй для ея спасенїя вооружился, то мы прославили бы его великодушїе!

Трудности, которыя ожидаютъ Французовъ въ самомъ началѣ ихъ предпрїятїя, велики и многочисленны. Бдительность Англичанъ едва ли дозволитъ Республиканцамъ соединить всѣ транспортныя суда въ одномъ мѣстѣ; но и тогда не льзя будетъ посадить на нихъ войска въ нѣсколько часовъ; а между тѣмъ щастливыя для высадки обстоятельства (вѣтеръ, туманъ, удаленїе Англїйскихъ кораблей и проч.) могутъ перемѣниться.

Для того, какъ увѣряютъ, Бонапарте хочетъ выслать войско изъ разныхъ гаваней; но какъ же трудно будетъ ему соединиться въ землѣ непріятельской! Корпусы, отдѣленные отъ главной арміи, могутъ быть окружены, отрѣзаны Англичанами... Говорятъ о трехъ дивизіяхъ: главная сядетъ на суда въ Булони; другая въ Шербурѣ, а третья на Шельдѣ. Нѣкоторые Политики думаютъ, что истинная цѣль Французовъ есть Ирландія. Щастливая высадка въ семъ Королевствѣ будетъ конечно великимъ ударомъ для Англіи; но путь къ Ирландскимъ берегамъ гораздо далѣе и гораздо опаснѣе для Французскихъ легкихъ судовъ, которымъ въ семъ случаѣ трудно не встрѣтиться съ Англійскими кораблями. Къ тому же, завоевавъ Ирландію, Бонапарте все еще не завоевалъ бы Великобританніи; главное дѣло осталось бы нерѣшеннымъ, и война все бы еще не прекратилась.

Надобно согласиться, что Французы, щастливо приставъ къ Англіи, найдутъ еще великія препятствія. Вообразимъ, что 100,000 или болѣе Республиканцевъ выдутъ на берегъ безъ всякой потери или съ малою: спрашивается, какъ имъ дѣйствовать? совокупными силами, или раздѣлиться? Первое вѣрнѣе и безопаснѣе;

но гдѣ взять нужное количество съѣстныхъ припасовъ для такой армїи? Надобно искать ихъ внутри земли и на большомъ пространствѣ: слѣдственно отдѣлить корпусы — что (какъ мы выше замѣтили) опасно. Вѣроятно, что Французы постараются тотчасъ овладѣть нѣкоторыми приморскими городами: Портсмутомъ, Плимутомъ, Дувромъ, Дилемъ, Чатамомъ, Гревзендомъ, которые укрѣплены единственно съ моря, и до которыхъ надобно только дойти, чтобы взять ихъ; но овладѣвъ ими, даже Лондономъ, Республиканцы еще не овладѣютъ Англїею, и не будутъ имѣть сообщенїя съ Францїею или Голландїею, откуда они могли бы ожидать помощи: ибо флоты Британскїе все еще останутся непобѣжденными и едва ли согласятся признать власть Консула, естьли бы удалось ему покорить и всю Великобританнїю.

Англичане хотятъ предупредить высадку истребленїемъ судовъ во Французскихъ гаваняхъ: намѣренїе благоразумное; только кажется, что его не легко исполнить. Но что должно заключить о мудромъ планѣ (*) ихъ сдѣлать вы-

(*) Сей планъ уже оставленъ, какъ надобно думать; по крайней мѣрѣ до благопрїятнѣйшаго времени. — К.

садку во Франціи съ помощію Генераловъ Дюмурье и Пишгрю? Естьли Аддингтонъ и Гакесбури дѣйствительно имѣютъ сіе намѣреніе, то они хотятъ *сразиться со львомъ въ его вертелѣ!*

(Изъ Нѣм. Жур.)

II.

О нещастномъ состояніи Сен-Доминговской Колоніи.

Письмо изъ Парижа.

Я не давно познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который въ теченіе нынѣшняго году провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ С. Доминго. Разсказы его подтверждаютъ, къ нещастію, все то, что мы читали въ Англійскихъ вѣдомостяхъ объ ужасномъ состояніи сей Колоніи и горестной судьбѣ Французовъ, туда отправленныхъ. Изъ 36,000 человѣкъ едва ли осталось 6000. Что спаслось отъ войны, то сдѣлалось жертвою заразительныхъ болѣзней. Прочіе готовы съ радостію отдаться на капитуляцію Англичанамъ, чтобы избавиться отъ мучительной смерти, которая со всѣхъ сторонъ угрожаетъ

имъ ежечасно. Всего прискорбнѣе нынѣ знать то, что Французы могли бы, не проливъ ни капли крови, овладѣть симъ островомъ, или по крайней мѣрѣ сохранить братскую связь съ его жителями и пользоваться тамъ изключительными выгодами торговли, естьли бы Генералъ Леклеръ вступилъ въ переговоры, не требуя совершенной покорности и не стыдясь трактовать съ главою Негровъ. Тусень былъ въ городѣ Доминго, въ прежней Гишпанской части острова, когда свѣдалъ о приближенiи Французскаго флота. Онъ немедленно отправился въ Капъ; а братъ его, оставшись въ С. Доминго, собралъ всѣхъ бѣлыхъ, нацѣлилъ на нихъ пушки и торжественно объявилъ, что ихъ разстрѣляетъ, естьли Французамъ удастся высадка. Слезы добродушной жены его спасли жизнь нещастныхъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ убитъ собственными его слугами. — Тусень Лувертюръ совсѣмъ не имѣлъ тѣхъ великихъ свойствъ, какiя приписывались ему въ Европѣ. Воинскою славою онъ былъ обязанъ нѣкоторымъ Европейскимъ Офицерамъ, которые всѣмъ управляли — особливо же одному Гессенцу, и нынѣ находящемуся въ армiи Негровъ. Когда товарищи его сражались, Тусень обыкновенно гдѣ нибудь прятался и мо-

лился. Духовные совершенно овладѣли имъ, и наконецъ уговорили его отдаться въ руки Французовъ. Онъ могъ бы служить Леклеру полезнымъ орудіемъ; но его отправили во Францію. Ему не вѣрили, а двухъ опаснѣйшихъ Генераловъ, Кристофа и Дессалина, сдѣлали начальниками многочисленнаго корпуса Негровъ; они запаслись военными снарядами и перешли къ бунтовщикамъ. — Съ того времени война продолжается съ ужаснымъ остервененіемъ. Нѣтъ пощады ни съ которой стороны. — Знакомецъ мой видѣлъ однажды 400 Негровъ, взятыхъ въ полонъ и тотчасъ утопленныхъ въ морѣ. Негры овладѣли однимъ Французскимъ кораблемъ, привязали солдатъ и матрозовъ къ деревьямъ, отрѣзали имъ языки и выкололи глаза. Въ семъ состояніи нашелъ ихъ подоспѣвшій отрядъ Французовъ. Негры опустошаютъ всѣ мѣста. Хотѣвъ взять приступомъ Капъ, они сожгли всѣ окружныя селенія и жилища; тутъ же сгорѣлъ и послѣдній богатый магазинъ кофе. Негры раздѣляются на разныя партіи: Африканскіе не любятъ Сен-Доминтскихъ уроженцевъ, хотящихъ имѣть первенство. Но когда Французы желаютъ воспользоваться ихъ несогласіемъ и нападаютъ на тѣхъ или

на другихъ, тогда они соединяются. Естьли дать имъ волю, то Негры скоро истребятъ другъ друга. Американцы и Англичане безъ сомнѣнія будутъ питать сей раздоръ. Когда же послѣдніе вздумаютъ утвердиться на островѣ, то имъ всего лучше занять городъ С. Доминго: ибо его можно сдѣлать неприступнымъ; онъ же со всѣхъ сторонъ окруженъ плодоносными мѣстами.

(Изъ Нѣм. Жур.)

III.

Письмо изъ Булони.

(Оно переведено изъ Парижскаго Журнала, и показалось намъ только любопытнымъ, а не достовѣрнымъ.)

Въ прошедшемъ (1802) году славный Парламентскій Ораторъ, Г. Тирней, провелъ здѣсь все лѣто. Одинъ изъ Булонскихъ жителей спросилъ у него, пріѣдетъ ли онъ къ нимъ и на слѣдующее лѣто... „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Г. Тирней: „тогда уже будетъ война между нами.“ — Война? для чего же? мы только-что помирились. — „Причина та, что миръ для

насъ гибеленъ, и что одна война можетъ спасти Англїю." — Гдѣ же ваши союзники? Вы помните слова Питта. *Англїя*, сказалъ онъ въ Парламентѣ, *не смотря на ея торжествующїе флоты, должна имѣть союзниковъ на твердой землѣ, чтобы вести войну съ Францїею.* — Г. Тирней, подумавъ, отвѣчалъ: „Союзники? мы найдемъ ихъ въ двухъ сильныхъ Державахъ. Всѣ Англичане, которые возвращаются изъ Парижа, и которые видались тамъ съ ихъ Министрами, увѣряютъ меня въ томъ. У насъ же есть и другая надежда. Первый пушечный выстрѣлъ лишитъ Консула довѣренности и любви народной и произведетъ внутреннїя возмущенїя. Такой союзникъ лучше многихъ." — Я былъ при этомъ разговорѣ и сказалъ Господину Тирнею: „А вамъ развѣ не чего бояться? развѣ Ирландїя не можетъ снова взбунтоваться? и Державы Европейскїя всегда ли будутъ терпѣть ваше самовластїе на моряхъ?" . . . Г. Тирней, читая сїи строки, долженъ согласиться, что я вѣрнѣе его предсказалъ будущее. — — Сей же Г. Тирней разсказывалъ мнѣ весьма любопытный анекдотъ, который можетъ объяснить темное въ новѣйшихъ происшествїяхъ Англїи. Вотъ собственныя его слова:

„Во время послѣдняго Парламентска-
„го засѣданія Аддингтонъ вмѣстѣ съ
„другими Министрами пришелъ къ од-
„ной знаменитой особѣ, чтобы показать
„рѣчь, которую надлежало ей говорить
„въ Парламентѣ. Сія особа спросила:
„упоминается ли въ ней о *павлинѣ*? (Is
„there any thing about a peacock in that ſpeech?)
„Министры изумились, взглянули другъ
„на друга и примѣтили, что Докторъ
„Виллисъ не совсѣмъ вылечилъ своего
„больнаго. — *Нѣтъ, Сиръ!* отвѣчалъ ему
„Аддингтонъ: *какъ можно въ Парламентѣ*
„*говорить о павлинѣ*? — Но я хочу того
„непремѣнно, сказала ему знаменитая
„особа: включите слово *павлинъ*, или
„мнѣ не надобно вашей рѣчи. Я требую
„*павлина! павлина!* — — Видя такое упрям-
„ство, Министры въ Тайномъ совѣтѣ
„начали думать, думать, и наконецъ
„выдумали средство упомянуть въ рѣчи
„о *павлинѣ*. Но, къ щастію, знамени-
„тая особа провела хорошо ночь и на
„другой день забыла *павлина*."

IV.

Письмо изъ Алепа отъ 17 Мессидора 11 Республиканскаго лѣта.

Съ нѣкотораго времени сдѣлалось извѣстно въ Европѣ имя *Ваабіевъ.* Сія новая секта образовалась за 50 лѣтъ передъ симъ между Арабами, живущими въ большой степи Азіатской, отъ Алепа до залива Персидскаго и Маскатты.

Религія *Ваабіевъ*, будучи Религіею естественною, возбудила тѣмъ вниманіе путешественниковъ. Новые случаи оживили сіе любопытство.

Число *Ваабіевъ* ежедневно умножается отъ двухъ причинъ, равно сильныхъ и дѣйствительныхъ: отъ чистоты вѣры ихъ и воинскихъ успѣховъ. Гордясь своимъ могуществомъ, начальникъ ихъ не боится уже явно быть врагомъ Порты. — За двѣ недѣли передъ симъ мы получили въ Алепѣ вѣрное извѣстіе, что они взяли Мекку.

Приближаясь къ сему городу, Сшудъ, сынъ Абдаллы, ихъ главы, увѣдомилъ Абдаллу, Пашу Меккскаго Каравана, который еще тамъ находился, что онъ намѣренъ овладѣть Меккою, но не хочетъ сдѣлать зла ни ему, ни его свитѣ, и совѣтуетъ имъ выѣхать изъ города.

Абдалла-Паша отправилъ къ нему Адама-Эффенди, Кадія Іерусалимскаго, присланнаго изъ Константинополя единственно для того, чтобы убѣдить *Ваабіевъ* въ заблужденіяхъ новой ихъ Вѣры. Сшудъ удержалъ при себѣ Эффенди, который безъ сомнѣнія не могъ обратить его, по желанію Константинопольскихъ Имановъ. Пашѣ оставалось только удалиться: ибо ему не льзя было съ одними пилигримами, миролюбивыми и безоружными, противиться многочисленной арміи.

Абдалла-Паша такъ и сдѣлалъ. Пилигримы отправились слѣдомъ за нимъ; но боясь хитрости со стороны Ваабіевъ, оставили большую часть товаровъ своихъ въ магазинахъ Меккскихъ.

Ваабіи, числомъ до 50000, окружили городъ и взяли его безъ сопротивленія, ограбивъ всѣ домы и даже такъ называемое *святое мѣсто*, гдѣ находится гробъ Магометовъ. Жители Востока разсказываютъ чудеса о несмѣтныхъ богатствахъ, заключенныхъ въ семъ гробѣ; имъ не льзя вѣрить, ибо они издревле любятъ басни. Одинъ Ваабій сказывалъ мнѣ, что тамъ находится бриллїянтъ столь удивительной величины и столь яркой, что его можно видѣть миль за 50.

Шерифъ и Паша немедленно ушли изъ Мекки въ Джедду, какъ скоро услышали о приближенiи *Ваабiевъ*; говорятъ, что они уѣхали оттуда на кораблѣ въ Маскатту.

Черезъ нѣсколько дней по ихъ отъѣздѣ, Ваабiи, оставивъ гарнизонъ въ Меккѣ, осадили Джедду. Вѣроятно, что она скоро должна будетъ имъ сдаться.

Вотъ все, что можно заключить изъ разныхъ писемъ, которыя здѣсь ходятъ по рукамъ; но мы еще не знаемъ вѣрно, какую участь имѣли жители Меккскiе.

Говорятъ, что Ваабiи умертвили всѣхъ Магометанъ, не хотѣвшихъ принять ихъ новой Вѣры, но что они оставили Христiянъ въ покоѣ. Iудеи, которыхъ сiи Арабы презираютъ, какъ людей униженныхъ Судьбою, не могутъ ѣздить верхомъ, должны всегда стоять передъ ними, на лѣвой сторонѣ, и носить особенное платье.

Кажется, что правленiе Ваабiевъ весьма кротко для ихъ единовѣрцевъ. Нѣтъ никакихъ обидъ, ни притѣсненiй, ни налоговъ, кромѣ того, что всякой отдаетъ десятую часть своихъ доходовъ, объявивъ, сколько ихъ имѣетъ: въ чемъ Правительство вѣритъ одному слову.

Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ друзья Ваабїевъ, которыхъ здѣсь очень много. Другїе, напротивъ того, описываютъ ихъ жестокость самыми черными красками.

Жители Алепскїе въ великомъ безпокойствѣ и страхѣ, особливо Жиды, которые всякой часъ ждутъ къ намъ сихъ опасныхъ гостей. „Ваабїи, говорятъ они, обѣщаютъ заплатить долги свои грабежемъ въ Алепѣ и Дамасѣ.“ Это кажется имъ такъ вѣрно, что они сами готовы сдѣлаться ихъ заимодавцами.

Британскїй Агентъ въ Бассорѣ писалъ къ Князю Ваабїевъ и просилъ его не безпокоить Татаръ, посылаемыхъ Англичанами черезъ степь. — Князь взялъ подарки его, не изъявивъ ни малѣйшей благодарности, и написалъ къ нему въ отвѣтъ: „Я получилъ твое письмо. Гонцовъ твоихъ никто не тронетъ, пока „буду въ мирѣ съ Бассорою.“

(*Изъ Монитёра*).

V.

Извѣстія и замѣчанія.

Видя новыя тучи, которыя собираются на политическомъ горизонтѣ — видя, что дѣлается въ Европѣ, въ Африкѣ и въ Азіи — думаемъ, что время великихъ государственныхъ происшествій еще не миновалось, и что первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка можетъ быть весьма достопамятно въ Исторіи... Мы, частные люди, не знаемъ тайны Кабинетовъ; но холодность между одною сильною Державою и Францїею обнаруживается весьма явно и должна имѣть важныя слѣдствія.

Происшествія въ Азіи и въ Африкѣ готовятъ общую революцїю въ сихъ частяхъ міра, которая должна имѣть вліяніе на судьбу вѣковъ. Турки снова лишились Египта, едва успѣвъ овладѣть имъ. Арнауты и Мамелюки взяли Каиръ, Даміетту, и осаждали Александрію, гдѣ заключились остатки Турецкой разбитой арміи; но побѣдители вдругъ сняли осаду и должны были спѣшить на встрѣчу къ новому, опасному непріятелю. Абдулъ Вехабъ

торжествуетъ, вопреки Константинопольскимъ извѣстіямъ о его мнимомъ пораженіи; онъ владѣетъ и Меккою и Мединою; собралъ уже 200,000 воиновъ подъ своими знаменами, и написалъ къ Улемамъ и знаменитымъ жителямъ Каира, что онъ идетъ въ сію столицу древнихъ Калифовъ, желая возстановить тронъ ихъ, уничтожить злоупотребленія Магометанской религіи и воцарить съ собою правосудіе; что жители Каирскіе не должны страшиться его, когда они добровольно ему покорятся; но что въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія гибель и смерть ожидаютъ ихъ. . . . Сей новый пророкъ имѣетъ даръ убѣдительнаго краснорѣчія, не терпитъ наружной пышности, запрещаетъ употребленіе вина и любитъ равенство. На голубыхъ и бѣлыхъ знаменахъ его изображены слова: *Богъ истинный есть Богъ единый.* Проповѣдуя новый законъ свой, онъ держитъ въ рукѣ копье; собираетъ уже великія сокровища, и предаетъ смерти всѣхъ, которые не хотятъ вѣрить его ученію. Музульмане говорятъ, что Абдулъ Вехабъ есть упоминаемый въ Алкоранѣ пророкъ, который долженъ заступить мѣсто Магомета и преобразовать Религію. Другіе утвер-

ждаютъ, что онъ хочетъ соединить всѣ извѣстныя Вѣры, и сдѣлаться такъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ начальникомъ двухъ частей міра; а нѣкоторые думаютъ, что сей удивительный человѣкъ есть — Французской Экс-Іезуитъ, долго жившій въ Аравіи. . . Достойно замѣчанія, что нынѣ всѣ революціи свѣта приписываются тайному вліянію Франціи. Пасвана-Оглу считали Агентомъ Парижскихъ Якобинцевъ; между Беями, новыми завоевателями Египта, ищутъ Консульскихъ Офицеровъ; увѣряютъ, что въ арміи Китайскихъ мятежниковъ есть Французы: *слѣдственно* и Вехабъ долженъ быть Республиканцемъ! . . Какъ бы то ни было, но Магометова Религія находится въ такой же опасности, какъ и самая Оттоманская Имперія. Все имѣетъ вѣкъ и предѣлъ свой. Нравственныя и политическія революціи свойственны земному шару не менѣе физическихъ; но одно время бываетъ гораздо богатѣе ими, нежели другое.

Нападенія Британцевъ на Французскія гавани не имѣли донынѣ ни малѣйшаго успѣха; безчисленными ядрами и бомбами своими не разрушили они еще

ни одной лодки, и въ глазахъ ихъ двѣ флотилїи, изъ Дюнкирхена и Кале, благополучно прошли въ Булонь. Французскїе берега усѣяны батареями: подъ ихъ выстрѣлами ходятъ плоскодонные суда и лодки, не боясь Англичанъ, которые стрѣляютъ въ нихъ только издали. „Суда Республики (говорятъ Французскїе Журналисты) построены такъ, „что на нихъ читаешь, кажется, слова: „*намъ мутти не далеко!* Они весьма легки, „длиною въ 50 футовъ, а глубиною въ 5, „съ четырмя веслами, съ одною мачтою „для паруса и съ тремя пушками. На „каждомъ можетъ помѣститься 60 чело„вѣкъ. Имъ не льзя обороняться; но мы „хотимъ только переѣхать на нихъ.“ — Увѣряютъ, что Бонапарте непремѣнно будетъ самъ командовать экспедицїею, и сядетъ съ отрядомъ гвардїи на легкое судно. Всѣ Министры, кромѣ Военнаго, останутся въ Парижѣ. Между тѣмъ Консулъ спокойно работаетъ въ Кабинетѣ — и даже беретъ веселое участие въ прїятныхъ Сен-Клудскихъ балахъ; на послѣднемъ онъ танцовалъ долѣе часу; занимается также и спектаклями. Французскїе актеры не рѣдко играютъ въ Сен-Клу. Бонапарте любитъ трагедїи, — особенно Корнелевы.

Французская армія, собранная на границахъ Гишпаніи, распускается (какъ увѣряютъ), и Генералъ Ожеро будетъ употребленъ въ Англійской экспедиціи, вмѣстѣ съ Массеною, къ которому Бонапарте оказываетъ нынѣ отмѣнное благоволеніе. Мадритскій и Лиссабонскій Дворы соглашаются исполнить всѣ требованія Консула. *Князь Мира* удаленъ отъ дѣлъ, и мѣсто его заступилъ Г. Д' Эрвасъ, тесть Генерала Дюрока. Думаютъ, что Англія скоро объявитъ войну Гишпаніи. Принцъ Регентъ въ Лиссабонѣ дружески угощаетъ Генерала Лана, и даже креститъ у него дѣтей. *Тѣмъ лучше для насъ!* говорятъ Англичане: *мы возьмемъ Бразилію.*

Монитёръ смѣется надъ Англійскими новыми Полковниками: Питтомъ, Виндгортомъ и другими; не щадитъ даже и Его Величества, Короля Великобританскаго, замѣчая, что онъ не рѣдко выѣзжаетъ нынѣ на конѣ учить свою гвардію, и воспалять ея духъ огнемъ геройства, которое оказано имъ въ безчисленныхъ сраженіяхъ. Это грубая и ни мало не остроумная шутка. Гораздо лучше шутятъ Французы надъ угрозами Англи-

чанъ, которые надѣятся скоро завоевать Голландїю, а можетъ быть и Парижъ.

Весьма забавною показалась намъ также одна статья Лондонскихъ вѣдомостей, въ которой доказывается, что нынѣшнее положенїе Англїи весьма выгодно для ея торговли и промышленности: *ибо* всѣ портные шьютъ мундиры для волонтеровъ, а мануфактуристы не могутъ для нихъ наготовить суконъ.

Народъ Мальтїйскїй сжегъ образъ Великаго Магистера Томмази и весьма любитъ Англичанъ, естьли вѣрить Лондонскимъ Журналистамъ. Нельсонъ объявилъ гнѣвъ свой тамошнему Епископу, который, прощаясь съ Французскимъ Резидентомъ, забылъ въ тотъ день служить молебенъ одному Святому. Это дѣлаетъ честь Лорду Нельсону — равно какъ и то, что онъ всѣхъ Мальтїйскихъ жителей, подозрѣваемыхъ въ Республиканскомъ образѣ мыслей, выгоняетъ изъ отечества.

Славный чудотворный образъ Эинзиделънскаго монастыря въ Швейцарїи, который въ 1798 году былъ увезенъ оттуда въ Германїю, нынѣ возвратился на

свое мѣсто. Монахи для сего торжественнаго случая выпросили нѣсколько пушекъ въ Цирихѣ и встрѣчали икону съ великою стрѣльбою. Они не помнятъ, чтобы когда нибудь собиралось у нихъ столько молельщиковъ, какъ нынѣ. Изъ Италіи, Савоіи, Франціи и Германіи приходитъ въ монастырь удивительное множество набожныхъ людей.

Госпожа Сталь, Авторъ Дельфины, жила не далеко отъ Парижа: нынѣ велѣно ей какъ можно скорѣе выѣхать изъ Франціи. Бонапарте и Госпожа Сталь не любятъ другъ друга.

Конецъ XI Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

СЕНТЯБРЬ. № 17.

Стран.

I. Снитгеръ. — Гамбургскій Анекдотъ. - - - 3
II. Забавы въ Гаванѣ, первомъ городѣ Гишпанскаго острова Кубы. - 20
III. Письмо изъ Парижа. - - 23
IV. Лекарство отъ любви. - 27
V. Письмо Индѣйскаго царя Окоамса изъ Англіи, къ первому его Министру Ецу, о Лондонской церкви Св. Павла. - 31
VI. Письмо одного Американскаго Натуралиста о рыбѣ неразлучной съ насѣкомымъ. - - 34
VII. Смѣсь. - - 36
VIII. Письмо сельскаго жителя. - 42
IX. Рѣчь Швейцарскаго Ландмана д'Аффри при открытіи Сейма. 60
X. О войнѣ между Англіею и Франціею. 69
XI. Извѣстія и замѣчанія. - - 76

СЕНТЯБРЬ. No 18.

Стран.

I. О свободѣ Азіатскихъ женщинъ. Сочиненіе Индѣйца Мирзы Талебъ-Хана. - - 86
II. Мегалантропогенезія. - - 100
III. Письмо изъ Парижа. - - 106
IV. Смѣсь. - - - 114
V. О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 119
VI. Отрывокъ тайной исторіи Консульства. - - - 146
VII. Карно. - - 153
VIII. Извѣстія и замѣчанія. - 155

ОКТЯБРЬ. No 19.

I. Письмо Дениса Ивановича Фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ Россійскаго словаря. - 163
II. Извѣстіе объ островахъ Канарскихъ или щастливыхъ, взятое изъ новой. [illegible] Гражданина Бори о древней Атлантидѣ. - 179
III. Бѣлая Магія или полезный шарлатанъ. - - 190
IV. Индѣйскому Брамину. - 201
V. Стихи любовника. - 203
VI. Чувствительный и холодный. Два характера. - - 205
VII. Извѣстія и Замѣчанія. - 234

ОКТЯБРЬ. № 20.

Стрін.

I. Письмо Русскаго путешественника изъ Парижа. - - 245
II. Руская старина. - 251
III. Докторъ въ маскарадѣ. - 271
IV. Модная Парижская пѣсня. - 274
V. Девизы. - - 276
VI. Женитьба старика. - 278
VII. Письмо одного молодаго Француза изъ Монреаля. - 279
VIII. Какъ судили о женщинахъ древніе и новые Авторы? - 283
IX. Гороховый дождь или горохъ лунный. - - 287
X. Къ благотворительной незнакомкѣ отъ Издателя. - 289
XI. Смѣсь. - - 290
XII. Описаніе Консульскаго воинскаго парада. - - 292
XIII. О высадкѣ. - - 296
XIV. О нещастномъ состояніи Сен-Доминской Колоніи. - 308
XV. Письмо изъ Булони. - 311
XVI. Письмо изъ Алепа. - 314
XVII. Извѣстія и замѣчанія. - 318